

A black and white portrait of Gennadiy Bordyugov, an older man with short hair, looking directly at the camera with a serious expression. He is wearing a dark jacket over a white t-shirt. The background is a solid blue color.

ГЕННАДИЙ БОРДЮГОВ
ИСТОРИЯ
как
конъюнктура

ИНТЕРВЬЮ, БЕСЕДЫ

с Надеждой АЖГИХИНОЙ, Дмитрием
АНДРЕЕВЫМ, Сергеем АНТОНЕНКО,
Валерием ВЫЖУТОВИЧЕМ, Ульяной
ГАЛАНЦЕВОЙ, Аланом КАСАЕВЫМ,
Александром НЕКЛЕССОЙ, Владимиром
НОВОСАДИЮКОМ, Сергеем
ШАПОВАЛОМ и др.

Ассоциация исследователей российского общества АИРО-XXI
Проект Стивена КОЭНА и Катрины ванден ХЮВЕЛ



Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Надежда АЖГИХИНА	Ассоциация «ПЭН-Москва»
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Петр АКУЛЬШИН	Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ имени М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Ирина ВАРСКАЯ-ЧЕЧЕЛЬ	Интернет-журнал «Гефтер»
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр научных исследований «Актуальная история» АИРО-XXI
Алан КАСАЕВ	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Андрей КУЗНЕЦОВ	Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чепел Хилл
Александр РЫБАКОВ	Международный центр торговли (Москва)
Борис СОКОЛОВ	Центр научных исследований «Актуальная история» АИРО-XXI
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Катрина ванден ХЮВЕЛ	The Nation, Нью-Йорк
Марк ЮНГЕ	Рурский университет в Бохуме

Г.А. Бордюгов

ИСТОРИЯ
КАК
КОНЪЮНКТУРА

Москва

2024

Дизайн и обложка – Сергей Щербина

Бордюгов Г.А.

История как конъюнктура. – М.: Пробел-2000, 2024. – 268 с.

ISBN 978-5-98604-956-4

В книгу включены интервью и беседы с автором за последние 25 лет. Среди актуальных тем, предложенных редакциями газет, журналов, радио и телевидения, – возрождение политических мифов, культуры прошлого и будущего, память о Большом терроре и «датская» политика, состояние научного сообщества историков России и др. Читателям представляются результаты международных мониторингов АИРО-XXI и исследований автора, связанных со 150-летием Ленина и 140-летием Сталина, 100-летием Революции 1917 года и образования СССР, 70- и 75-летними юбилеями Великой Победы в Великой Отечественной войне. Рекомендуется не только для профессиональных историков, но и широкого круга читателей.

© Бордюгов Г.А., 2024

© АИРО-XXI, 2024

© «Пробел-2000», 2024

ISBN 978-5-98604-956-4

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дмитрий АНДРЕЕВ</i> ЗАВЕРШЕНИЕ СПОРА? Предисловие от историка.....	7
<i>Надежда АЖГИХИНА</i> БЕЗ РЕТУШИ. Предисловие от журналиста.....	11
Политический миф: возрождение в новой российской реальности. <i>Интервью Владимиру Кашаеву,</i> <i>председателю Ивановского областного комитета</i> <i>по телевидению и радиовещанию.....</i>	15
День Победы: праздник и политика. <i>Беседа с ведущими</i> <i>радиостанции «Эхо Москвы» Виталием Дымарским</i> <i>и Дмитрием Захаровым.....</i>	20
Образы будущей России: миражи и маски XX века. <i>Беседа с ведущим FM Александром Неклессой</i>	33
Полного вытеснения культуры не произойдет. <i>Интервью Сергею Шаповалу</i>	44
Что происходит с научным сообществом историков России? <i>Беседа с искусствоведом, философом Олегом</i> <i>Генисаретским (1942–2022) и ведущим FM</i> <i>Олегом Алексеевым</i>	53
Профессионалы и советская власть: взгляд из и для нашего времени. <i>Беседа с первым заместителем</i> <i>главного редактора альманаха «Развитие и экономика»</i> <i>Дмитрием Андреевым</i>	60
Революция и российское пространство власти. <i>Интервью главному редактору журнала «Наука</i> <i>и религия» Сергею Антоненко (1974–2021)</i>	105
Как трансформируется память о Большом терроре? <i>Интервью главному редактору Sputnik Молдова</i> <i>Владимиру Новосадыку (1947–2021).....</i>	121

Наша история нас объединяет? <i>Беседа с политическим обозревателем «Российской газеты» Валерием Выжutowичем</i>	129
Как вернуть Сталина из памяти в историю? <i>Беседа с Валерием Выжutowичем</i>	141
Кому и зачем нужен был культ Ленина. <i>Беседа с Валерием Выжutowичем</i>	155
Запад реально схлестнулся в схватке за право управлять памятью о Победе. <i>Интервью корреспонденту журнала «Журналист» Ульяне Галанцевой</i>	163
Что врут календари? «Благие даты» в современном публичном пространстве и СМИ. <i>Интервью журналистке, писательнице Надежде Ажгихиной</i>	169
Переустройство послевоенной Германии в планах антигитлеровской коалиции. <i>Интервью генеральному директору журнала «Солдаты России» Анне Баканач</i>	185
Идеалисты и реалисты: пять веков русского спора о власти. Дискуссия. <i>Вопросы редакции журнала «Новое прошлое / The New Past»</i>	190
Наследие Советского Союза. Исполняется 100 лет со дня образования СССР. <i>Беседа с Валерием Выжutowичем</i>	209
При большевиках модернизация, пусть и примитивная, все же состоялась. <i>Беседа с ведущим экспертом Президентской академии Аланом Касаевым</i>	223
30 лет – это все-таки мало. <i>Интервью ведущей Радио «Маяк» Евгении Верницкой</i>	241
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Г.А. БОРДЮГОВА	249

ЗАВЕРШЕНИЕ СПОРА?

Предисловие от историка

Вот уже более 20 лет я не просто знаком с Геннадием Бордюговым, но дружу с ним, считаю его близким для себя человеком, с радостью участвую практически во всех организуемых им проектах. Я услышал о нем еще раньше, в начале 1990-х, когда вышла книга «История и конъюнктура.



рия и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества», написанная им в соавторстве с Владимиром Козловым. Помнится, книга эта меня тогда очень поразила. Авторы – как это следовало из названия их работы – считали, что некой подлинной истории в нашей стране всегда (ну, или, по крайней мере, в советское время) противостояла ситуативная конъюнктура, которая постоянно корежила эту самую подлинную историю в угоду своим сиюминутным политическим интересам. Я абсолютно соглашался с тем, что конъюнктура действительно перманентно форматирует представления о про-

шлом, но у меня и в мыслях не было, что существует какая-то единственная правда, которую якобы можно и нужно вызволять из-под гнета тех или иных конформистских представлений.

Мое тогдашнее неприятие основополагающего посыла этой книги впоследствии лишь укрепилось, и сейчас я еще больше убежден в том, что множественность интерпретаций прошлого – в зависимости от исходной точки зрения, от ракурса взгляда, от нюансов ценностно-мотивационной установки интерпретатора – это совершенно естественно, что у красных и белых, либералов и консерваторов, радикалов и соглашателей всегда были, есть и будут разные герои и злодеи, разные правда прошлого и его кривда, разные виноватые за провалы и причастные к успехам. А поэтому для каждой конъюнктуры – своя история. Это не релятивизм, поскольку данная позиция предполагает ярко выраженную субъективность, в отличие от бесцветных и отстраненных западных *obviously* и *perhaps*.

И когда я познакомился с Геннадием Аркадьевичем и потом довольно быстро с ним сдружился, я искренне недоумевал, как такой грамотный и знающий историк может придерживаться позиции, характерной по своему гносеологическому фундаментализму для давно уже ушедшего в прошлое XIX века, когда казалось, что знание, в том числе гуманитарное, всеильно. Оказывается – может! Подобный взгляд на историю всегда был очень притягательным, потому что он представлял собой не просто

познавательную практику, но ценностную установку типа «на том стоим», которая своей твердостью неизменно вызывает восторг даже у оппонентов. Да, я уважал его мнение, но при этом все эти годы спорил с ним. Эти наши споры развивались по одной и той же схеме: я ему – некое однозначное истолкование, а он мне в ответ – это прегрешение против исторической правды со всеми вытекающими отсюда оценочными суждениями, и тут же проговаривались извечные «с одной стороны» и «с другой стороны», в то время как у меня сторона всегда была одна-единственная. Да откуда ж нам знать эту историческую правду? До сих пор никак со Сталиным даже не можем определиться, злодей он или все-таки гений, а как в таком случае очистить зерна исторической правды от плевел конъюнктуры текущего момента?

Каково же было мое удивление, когда я увидел еще в рукописи этот сборник бесед и интервью, на титульном листе которого стоял заголовок «История как конъюнктура». Понятно, что смысл такого заголовка прочитывался однозначно: прошлое воспринимается через настоящее, через истолкования, порождаемые особенностями текущего момента. То есть конъюнктура все-таки первична? Именно от нее зависит прочитывание и понимание нами минувшего? И действительно, каждое из собранных в сборнике интервью, расположенных в хронологической последовательности, – это продукт своего времени, который до конца понятен только лишь в рамках той эпохи, в которую он появился. Ну в самом деле, разве пафос бесед,

привязанных к отметкам круглых дат в нашей недавней истории, не воспринимается сейчас, на дистанции, как нечто безвозвратно оставшееся в том времени, когда та или иная конъюнктура вызывала на соответствующие размышления? Выходит, наш спор завершился, скажем так, подтверждением правоты именно моего взгляда?

Наверное, накануне юбилея моего друга такое прямолинейное понимание нашего многолетнего спора было бы явным заблуждением. Геннадий слишком, чересчур, избыточно состоявший профессионал, знаток истории, ее виртуозный исследователь и рассказчик, чтобы можно было утверждать, что в нашем с ним споре он вдруг отказался от своей исходной установки. Это – своего рода ирония мастера. И мне очень льстит, что эта ирония спровоцирована в какой-то степени в том числе и моими усилиями.

С юбилеем, дорогой друг!

*Дмитрий АНДРЕЕВ,
доктор исторических наук,
заместитель декана
исторического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова*

БЕЗ РЕТУШИ.

Предисловие от журналиста

С Геннадием Бордюговым меня познакомили мои давние друзья, еще со времен «Огонька» периода перестройки, профессор Стивен Коэн и его супруга Катрина ванден Хювел. Произошло это в Музее истории ГУЛАГа, еще в старом здании на Петровке, на выставке «Комиссар исчезает» Дэвида Кинга.



Знаменитая выставка, обошедшая многие города и страны – освобожденные от ретуши фотографии первых советских десятилетий. На них рядом с Лениным и Сталиным те, кто скоро погибнет, о ком долгие десятилетия старались стереть память. Тогда же я узнала об Ассоциации исследователей российского общества, с которой сотрудничал Стив, о ее проектах, посвященных «пространству прошлого», взаимодействию власти и духовной элиты, высокой и массовой культуре и др. Кажется, в тот же самый день я предложила встретиться и обсудить подготовку диалога историков и журналистов. Так началось наше сотрудничество, продолжающееся уже более пятнадцати лет.

Геннадий и его соратники по АИРО-XXI стали частыми гостями в Центральном доме журналиста, принимали участие во Всероссийских фестивалях прессы в Дагомысе, в семинарах и конференциях журналистов в Москве и других городах. Практически всегда разговор выливался не только в публикации, радио- и телепередачи, но и в продолжение исследования затронутых тем. Прежде всего потому, что выбранные сюжеты – будь то память о войне, «большом терроре», Революции или СССР – требовали подробного обсуждения, которого всегда недоставало. Проекты Ассоциации «Победа-70», «Победа-75», «Революция-100», «СССР-100» и другие – это, бесспорно, не только исследовательская новация, но и бесценный материал, подспорье для каждого журналиста, интересующегося историей нашей страны и ее современным самочувствием. Еще одна очевидная причина взаимного интереса – талант рассказчика самого Геннадия Бордюгова, в котором соединился высочайший профессионализм, азарт и бесстрашие исследователя, стремление поделиться новым знанием и редкое умение увлекательно и одновременно понятно рассказать о сложном. Такой собеседник – настоящая находка для журналиста. Очень редко крупный ученый может терпеливо и просто рассказать о своей работе и открытиях. Совершенно закономерно, что он стал заметной медийной фигурой, чьи лекции и интервью привлекают внимание самой широкой публики вот уже два десятилетия. Более того, перечитывая интервью давних лет, удивляешься, насколько глаз историка заметил

нарождающиеся новые мотивы и тренды, сформулировал темы, которые заявили о себе только позднее.

Сборник бесед и интервью Геннадия Бордюгова – уникальная возможность познакомиться с основными сюжетами отечественной истории и острыми темами современной дискуссии с позиции исторической науки. Своего рода навигатор, определяющий вектор движение дискурса, четко определяющий границу между научным знанием, идеологией, мифом и политическим интересом. «История как конъюнктура» – это анализ отношения общества и власти к актам и событиям прошлого и настоящего. Анализ, скальпелем снимающий ретушь, мишуру и штукатурку. Необходимый сегодня, когда растерянное сознание современника мечется между разнородными фрагментами информации и символических знаков, эмоциональных заклинаний и штампов массовой культуры. Мы живем не в мире идеологии, мы давно существуем в пространстве попсы и пиара, наши реакции моделирует нейролингвистическое программирование, спастись поможет, как и всегда, только точное знание и свободное обсуждение.

Диалоги с Бордюговым – это одновременно и попытка его собеседников, а вместе с ними и нашего общества, осмыслить себя в потоке истории и в информационном шуме. Первая же беседа, датированная 2000 годом, с руководителем Ивановского ТВ о значении мифа и важности его изучения, сегодня звучит особенно актуально. Принципиальные диалоги с коллегами Дмитрием Андреевым и Сергеем Антоненко раскрывают основные тезисы направле-

ния «пространственного подхода к истории», осмысления логики революций и феномена власти в России. Серия бесед с Валерием Выжутовичем в «Российской газете» разных лет поднимают «проклятые вопросы» советского и постсоветского общественного сознания. Самое удивительное – при всей остроте тем и сюжетов, драм и трагедий, о которых идет речь в диалогах, – не отпускающее читателя ощущение веры в то, что современники справятся с мороком мифологии и комплексами неполноценности / превосходства, которые взращивают и продуцируют информационный поток и поп-культура. Если, конечно, смотреть на историю без гнева и пристрастия. Именно как на историю. Куда переместятся из коллективной мифологизированной памяти и современного дискурса цари и тираны, герои и праведники? Важно увидеть их без ретуши. Тогда и на ту историю, которая творится каждый день нами и вокруг нас, появится более реалистический взгляд.

*Надежда АЖГИХИНА,
секретарь Союза журналистов России в 2003–2017,
литератор, общественный деятель,
участник проектов АИРО-XXI*

Политический миф: возрождение в новой российской реальности

*Интервью Владимиру Кашаеву, председателю Ивановского областного комитета по телевидению и радиовещанию**



– Ровно год назад ваша Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XX) провела в нашей области, в городе Шуя Международный научный семинар «Мифы и мифология в современной России» и по ее итогам издали сборник материалов форума. В этой связи первый вопрос: почему вы избрали не областной центр, а Шую?

– Не думаю, что надо подробно рассказывать вашим зрителям о том, что это город древний, связанный с такими историческими фигурами, как Василий Шуйский, Иван Грозный, Пётр I, Евдокия Лопухина и др., с такими деятелями культуры, как Константин Бальмонт и Иван Цветаев. Готовясь к семинару, мы начали сотрудничать с Музеем М.В. Фрунзе и ее замечательным директором Любовью Королевой, Шуйским университетом. Для нас было важно, что, как и многие провинциальные города, Шуя живет сказаниями и легендами, значение которых даже

* Иваново-ТВ. 2000, 21 сентября.

усилилось. Мне кажется, чем чаще для научных мероприятий будут избираться такие места, тем скорее исчезнет центрально-периферийная пространственная организация жизни, когда столица задает тон, являясь инициатором всех перемен, а провинция подхватывает инициативы и пытается их копировать.

– Теперь позвольте второй вопрос: а почему профессионалы в последнее время стали обращаться к изучению мифов?

– Вообще-то, их изучают уже два с лишним столетия. И ученые признали за мифом статус реальности. Мифы стали рассматриваться как важная часть культуры, они, как и идеология, тоже имеют регулирующие функции. Более того, сегодня в российском обществе мифы потеснили идеологию, а идеология, в свою очередь, стала эксплуатировать мифическое. Однако если научные теории можно проверить через опыт, то мифы повторяют канонические объяснения. Теория стремится к формулировке закона, который всегда под вопросом и может быть в любой момент опровергнут. Миф не дает такой возможности.

– Если это так, возможно ли уравновесить мифы и научные теории?

– Крайне сложно. Преобладание мифов создает опасную ситуацию – при доминировании иррационального, а именно иррациональные доказательства использует миф, легче манипулировать сознанием, а следовательно, и поступками людей.

– Но ведь известно, что мифы, как и религия, способны смягчать удары судьбы, кризисов. Поэтому критика мифа (о Сталине, СССР), которая звучала на вашем форуме, может восприниматься многими как личная трагедия, как утрата идеалов и смысла жизни.

– Согласен. Но как быть с тем, когда мифы используются для достижения определенных целей, для установления власти над другими людьми? Поэтому мы заострили внимание на политических мифах, мифах власти и мифах о ней. Достаточно вспомнить, как в качестве господствующего мифа избирались «власть сильной руки», или как государственная идеология разыгрывала мифическую карту «Москва – Третий Рим». В отличие от мифов традиционных, эти мифы рукотворны.

– Советская идеология ведь тоже превратилась в нечто религиозно-мифическое? Я внимательно читал сталинский «краткий курс» истории КПСС.

– Значит, помните, что Октябрьская революция представляла как акт творения нового мира, что дальнейшая история была борьбой за чистоту с демонами, внутренними и внешними («продолжение классовой борьбы»), с «эпохой битв» (Великая Отечественная война). Сталин в этой советской идеологии не просто продолжатель Ленина, а как бы его перевоплощение: «Сталин – это Ленин сегодня».

– Сегодня власть тоже использует мифическое? В древних традициях правитель, приходящий к вла-

сти, должен был продемонстрировать свою воинскую и мужскую состоятельность.

– И политтехнологи не могут это не учитывать. Поэтому президент В.В. Путин в новогоднюю ночь летит в Чечню в сопровождении представителей трех религий: иерея, муллы и буддийского ламы. Так он заручается благословением трех существующих в России исторических религиозных традиций. Сакрально-мифологическое значение имели и такие действия, как инаугурация, демонстрирующая вписанность в контекст Кремля, особенно Соборной площади – сакрального центра Русского государства. Принятие нового гимна РФ – символический обряд примирения с прошлым, в том числе с коммунистическим прошлым. Назову несколько интерпретаций действий Путина, которые сегодня доминируют. Одни аналитики ждут и верят в нестандартные решения президента, в проявление воли и рационализма. Другие по-прежнему настаивают на использовании готовых, заемных у Запада установок и моделей управления. Но вот самый интересный третий вариант. Многие сватают нового президента на роль «Отца большой семьи».

– То есть он опирается на народ, нацию. Кстати, при Ельцине коммунисты не растворялись в нации, в народе, а сразу объявлялись чужеродным элементом. В новой интерпретации мы этого не встречаем.

– В этой связи могу сослаться на показатели исследования ВЦИОМ о восприятии Владимира Путина спустя

полгода после вступления во власть. Дополнительные «очки» были набраны президентом не в конкретных, ощутимых областях политики – Чечня, налоги, пенсионная реформа и др., а по таким параметрам, как «это человек, который обеспечивает стабильность в стране», «это внешне симпатичный человек», «он знает жизнь, он понимает нужды простых людей». Само понятие «Президент Российской Федерации» (по методу Ролана Барта) сразу же обретает связь с целым – с историей России, с ее прошлым, настоящим и будущим.

День Победы: праздник и политика

*Беседа с ведущими
радиостанции «Эхо Москвы»
Виталием Дымарским*
и Дмитрием Захаровым***



Д. ЗАХАРОВ: Первый вопрос, может быть, прозвучит достаточно парадоксально. Скажите, а когда у нас официально начали праздновать 9 мая?

– Официально с 1965 года, когда партию и государство возглавил Леонид Ильич Брежнев, который наметил свой сценарий организации этого праздника, в том числе для легитимации собственной персоны, нового режима, который устанавливался с уходом Хрущёва.

В. ДЫМАРСКИЙ: То есть вы хотите сказать, что после Победы в течение 20 лет, с 1945 года до 1965 года, праздника Дня Победы официально не было?

– Он праздновался в других формах. Когда я изучал эту проблему юбилеев Победы, то каждой дате я пытался найти какое-то точное определение. Май 1945 года связан с началом *подчинения памяти* о войне, т. е. Сталин сразу же стал организовывать это пространство под себя и формировал его со своим профилем. Неслучайно все по-

** В 2023 г. признан иноагентом.

** Эхо Москвы. Программа «Цена Победы». 2006, 1 мая.

следующие дни 9 мая, начиная с 1946 года все центральные газеты, включая, конечно, «Правду» выходили с большим портретом вождя.

В.Д.: А у вас есть объяснение, почему?

– Просто Сталин видел память о Победе в том русле, которое соответствовало его представлениям о результатах войны, которое позволяло обойти сложные вопросы, возникавшие после ее окончания.

Д.З.: В частности, колоссальных потерь.

– Цены Победы... И эта тема либо догматизировалась, либо всячески обходилась. Так же, как обходилась и тема: а кого мы, собственно, победили? На попытки понять побежденного врага, уже не как тупого гунна и изверга, был наложен запрет. Известный запрет (потом, конечно, его не удавалось удержать) касался и этнического фактора Победы, который мог вызвать прилив чувств самоценности у нерусских народов.

Д.З.: То есть?

– Речь шла о том, что в годы войны были подняты национальные паруса, а затем ставка делалась исключительно на великий русский народ, как руководящий. Это закреплялось в известных сталинских тостах в мае-июне 1945 года.

Д.З.: Так сказать, в пантеоне победителей.

– В пантеоне победителей, и, естественно, это не могло не вызывать конфликты и напряжение.

Д.З.: А зачем он так поступил?

– Думаю, он искал опору своему режиму власти не только в партии и рабочем классе, а в самом многочисленном, самом большом народе – русском. Вскоре великорусская идея захлестнет общество, культуру и науку.

В.Д.: А можно сказать, что вот эта новая установка пришла на смену классовому видению тогдашнего мира?

– Безусловно. Но уклон в сторону национально-государственной идеологии, новая стратегия в этнополитической сфере наметились ещё в середине 1930-х годов, когда Сталин почувствовал, что на одном стержне интернационализма устойчивость своему режиму власти не создать, социальную опору не расширить.

Д.З.: На фоне этого, насколько я понимаю, он одновременно проводил ослабление армии. Ведь после победы он ее, скажем так, достаточно сильно побаивался.

– Поколение победителей он действительно хотел поставить на место, указать «правильное место» и маршалам, и генералам, и, прежде всего, офицерскому корпусу, поскольку у них после заграничных походов мог вырваться иной взгляд на ситуацию. И это происходило до-

волью своеобразно. С одной стороны, «дело авиаторов», опала Жукова, а с другой, приглашение победителей в политическую элиту, скажем, на уровне областей, краев. Протестная энергия новейших «декабристов» была локализована.

В.Д.: А можно ли сказать, что вот это нежелание Сталина отмечать День Победы связано еще и с тем, что ему не хотелось ворошить всю историю войны, особенно ее начала, периода страшных поражений?

– Отсюда и вопросы, а когда, собственно, начинается сама Отечественная война – сразу же, с 22 июня, или все-таки после того, когда были осознаны просчеты, ошибки, и, самое главное, когда была понята несостоятельность и неэффективность мер чрезвычайщины, которые возникли как ответ власти на начавшуюся войну? Вы посмотрите, как все начинается. Режим пытается взять под контроль ситуацию преимущественно репрессивными мерами. Возникает шпиономания, подозрительность, принимается приказ № 270 – власть делает семьи сдавшихся или попавших в плен заложниками. Отступление Красной Армии сопровождается массовыми расстрелами в лагерях, восстанавливается институт военных комиссаров – недоверие фронту, возникают политотделы в колхозах и совхозах – недоверие тылу.

В.Д.: Заградотряды – недоверие рядовым.

– Это уже 1942 год, другой этап войны. Словом, чрезвычайщина – самый кратчайший путь к краху системы. По-

этому и растет понимание, что такими методами, с таким инструментарием длительную войну вести нельзя.

В.Д.: Поскольку вы заговорили о периодизации Отечественной войны, провокационный вопрос: у меня всегда возникало не то чтобы сомнение, но во всяком случае вопрос, почему вообще появилось такое понятие – Великая Отечественная война?

– Понятие «Отечественная война» возникает уже в 1941 году, возникает в устах власти. Снизу же оно формируется по мере осознания того, что война касается каждого, каждый должен включиться в нее, забыв классовые обиды и прочее. А если учесть, какими усилиями и ценой досталась нам победа в сражении с гитлеровской армией, за которой стояло свыше двух десятков европейских стран, то война стала действительно Великой.

Д.З.: И вот когда это все произошло?

– Думаю, по мере преодоления чрезвычайщины, репрессивных методов ведения войны, по мере включения других рычагов управления, соединения усилий и воли всех советских людей, энергии всего народа и открытой опоры на него. Этот момент наступает, скорее, к концу 1941 – началу 1942 года.

Д.З.: Но репрессивные механизмы-то не отменялись до конца войны.

– Не отменялись. Но давайте не забывать о том, что, к примеру, в июле 1941 года, несмотря на все репрессии, из

лагерей было освобождено свыше 600 тысяч заключенных, из них 175 тысяч были мобилизованы в армию. Поэтому, как раз наоборот, надо фиксировать случаи отхода от этих репрессивных методов, потому что, опять-таки, ими вести долгую войну невозможно.

Д.З.: Но при всем при том заградотряды появились в 1942 году.

– Верно, произошла еще одна вспышка чрезвычайщины – приказ № 227, известный как «Ни шагу назад» – вершина старого арсенала средств, ответ на летние поражения Красной Армии, но после этого происходит еще более глубокий поворот к иным способам ведения войны и укрепления армии – ставка на офицерский корпус, возвращение гвардии, ликвидация «двуначалия» (института военных комиссаров). И, конечно же, опора на людей самостоятельных, способных принимать самостоятельные решения без оглядки наверх. Ведь та элита, которая была воспитана в духе политической благонадежности, оказалась парализованной.

Д.З.: Ну да, это была элита исполнителей.

Г. БОРДЮГОВ: Исполнителей, перестраховщиков, сглядатаев и доносчиков. С такой элитой войну не выиграть. Поэтому идет обращение к совершенно другой породе командующих и руководителей, делается ставка на людей, готовых принимать независимые решения, отвечать за них, отвечать за ошибки. Но, естественно, потом

они будут отодвинуты, вернуться на прежние, не ключевые места.

В.Д.: Более того, там ведь, по-моему, после Победы был призыв Сталина подвергнуть победителей критике, чтобы не зазнавались.

– И оставались скромными. Причастность к Победе, по Сталину, не давала права на какой-то исключительный статус.

Д.З.: Ну да, Жигарев командовал авиацией до войны, командующим авиацией во время войны стал Александр Александрович Новиков, который по сути сделал ту авиацию, которая сумела немало сделать для Победы. А кто становится командующим авиацией после войны? Товарищ Жигарев.

В.Д.: У меня еще такой вопрос, если вернуться к празднованию дня войны в первый послевоенный период. Ну хорошо, политическая воля не желала широкомасштабного праздника, а сами победители, сам народ?

– Конечно, праздновал. Это не запрещалось, но это был домашний праздник, праздник семьи, встреч однополчан. И, конечно, так происходило приобщение молодого поколения к памяти о войне и Победе. Через рассказы, воспоминания, песни военных лет.

Д.З.: Хорошо, Сталин как бы обустроивал историю так, чтобы чудовищные потери отошли на задний

план, чтобы история выписывалась под него, и в этом контексте он не хотел ни усиления роли армии-освободительницы, чтобы все это сводилось к его роли. Но потом же пришел Хрущев.

– У Хрущева был свой сценарий.

В.Д.: Я как раз хотел перейти к 1955 году, десятилетию Победы. Опять же оно не отмечается, но уже по другим причинам.

– Отмечается, но своеобразно. 8 мая прошло торжественное заседание партийно-государственной верхушки в Большом театре, на котором с докладом выступил маршал Иван Конев, не Жуков. Говорилось исключительно о военных аспектах войны и таким образом локализовывались память о Победе и сам праздник.

Д.З.: Реабилитация армии...

В.Д.: Десакрализация Сталина, хотя до XX съезда почти год.

– У Конева в речи только один раз прозвучит имя Сталина, да и только после подчеркивания заслуг действующих руководителей – Ворошилова, Кагановича, Булганина, ну и Хрущёва. Сталин был назван председателем ГКО и Верховным Главнокомандующим, но назначенным Центральным комитетом и Советским правительством.

Д.З.: Так почему же Хрущев все-таки не сделал праздник национальным, государственным?

В.Д.: Видимо, потому что трудно было отойти от Сталина?

– Да, Хрущёв уже готовился к XX съезду, готовился к обличительному докладу. Для перевода праздника в общегосударственный разряд требовалось объяснение роли и значения Сталина.

Д.З.: И куда делся Сталин?

– Его торопились «сбросить» в зону антипамяти.

Д.З.: Понятно. И не хотели после XX съезда. Почему?

– Потому что нужно было объяснять, почему мы выиграла войну. И если война выиграна, у этой войны есть народ-победитель, но есть и главнокомандующий. С ошибками, просчетами, но принимающим ключевые решения. Поэтому Сталин все же присутствовал в ауре юбилея – хотя бы даже в качестве фигуры умолчания.

В.Д.: А может Никите Сергеевичу нечего было предъявить о своей роли в годы войны?

– Как это не мог предъявить? Если вы возьмете шеститомную «Историю Великой Отечественной войны», которая была написана при Хрущеве, то вы можете обнаружить, что его имя там упоминается 126 раз, а опальный Жуков только 16.

В.Д.: А когда вышел шеститомник?

– Шестой заключительный том вышел как раз в 1965 году после смещения Хрущева. Поэтому в этом томе вы не найдете именно указателя, чтобы не возникло контраста.

В.Д.: То есть Хрущев создавал как бы свою «малую землю».

– Конечно, со ставкой на Сталинград, с выпячиванием своей собственной роли. Брежнев мог поучиться у него, как создавать миф о «великом полководце».

Д.З.: И по-прежнему продолжалась история ухода от истинных цифр потерь. Когда первый раз появилась цифра 20 миллионов? При Хрущеве?

– Да, но это количество людских потерь официально называлось с 1961 года только устно. Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати не давало разрешения на опубликование этих данных в 6-ом томе. Санкция была дана в 1965 году лишь после вмешательства ЦК.

Д.З.: До этого, насколько я помню, фигурировала цифра порядка 7 миллионов.

В.Д.: Это еще сталинские времена. А Брежнев выстраивает новый сценарий праздника Победы.

– Который выходит в пространство самой жизни. Объявляется 9 мая как выходной день, появляется памятная юбилейная медаль, посвященная Победе, выпускается новая рублёвая монета, проводятся массовые гуляния, возникают специальные ритуалы возложения цветов к солдатским могилам, проводится Парад Победы и объявляется Минута Молчания.

В.Д.: Тогда же родилась идея присвоения звания города-героя?

– Да, именно на двадцатилетие Победы утверждается почётное звание «города-героя» и произведены первые его присвоения Москве, Ленинграду, Волгограду, Киеву, Севастополю, Одессе, а также Брестской крепости.

В.Д.: Вообще-то, немного странная по сути своей награда – награждать город. Кого или что награждали? Администрацию города, население города? Но одновременно возникает фигура Сталина.

– Когда мы говорим о пространстве памяти, очень важно видеть, как актуализируется прошлое, кто стоит за прожектором и направляет свет в ту или иную сторону. Так создается проект памяти. Однако здесь появляются свои ловушки, потому что когда вы начинаете высвечивать нужные вам фигуры, они находятся в определенном окружении, конкурирует с другими идеями, тенденциями. Много может не совпадать со сценарием вашего проекта, а главное, неудобным образом возвращаться к тому, кто управляет прожектором. Поэтому брежневская Малая земля вступает в конкуренцию с великими победами под Москвой, Сталинградом, Курском, чего в исторической действительности не было. Поэтому стоящий за прожектором и направляющий луч освещения может столкнуться с весьма неожиданной реакцией.

Д.З.: Ну да, он её и получил.

– Другой момент. При Брежнев, потом это повторится в 1995–98 годах при Ельцине, юбилею Победы стали придаваться черты помпезности, театрализации. Есть у памяти официальная, парадная сторона, но никуда не денется память подлинная, народная. Историки начинают уходить от освещения только хода военных операций и массовых сражений, обращаются к темам, которые раньше были втуне, либо под запретом – тяжести войны, предательство, измены, коллаборационизм, военные преступления.

В.Д.: Интересная деталь. 1985 год, казалось бы, перестройка, Горбачев – молодой, современный, жelaющий перемен политик. Он приходит к власти в марте, а затем накануне 9 мая в его докладе под продолжительные аплодисменты произносится имя Сталина.

– Для меня ничего в этом удивительного нет, потому что когда мы говорим о Победе, мы должны говорить и о верховном главнокомандующем, этого вы никуда не денете. К тому же, о Горбачеве пошла молва как о сильном политике, не побоявшемся после длительного замалчивания назвать имя Сталина.

Д.З.: Ну, не знаю, возьмите ту же самую Германию, где была проведена денацификация и духовную опору нация-то и не потеряла. Они, по-моему, прекрасно себя чувствуют без Гитлера.

– Но сначала они были побеждены, разгромлены, Третий рейх исчез с лица Земли. Проблема преодоления прошлого решена немцами гораздо серьезнее, чем у нас.

В.Д. Как-то на «Эхе Москвы» Герхард Шредер, еще будучи канцлером, давал интервью и когда слушатели начали задавать ему вопросы кто-то спросил его про национальную идею в Германии. Его всего перевернуло, перекорезило. Он сказал, что нет-нет, не надо нам ничего такого, с национальной идеей мы уже прожили.

– Поэтому нельзя допустить каталогизации 9 мая. Никто не должен и не имеет права присваивать этот праздник, приватизировать его. Праздник Победы – решающий фактор для конструктивного национального согласия, в котором нуждаются и власть, и общество. А память о Победе – это не только бронза и гранит, но простое, негромкое человеческое слово, сказанное о тех, кто сражался и погибал.

Образы будущей России: миражи и маски XX века

*Беседа с ведущим FM
Александром Неклессой**



– ...Говорить мы сегодня будем об образах будущей России, о тех образах, которые возникали, конкурировали на протяжении XX века, потому что и Россия, и мир на протяжении всего XX века переживали какой-то грандиозный перелом, который, в общем-то, продолжается и даже приобретает ещё большую грандиозность. Если бы меня спросили, как охарактеризовать XX век, я бы сказал, что это век перманентного транзита от одной переломной стоянки к другой. И здесь возникает проблема: какие же всё-таки концепции развития оказывались конкурентоспособными, почему те концепции развития, которые обретали реальность, становились доминантными? А маски... Маски потому, что, ну вот, уж не знаю, это особенность, которая в России была ярко выражена. Всегда был персональный носитель той или

* Финан. FM. Программа «Будущее где-то рядом». 2009, 21 августа.

иной концепции: Ленин, Троцкий, Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов, Горбачев. Все эти люди – не просто политические лидеры, они выражали какую-то новую ступень, новую грань, новый аспект в движении России. Как вы считаете, в Российской империи, которая потерпела крах прямо в начале XX века, существовала какая-то картина будущего, какой-то свой смысл развития, или его просто не было, и в силу этого крах и произошёл?

– Конечно, вы сами знаете, что на рубеже веков всегда возникают различные сценарии будущего. И, конечно, не явился исключением рубеж XIX–XX века, когда Россия развивалась стремительно – высокая социальная мобильность, миграция из деревни в города, половина населения – люди до 20 лет.

– В общем, то, что Ортега-и-Гассет называл «революцией масс». Возникла из аграрной страны страна новая, или по-другому скажем – страна городской культуры.

– И, конечно, модернизации экономики. Любопытно, в какие оболочки облекается этот объективный процесс, какой диалог или какая конкуренция за смыслы возникает между властью и интеллигенцией – куда идёт страна и как её вести? Власть, скорее, следует консерватизму, победоносцевской или рождённым при Александре III идеологическим концепциям.

– Может быть, из-за этого и произошёл крах страны? Потому что попытка удержания настоящего, она как бы всегда проблематична. Если мы немного расширим фокус, то действительно увидим, что эти процессы – революция масс, изменение аграрного общества, переход к индустриальной культуре – это было состояние не одной России. Буквально по всей планете происходил этот процесс. Мексику можем вспомнить, монархические государства Европы, ту же Германию. Нечто схожее переживали Турция, Япония, Китай. То есть это был процесс универсальный, он шёл по всей планете.

– Но опять-таки, улавливала вот эти новые токи власть? Скорее всего, нет. А параллельно бурно растут политические партии и движения, их насчитывалось свыше ста. И у всех своя программа, свое видение будущего. Социал-демократы верят в управление будущим, в рациональные и четкие чертежи развития. Конституционные демократы предлагают радикально изменить избирательное право, отменить имущественный ценз, ценз оседлости, отменить военные ограничения. А авторы сборника «Проблемы идеализма» (1902), наоборот, выступают против прагматизма и рационализма, выдвигают на первый план не технологические расклады, а моральные ограничения, воссоединение «правды-истины» и «правдой-справедливостью». Смута 1905–1907 годов продолжает ломать, казалось бы, незыблемые мировоззренческие установки, порождает сокрушительную критику и приговор интеллигенции в сборнике «Вехи» (1909).

– Тогда давайте сделаем следующий шаг и поговорим о проектах будущего на уровне 1917 года, прежде всего у большевиков. Ведь у Ленина и Троцкого были разные подходы к образу будущего.

– Но их объединял идеал будущего – коммунизм. Ленин подходит к революции с обоснованием государства-коммуны, где не будет ни армии, ни полиции. И только в период Гражданской войны наступает определенное отрезвление, связанное с удержанием власти.

– Мобилизационное управление.

– Которое потом станет частью их представления о будущем, вот в чём была опасность Гражданской войны. Из нее выростала тоталитарная система управления, военный тоталитаризм. Если же говорить о Троцком, то в 1920 году он верил в трудовые армии, а еще в то, что в коммунизме родится сверхчеловек, т. е. можно будет человека перевести на другую стадию биологического и социального развития. Вспомним Маяковского, Татлина с его башней «III Интернационал», или Малевича, который писал, что отомрёт зелёный мир, и вместо этого будет железный мир.

– И «Чёрный квадрат» – часть композиции оперы «Гибель солнца», где чёрный квадрат как искусственное, но искусственное в смысле технологического построения, конкурировал с образом круглого жёлтого солнца естественного.

– А еще Чаянов и его знаменитое «Путешествие моего брата Алексея в утопический рай», в котором крестьянский мир – республика равных собственников. Но одновременно заявил о себе Михаил Булгаков, который в 1919-м году по поводу будущего написал малозаметную статью «Грядущие перспективы»: никакого будущего нет и не будет, потому что после страшной революции наступает момент расплаты и нужно расплатиться за то, что была совершена чудовищная катастрофа. Писатель смотрел на революцию как на акт, который прервал возможность двигаться к будущему. И теперь надо трудом и нравственным очищением искупить безумство. Но современники не увидят светлые дни созидания. Возможно, только дети или внуки. Вот какая перед нами сложная, многосоставная картина разных проектов.

– Мне кажется, что в рамках социалистического проекта существовали типологически разные проекты. У нас за бортом остался анархо-синдикализм – не только как ещё одну добавка в смысле анархизма по отношению к пролетарской революции, а в том смысле, что пролетарская революция мыслилась Марксом именно как пролетарская. И диктатура пролетариата именно как управление массами. Кстати, Троцкий создал своеобразную институцию ещё раньше, до 1917 года, во время революции 1905 года – советы, знаменитые советы, которые должны править. Но мы знаем, что на практике советы стали иг-

рать подчинённую, искусственную, демонстрационную роль по отношению к реальному управлению со стороны партии. И это был проект, который осуществлялся Лениным, который реализовывался на ранней стадии Сталиным. Но вот на более поздней стадии он переходит от понятия партийной диктатуры к понятию диктатуры номенклатуры, которая не обязательно партийная, переходит к господству государственных институтов и государственной номенклатуры, наконец, к режиму личной диктатуры.

– Позвольте уточнение. Когда вы говорите о государственных органах, мы можем, наоборот, акцентировать внимание на процессе этатизации партии, т. е. когда партия берёт на себя несвойственные ей функции государства. И конечно, тогда уже внутри самой партии происходит узурпация права принятия важнейших политических решений. Но при этом идея будущего не упускается, она часто служит прикрытием для властных интересов.

– Повсюду распространяется футуризм, возьмём ли мы Германию или Италию того времени.

– Да, но советский футуризм – самый привлекательный в это время. Неслучайно такое огромное внимание именно к советской стране. Допустим, для 1920-х годов – это, конечно, план индустриальной модернизации. А до этого был план ГОЭЛРО. Ленин заявил Герберту Уэллсу: за 10 лет мы построим 30 электростанций в европейской части России. И это осуществилось. Это был первый «футури-

стический» реализованный план большевиками. Конечно, это придало им большой авторитет. А в 1925 году, когда ещё не закончился ГОЭЛРО, уже составляется план индустриальной модернизации.

– Вообще нам трудно представить психологию людей того времени. Когда вот это нетерпение будущего охватило практически весь мир, весь мир жил ощущением исторического перелома. Вспоминаю фильм «Красные колокола», посвящённый Джону Риду и его приезду в Россию 1917, как в место, где осуществляется будущее.

– После революции в Мексике Рид уверен в том, что именно здесь находится фокус мирового развития, здесь формируется образ будущего. Но какими будут инструменты создания правильного будущего общества? И именно будущее, нетерпение в его приближении становятся оправданием насилия, массовой чистки во имя создания «правильного», гомогенного общества.

– И вот в своём обсуждении мы подошли к тому переломному моменту, когда утопия для многих стала проявлять всё более и более отчётливо черты антиутопии. Она становится чем-то устрашающим. И это совпало с режимом личной власти Сталина, у которого была своя картина будущего, концепция построения социализма в одной отдельно взятой стране.

– Для него будущее – прежде всего план. И в основе сталинского большого стиля – план. Вспомним мегапроекты, связанные с реконструкцией Москвы, Дворцом Советов, Беломорканалом, подземными дворцами метро, Днепрогэсом. Великое государство знает, что и как делать, как строить новые социалистические города, в которых должны жить «правильные» люди. И для этого нужна чистка, террор, причем не привычном нам измерении – репрессии против политической элиты, а социальном – репрессии против таких целевых групп, как «бывшие кулаки», «члены антисоветских партий», «участники повстанческих, фашистских, шпионских формирований», «уголовные преступники». И снова вспоминается другой текст Булгакова – пьеса «Благоденствие», в которой комиссар Рамаданов (Сталин) хороший управляющий, но как же скучно в этом будущем раю, в этом коммунистическом раю. И поэтому там появляются такие живые образы как вор Милославский, который хотя бы вносит какую-то живую струю в этот правильный чертёж, в это правильное общество, в это сонное царство. Да, это рай, но как скучно.

– Приближающееся торжество воплощения данной модели совпало с грандиозной катастрофой на Земле, которую мы называем Вторая мировая война. Но, может быть, это не совпадение, может быть, мы просто не видим целостности этого процесса?

– Но в условиях войны о каком вообще будущем можно говорить, когда речь идёт о выживании, сохранении страны, которая является носителем проекта будущего.

– А ведь многие люди, которые пережили войну, говорили, что именно в это время они почувствовали совершенно парадоксальную атмосферу, когда одновременно военные тяготы были связаны с ощущением, ну, если хотите, свободы, освобождения какого-то.

– Да, все смыслы способна уничтожить война, но именно в это время действительно появляется смелость рассуждать о том, что будет после Победы. Чертежи обновления страны, надежды на это возникают именно в условиях страшной катастрофы.

– А потом будет перелом – послесталинская эпоха. С одной стороны, картина будущего, которая была у такой одиозной фигуры как Берия, по-своему очень интересная концепция, но не воплощенная в жизнь. Уже тогда он говорил об объединении Германии, о роспуске колхозов, но к власти приходит всё-таки другая группа, которая возвращается во многом к идеям, связанным с мировой коммунистической революцией, в отличие от курса на национальный социализм, который превалировал у Сталина. И в то же время возникает возрождение совершенно нового правящего класса, ближе к олигархии, наверное. При Сталине партийно-государственная номенклатура находилась под угрозой физического уничтожения, а теперь она оказывается субъектом власти.

– Но общество реагирует на коммунистические новации по-разному, со временем нарастает скептицизм, по-

являются диссиденты. Они понимают, что новая утопия – лишь попытка спасти режим, который просто экстраполирует цифры на 20 лет вперёд. Перегнать Америку означало восстановить место прежнего маяка для мира. Отсюда ощущение податливости почвы, возможности отрегулировать забуксовавший политический механизм.

– Так, видимо, думал и Андропов, предложивший в аморфном брежневском киселе заново осмыслить созданное общество, которого мы не знаем. Было понимание, какую роль играют высокие технологии. И под программой «ускорения» подразумевалась прежде всего научно-техническая революция. Дальше – значение человеческого фактора, то есть новой роли человека.

– Но как это все инструментализировали?

– А никак.

– Снова система жесткого управления, дисциплинирования масс, не только в общественной, но и в частной жизни.

– Совершенно верно. На практике свелось именно к этому. Но ведь именно это было, по-моему, отражением того состояния, в котором находилась страна, осознание необходимости стратегического планирования во имя будущего. Но на практике, замыслив новый чертеж, Андропов не сумел подготовить не

только целостную концепцию, но и кадры, которые могли ее воплотить.

– И тем не менее Андропов и Горбачёв – фигуры, которые уловили общественное ожидание перемен.

– Мне кажется, что вот как раз переход от Андропова к Горбачёву именно и вскрыл отсутствие контента, отсутствие механизма для реализации вот этих, может быть, и верных ориентиров, потому что реального тела воплощения не существовало.

– И в это же время шестидесятники – дети XX съезда – так хотели «исправить и обучить власть», так стремились «достроить социализм»! Горбачеву тоже казалось, что, ликвидировав болевые точки, мы снова выйдем на дорогу к новому миру – миру коммунизма.

– А потом последовала попытка реализации лозунгов «гласность», «перестройка» и др., которые такого наполнения как, скажем, андроповская концепция «ускорения» уже, в общем-то, не несли. И дальше катастрофа.

Полного вытеснения культуры не произойдет

*Интервью Сергею Шаповалу**



– Какие общекультурные тенденции, возникшие в 2000-е годы, показались вам важными и способными определять будущее?

– Трудный вопрос. Скорее, проявились тенденции, которые будут осложнять движение к будущему. Посмотрите, как много вокруг имитационного – при внешнем, казалось бы, богатстве. В сфере образования – бессодержательное подражание так называемому Болонскому процессу, вытеснение всего подлинного, что десятилетиями нарабатывала национальная школьная и университетская среда. В политической культуре политтехнологии и пиар начали явно подменять партийную состязательность и осознанный выбор избирателя. В культуре труда и быта царят дикие контрасты – разруха и шик с безликостью, а значит, унылость и скука. Во многих городах цинично убивается историческое пространство.

Кризис не только сфокусировал внимание на всем этом, но и породил ожидание иного, подлинного. Но кто и как предложит новый привлекательный чертёж движения в

* Политический класс. 2009. № 9 (57).

будущее? И не обернется ли он очередным технократическим планом: было – стало, есть – будет! Пока же тон задает массовая культура. Сообщения между ней и культурой профессиональной ничтожны. Носители последней начинают заигрывать с массовой, подстраиваются под стандарты, заданные потребителями и большими деньгами, для которых проще и рентабельнее – развлекать.

– Значит ли это, что культура постепенно вытесняется тотальным развлечением?

– Мы можем говорить об определенных чертах этого. Но ведь ясно, что развлечение культуру не вытеснит. Сейчас возникла некоторая пауза, но полного вытеснения культуры не произойдет. Слишком высокие планки заданы предшественниками, надо идти дальше. Высокая культура осмысливает действительность, облакает ее в определенные художественные формы, которые всегда крайне интересны. Даже принимая правила массовой культуры, художники, писатели и музыканты не забывают о своей миссии. Кажется, Глинка в шутку говорил, что оперы пишет для себя и искусства, а романсы – для заработка. Люди непременно пресытятся пустым времяпрепровождением, захочется чего-то нетривиального, если хотите, парадоксального, то есть определенных затруднений в разгадывании мира. И тогда понадобятся сложные объяснения и представления. От простых быстро устаешь.

Еще одна важная тенденция обозначилась в сфере формирования культурного заказа. Раньше его определя-

ла художникам власть. Последнее десятилетие любопытно тем, что появился еще один заказчик – бизнес. Возникла даже борьба между государственным и частным заказами. Зачастую трудно сказать, который из них лучше, кто из заказчиков окажется более тонким и проницательным. Вспомним дуэль контрреформатора Победоносцева и купца-попечителя Третьякова в конце XIX века. Кто победил в ней? Вот и сейчас обозначилась конкуренция за смыслы, предлагаемые обществу. Художественная интеллигенция в этом треугольнике заняла почему-то страдательную позицию.

– А что нового в последнее десятилетие произошло в области исторического знания?

– Научный «ландшафт» исторического знания и исторического описания, конечно же, изменился. Сенсационные открытия, громкие разоблачения, обнаружения новых героев ушли – за редким исключением – в прошлое, вслед за политическими баталиями раннепостсоветского времени. Далеко позади судорожные поиски своего идеологического «окна» и споры о том, какому подходу – «тоталитаристскому» или «ревизионистскому» – надо следовать. В повестке дня – осмысление уже открытого, углубление и уточнение исторического знания, поиск новых способов его презентации в научной и учебной литературе, в СМИ и Интернете.

– Какие изменения претерпела методология исторического исследования?

– Мы являемся свидетелями смены парадигм, которые определяют исследование прошлого и его представления. В XX веке господствовала нарративная (описательная) история. Сейчас все большее распространение получает концепция когнитивной (познавательной, аналитической) истории. Безусловно, аргументированные конструкции прошлого могут возникнуть только в результате глубокого диалога профессионального историка с различными источниками. Причем не только текстуальными, но и материальными, аудио- и визуальными. Создаваемые конструкции непременно вступают в конкуренцию друг с другом и в результате приближают нас к пониманию смысла происшедшего, мотивации различных поведенческих стратегий, социально-культурным аспектам движения истории. И это процесс бесконечный, потому что каждое поколение формулирует свои вопросы к прошлому и предлагает свои способы раскодировки информации, потому что каждое поколение пишет свою историю, а не конъюнктурно переписывает ее.

Еще один момент. Модный некогда постмодернизм не оправдал надежд в исторической среде. Прежде всего потому, что не пожелал оставаться в рамках одного из методов познания и стал претендовать на абсолютность, из инструмента интеллектуального анализа превратился в орудие контроля над мыслью. Своим релятивизмом он внес путаницу и поднял на щит гендер, деконструкцию и другие суперсовременные темы. Постмодернисты заявляли, что поскольку ничто в мире не повторяется, то вообще

нет необходимости знать историю. От «бремени истории» надо освободиться. Поэтому и не возникло постмодернистской истории – ее ожидание в нашей среде, судя по всему, оказалось ошибочным. Ведь с точки зрения постмодернистов, бессмысленно впрягать в фургон будущего старую хроющую клячу, которая отзывается на кличку История.

– Есть ощущение, что позиции корпорации историков несколько пошатнулись, все чаще, к примеру, литераторы берутся за интерпретацию исторических событий, на основании чего делают прогнозы. Недавний пример – Александр Кабаков, выпустивший роман «Беглец», в нем он предрекает жуткий хаос в России в 2013 году.

– Я бы не стал инструментально подходить к исторической науке и требовать от нее каких-либо рецептов для политики или картин будущего. Однако вы правы в том, что в последние годы произошло расставание с иллюзией о закрытом характере исторической науки, о том, что история основана на универсальном методе. Это, конечно, заметно усилило позиции неисториков, отстаивающих право говорить и писать об истории. У многих сложилось впечатление, что голоса профессионалов заглушили разные литераторы, политологи или толкователи истории при власти, что на переднем плане до сих пор находятся сенсационные открытия и «война памятников» или что история власти по-прежнему остается главной, да и пи-

шется под вертикаль власти нынешней. В этом во многом виноваты сами историки. Для некоторых из них предпочтительнее интеллектуальные игры в своем кругу, взгляд свысока на исторические форумы в Интернете или популярную литературу о прошлом. Однако новые условия общественной и научной жизни, иные коммуникационные связи делают невозможным любое «присвоение прошлого», хотя сам синдром борьбы за это не исчез. Усилившаяся конкуренция между профессиональным и популярным историческим знанием делает эту борьбу бессмысленной.

К примеру, когда мы говорим о писательской среде, то там былой интерес к антиутопиям сменился противлением новой мифологизации истории, подобной «Красному колесу», а катастрофичность описаний прошлого тут же получает в ответ ироническое описание тех же событий – речь о фантастических допущениях Евгения Попова, покойного Василия Аксенова, Вячеслава Пьецуха и других. Озабоченность по поводу новой опричнины блестяще пародируется в романах-антиутопиях Владимира Сорокина.

– Серьезные сдвиги в последнее десятилетие произошли и в области преподавания истории в школе. Что стоит за ними?

– Читатели «Политического класса», конечно, в курсе острой полемики по поводу того, как формировать образы прошлого у новых поколений. Пример тому – последние споры вокруг двух книг для учителей, предназначенных

в качестве концептуальной основы для разработки адресованных школьникам учебников. Я имею в виду «Новейшую историю России» Александра Филиппова и «Обществознание: глобальный мир в XXI веке» Леонида Полякова. И эти пособия, и созданный позднее учебник «История России. 1945–2007» (Александр Филиппов, Александр Данилов, Анатолий Уткин) лидируют в печатных СМИ и в Интернете по количеству критических отзывов. Чем это объяснить? Если обратиться к содержательной стороне упомянутого нарратива, то это апология изоляционизма, характерного для СССР, оправдание насильственной коллективизации как средства обеспечения индустриального скачка, обоснование ускоренной модернизации как высшей цели, достигаемой любой ценой, трактовка ГУЛАГа как побочного продукта эффективной сталинской политики, объяснение террора стремлением «не потерять контроль над страной», создать «правильное общество». В теоретико-методологическом отношении критику вызвали выставленные ориентиры на безвариантность путей развития страны (своего рода мировоззренческий фатализм), на непосредственную преемственность между до- и послереволюционной историей России. Причем в режиме апологии авторитаризма и имперской державности. Любопытно, что авторы, выдвинув тезис о Сталине как «эффективном менеджере», предчувствовали острую реакцию. Отсюда поясняюще-примиряющая интонация по поводу обобщающей трактовки роли сталинизма в истории страны: «Особый драматизм и напряженность совет-

скому периоду сообщали особенности личности Сталина. Однако влияние психологических особенностей Сталина на политико-экономическое развитие, скорее, было вторичным по сравнению с ролью объективных обстоятельств. Реализация ускоренной модернизации страны требовала соответствующей системы власти и формирования управленческого аппарата, способного реализовать этот курс. Во многом эти причины поясняют характер осуществленного Сталиным переворота, ставшего по масштабу «революцией сверху».

– Чем может обернуться внедрение нового образа Сталина?

– Неосталинизм вызвал критику не только в либеральных СМИ и в среде правозащитников, но и в научном сообществе. Ведь очевидны натяжки, связанные с разрезанием истории России/СССР по рубежу 1945 года и «династической» периодизацией по годам деятельности генсеков и президентов. Специфика ситуации состоит в том, что уход от научности в пользу неосталинистского «позитива» и авторитарного «патриотизма» по сути своей не отражает базовых идейных установок власти. Об этом свидетельствуют неоднократные высказывания ее высших представителей о неприемлемости в современных условиях «форсированной модернизации» как целевой установки государства.

Не в пользу апологии изоляционизма свидетельствуют и высказывания Дмитрия Медведева о недопустимости

возрождения «железного занавеса», о важности учета социальной «себестоимости» при оценке эффективности реформ, о традиционном государственном патернализме как «весьма неоднозначном национальном опыте». Стремление власти к формированию «позитивной идентичности» (что, по сути, означает гражданскую идентичность) и воспитанию уважительного отношения к собственному прошлому в принципе вполне достижимо. Но только не в режиме апологии тех или иных государственных деятелей прошлого. А как иначе? С этого мы и начинали наш разговор – через обращение к сфере широко понимаемых культурных достижений и духовных ценностей, через пересмотр образовательной концепции истории. Ее политические, военные компоненты не могут выпячиваться в ущерб социальным и культурным, истории повседневности и ментальности, а главное, человеческому измерению прошлого.

Что происходит с научным сообществом историков России?

*Беседа с искусствоведом,
философом
Олегом Генисаретским
(1942–2022) и ведущим FM
Олегом Алексеевым**



В последнее время заметно возросло внимание к истории историков и их объединений, их способам репрезентации, содержанию и самовосприятию собственной миссии, отношениям с властью и способам воздействия на общество. Историческое сознание и память, знание о прошлом являются одним из важных каналов формирования идентичности. Однако процесс перехода от «советского» к «российскому» или «русскому» не завершен, ценностно-символическое наполнение этой модели неочевидно. Понятно, что и сами историки непосредственным образом вовлечены в процесс масштабной рефлексии по этому поводу, хотя их корпоративная идентичность находится в зачаточном состоянии.

– Под вашим руководством завершен проект, который вы начали в 2007 году и завершили в 2011 году из-

* Финам FM. Радиоклуб «Говоря, говори». 2012, 24 июня.

данием книги «Научное сообщество историков России: 20 лет перемен». Можно ли утверждать, что сейчас у нас существует единое профессиональное сообщество историков или все-таки разрозненные его фрагменты в разных местах и с разными функциями?

– В нашем исследовании мы разделяли такие корпорации, как Институты российской и всеобщей истории РАН, исторические факультеты МГУ и СПбГУ со своими научными школами и внеинституциональные неформальные сообщества, к примеру, Ассоциация «Историк и компьютер», Российская ассоциация историков Первой мировой войны, Российское общество историков-архивистов, Ассоциация исследователей российского общества, Российское общество интеллектуальной истории и др. Национальной профессиональной ассоциации, как известно, у историков не было. Академик Валерий Тишков объяснял это не столько теоретико-методологическим расколом, сколько жёсткой нетерпимостью представителей разных групп и межпоколенческим расколом. Представители старшего поколения и сторонники старых версий излишне болезненно воспринимают процесс пересмотра исторических версий как некое отрицание их собственной прожитой жизни. Полагая, что эти проблемы можно все-таки решить, академик обратился к президенту РФ с предложением создать Общество историков России. И вот буквально накануне нашей беседы образовались Российское историческое общество и Российское военно-историческое общество.

– В расширительном толковании научное сообщество связано с профессией, с одной научной дисциплиной. В классической теории научных революций Томаса Куна понятие «научного сообщества» сопряжено с центральным для его концепции понятием «парадигма». Именно парадигма, которую разделяет научное сообщество, определяет критерии для выбора научных проблем. Но ведь парадигма может изолировать сообщество от социально важных проблем?

– Действительно, с точки зрения Куна, зрелое научное сообщество изолировано от запросов непрофессионалов и повседневной жизни. Но в отличие от Куна, идентифицировавшего научное сообщество и научную дисциплину, Пьер Бурдьё, к примеру, противопоставляет эти понятия. Он считает, что понятие «научное сообщество» выполняет функцию понятия «научное поле», представляющее собой пространство конкуренции между учеными за монополию научного авторитета, за власть, за легитимацию научной работы.

– Хорошо. Но возьмем сообщества историков в советское время. Обычно им противопоставляются научные сообщества, основанные на самоорганизации и самоуправлении, научные ассоциации и неформальные объединения. И они не были санкционированы формально бюрократическими структурами управления. Некоторые историки науки считают, что такие объединения существовали в России только до

1917 года, а затем были разрушены. Какая же модель возникла в сталинское время, какие черты старой идентичности остаются устойчивыми до сих пор?

– К одной из важных характеристик научных сообществ в советское время можно отнести их клановую замкнутость. Она проявлялась, прежде всего, в контроле (официальном и коллективном) за соблюдением внешних признаков научности. И этот контроль являлся одновременно формой социального контроля за поведением подчиненных. Напомню, что в 1930-е годы советское правительство ввело иерархию научного сообщества: две ученые степени (доктор–кандидат) и три звания (профессор–доцент–ассистент); кафедры возглавили заведующие, о былой свободе приват-доцентов в противовес власти профессоров не могло быть и речи.

– А еще действовал партийный контроль за подготовкой кадров для социалистической науки, немало было преподавателей, которые лишь косвенно были причастны к научной работе. Сами историки начали подразделяться на «всеобщих» и «отечественных». Но ведь известно, что политическая несвобода, подчиненность историков канонам сталинского «Краткого курса» и постановлениям ЦК компенсировались условиями работы, общим престижем науки, отношением государства к ней. Более того, в послесталинский период была сделана попытка трансформировать «научный истеблишмент» в один из ключевых

компонентов советской элиты, куда уже входили партийный аппарат, управленческая бюрократия и военно-промышленный комплекс.

– Но не забудем, что в определенном смысле для получения признания существовал другой канал – научные школы. И они определяли не только определенный стиль исследования. Авторитетный ученый создавал вокруг себя защитную зону для учеников и имел возможность продвигать их. Конечно, здесь все замыкается на личности лидера, специфике его научных пристрастий. Рано или поздно они устаревают. И тем не менее именно через научные школы в позднесоветскую эпоху, когда государство теряло монополию на легитимацию работы интеллектуалов, возникала совершенно другая сфера, где легитимность устанавливалась в противовес этой официальной системе. Неформальные структуры внутри научного сообщества были еретическими по отношению к внешнему большому обществу, а несогласные, отторгнутые этими еретиками, в свою очередь, тяготели к официозу.

– Понятно, что такая дифференцированность историков на тех, кто обслуживал идеологические установки власти, и так называемый «еретический» сегмент создавали повышенную конфликтность внутри профессиональной среды. Среди «отстраненных» понятия «карьера», «успех», «доход» были если не бранными, то во всяком случае неприличными. Доминировали стремление к самореализации и инте-

рес к «проклятым» вопросам. Вспомним годы перестройки, когда усилилась неоднородность академической и университетской среды историков. Именно тогда произошел раскол на «ортодоксов», отказавшихся «поступаться принципами», и «модернистов», объяснявших читателю, что «иного не дано».

– Это было время трудного перехода от старого к новому. Произошел крах государственной монополии на занятие наукой. Возникла новая проблематика исследований. Открылся доступ к ранее секретным архивам. Кончилась цензура. Наступило освобождение от партийности. Но при этом одним из новых маркеров «элитности» в 1990-е годы стала «признанность» на Западе. А еще новые имена возникали в результате скандальных, шумных публикаций, провокационных заявлений или разоблачений. Все это, конечно, позади, но главное все же было связано с тем, что вместо господствующей нарративной истории распространение получала когнитивная (познавательная, аналитическая) история.

– И одновременно ученые заново пережили падение престижа истории и резкое ухудшение материального положения. Надо было овладевать новыми практиками деятельности – умением работать в профессиональных сетях, с электронными ресурсами и информационными технологиями.

– К сожалению, освоение новых возможностей для коммуникации происходит медленно, традиционные фор-

мы обмена результатами исследований – через научную периодику, конференции и семинары – преобладают. Да и в целом определяющими в нашей исторической среде до сих пор остаются карьера и статус. Добавлю к этому, что сегодня защищенность от администрации у историков снижается, значение референтной группы (своей и мировых авторитетов) – падает. Кое-где возрождается групповая терапия – мы провинциальны, у наших университетов ограниченные возможности и т. п. Обо всем этом – наш проект, в котором участвовали исследователи из разных научных и образовательных центров России. Его основная идея заключается в том, чтобы проследить основные тенденции изменений в научном сообществе историков за последние два десятилетия и предшествующее им столетие, проанализировать мировоззренческие и культурные ценности, которые доминируют, новые модели и формы объединения, новые вызовы, волнующие сообщество, и даже нравы современных историков.

Профессионалы и советская власть: взгляд из и для нашего времени

*Беседа с первым заместителем главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Дмитрием Андреевым**



– Мы привыкли воспринимать как некую очевидность, не нуждающуюся в доказательствах, мнение о том, что главным, системообразующим внутриполитическим конфликтом советской эпохи – конфликтом, унаследованным еще от эпохи дореволюционной, – было противостояние между тоталитарной властью и гражданским обществом. Ну, если и не гражданским обществом как таковым – по причине элементарного отсутствия подобной свойственной западной политической культуре модели общественной связности, – то, во всяком случае, просто обществом: какое-никакое, но общество, не вдаваясь сейчас в его определение, у нас было.

– Не ставя под сомнение сам факт указанного конфликта, следует, тем не менее, внести в приведенный вами взгляд два существенных уточнения. Во-первых, взаимо-

* Альманах «Развитие и экономика». 2015. № 14 (сентябрь).

отношения власти и общества должны описываться гораздо более сложной моделью, нежели простым конфликтом. Да, противостояние между ними действительно имело место и оставалось на протяжении всей советской эпохи исключительно существенной характеристикой их взаимоотношений. Но одним лишь противостоянием эти взаимоотношения не исчерпывались. Имели место и сотрудничество, и взаимные апелляции друг к другу – равно как и своеобразная игра в поддавки, обоюдные заигрывания по собственным, разработанным каждой из сторон для себя сценариям-либо по режиссуре стороны противоположной. Словом, налицо ситуация, когда конфликтные в основе своей отношения только к напряженности не сводились, но были весьма неоднородными, сложноорганизованными.

Во-вторых, все-таки необходимо разобраться с тем, что собой представляла одна из сторон, а именно – общество. (Власть в этом смысле – несмотря на собственную специфичность, обусловленную тоталитарным характером режима, а значит, своей в принципе нерыночной природой, – была тем не менее гораздо более понятной и верно идентифицируемой в качестве верховного, управляющего начала.) Представляется, что в данном случае гораздо правильнее говорить не об обществе в целом, но лишь об его определенном сегменте, а именно – сообществе профессионалов, которое и вступало с властью в охарактеризованные выше сложные коммуникации и которое во многих отношениях брало на себя те самые функции, которые

в развитых классических демократиях традиционно выполняло и выполняет гражданское общество.

– Но ведь известно, что Советская власть с самого начала и до самого конца своего существования была вынуждена не просто мириться с существованием подобного «гражданского общества», но и идти ему на определенные уступки, немислимые применительно к обществу остальному – массовому, находившемуся за пределами этого избранного круга профессионалов, иными словами – рабсиле как таковой. Диапазон таких поблажек был весьма широким – от разного рода спецпайков (которыми, кстати, прикармливались и некоторые сегменты рабсилы) и до того, на что власть скрепя сердце шла исключительно в своих отношениях с сообществом профессионалов: последним дозволялось кроме официальной коммунистической идеологии исповедовать что-то еще.

– Однако спектр и содержательное наполнение этого «чего-то» варьировались в зависимости от эпохи и того, что именно власть рассчитывала получить от профессионалов в результате такой поблажки. Скажем, когда после войны потребовалось в кратчайшие сроки создать собственный атомный проект, власть согласилась даже на фактическое «отключение» партийной инфраструктуры от всей атомной отрасли. А в застой, когда советское руководство было уже просто неспособным на подобные радикальные шаги, подчас ограничивались тем, что как бы

не замечали откровенно диссидентских настроений, ставших в то время чуть ли не господствующими в самых разных группах профессионального сообщества. Такие идеологические привилегии для профессионалов были самыми разными, но всякий раз – вынужденными. Надо сказать, что большевики достаточно быстро осознали, что вовсе не обязательно говорить со всем населением на одном и том же языке. Это допущение осознавалось ими явно, особых споров и разногласий в партийной верхушке не вызывало. Да, поначалу большевики упирались, им очень не хотелось разбавлять идеологическую однородность управляемого ими населения. Но они поняли, что если будут упорствовать и пытаться договариваться с профессионалами с помощью одних спецпайков, то далеко не уедут: профессионалов нельзя склонить к сотрудничеству с властью одним пряником или одним кнутом. А вот на ощущение собственной избранности, на положение, при котором им позволено быть не такими, как вся остальная рабсила, русские профессионалы – еще с царских времен ратовавшие за эгалитаризм лишь на словах, а на деле всегда предпочитавшие существовать на некотором расстоянии от народа – по расчетам советской власти должны были клюнуть. Предположение большевиков стопроцентно оправдалось: профессионалы действительно оказались чрезвычайно падкими на идеологическую привилегию, и руководству страны оставалось лишь определять длину поводка дозволенного, вокруг чего, собственно, и шли споры в партийной верхушке.

– Мне кажется, что советское руководство сыграло и на другой характерной особенности русских интеллектуалов – особенности, также уходящей своими корнями в далекое дореволюционное прошлое: на их страстной любви к хождению во власть – любви гораздо более сильной и горячей, чем к хождению в противоположном направлении – в народ. И этой своей страстью наши профессионалы разительно отличались от профессионалов западных. Те – если, например, говорить о французских интеллектуалах начиная с эпохи Второй империи, а то и раньше – всегда с большим удовольствием критиковали власть, провоцировали ее на реформы, выступали горячим материалом для революций. Но всякий раз, когда эти интеллектуалы одерживали идейные – а значит, и политические – победы над теми или иными политическими режимами от Наполеона III и до де Голля, они отказывались идти во власть и предпочитали сохранять дистанцию между собой и новым режимом, утвердившимся во многом их стараниями.

– А вот наши интеллектуалы традиционно вели себя прямо противоположным образом: исступленно боролись с властью, обвиняя ее подчас даже в тех грехах, которых она даже и не совершала, но когда им удавалось эту самую власть свалить, они изо всех сил устремлялись на освободившиеся вакансии – конечно, не первых лиц, но вместе с тем часто далеко и не последних, – забывая при этом, что заваривали всю эту кашу, по крайней мере декларативно,

ради народа, а не для собственного нового трудоустройства. И когда такой интеллеktуал дорывался до чаемого им места, он довольно быстро растрчивал не только свой революционный пыл, но часто и те профессиональные качества, из-за которых его, собственно, и взяли во власть, а также собственную самость. Аппаратная среда в этом смысле всесильна и неумолима: она способна перемолоть любого профессионала, отжать из него всё ценное, а затем либо исторгнуть его обратно – в народ, – либо оставить в качестве заурядного функционального исполнителя, заставив при этом строго соблюдать правила поведения, заведенные во власти. Во втором случае многие профессионалы ломались, не выдержав собственного умаления до роли обыкновенного чиновника – пусть и высокого уровня. Наглядные тому примеры – судьбы философов Леонида Ильичева, Абрама Деборина, Георгия Александрова. Но это – одиозные личности, а можно назвать и других спецов – настоящих профессионалов своего дела, – кооптированных во власть если и не вопреки собственному желанию, то уж, во всяком случае, не в результате каких-то предпринятых ими интриг или ухищрений. По личному распоряжению Ленина Николай Кондратьев и Александр Чаянов работали в Наркомземе и Госплане (первый – в союзном, второй – в республиканском). А Владимир Базаров в самом начале 20-х входил даже в состав президиума союзного Госплана. Работа в наркоматах и вообще на поприще управления реальной экономикой страны разительно отличалась от служения на идео-

логическом фронте: возможностей оставаться именно профессионалами, не мутировать в чиновников здесь было гораздо больше, так как спецов сюда и привлекали для того, чтобы они оставались именно спецами, а не становились, по словам Маяковского, «посыльными в услужении у хозяев – бумаг».

– Но ведь личная деградация профессионала в результате его романа с властью не была чем-то предопределенным и неизбежным. Многие тут зависело и от личных качеств самих спецов – твердости, последовательности, умения грамотно распорядиться открывавшимися на управленческих должностях возможностями.

– И возможности эти были действительно немалыми. Попадая в ЦК, становясь депутатом Верховного Совета или даже простым членом коллегии наркомата, профессионал оказывался причастным к распределению бюджетных и иных ресурсов. И тут перед ним возникал непростой выбор: либо с головой уходить в строительство новой страны, воспринимая то дело, которым он теперь занимался, с личной заинтересованностью, либо ограничиваться лоббированием своего прежнего дела – производства, института или иного учреждения, – к такому решению тоже можно относиться вполне с пониманием, либо стремительно деградировать, включаясь в аппаратные игры, копируя стиль поведения чиновников и заботясь лишь об удовлетворении личных потребностей. Этот

выбор ко всему прочему осложнялся еще и небывало разогретым тщеславием от попадания во власть – попадания, столь желаемого для русского интеллектуала. Перед чиновником никаких подобных искушений не возникало: он просто существовал в парадигме бюрократического этоса, ничуть не изменившегося с дореволюционных времен, тихо и спокойно работал на себя, не испытывая никакой экзальтации от близости к власти. И потому был понятен, просчитываем и органичен самой власти, нуждавшейся в нем как в идеальном исполнителе, с которым можно было особо и не цацкаться. И совсем другое дело – профессионал. Заключая с ним контракт, власть наступала себе на горло и, естественно, испытывала понятное желание при всяком удобном случае поставить своего «партнера поневоле» на место, унижить, раздавить, а то и просто уничтожить.

– То есть не будет преувеличением сказать, что финал хождения профессионала во власть был для него предугадываемым и всегда одним и тем же – печальным либо, по меньшей мере, удручающим. Проигрыш становился неизбежным. Он варьировался в узком разбросе между мутацией в заурядного чиновника или теми или иными мерами, которые рано или поздно применялись к инородному и органически чуждому власти лицу.

– Но трагизм положения интеллектуала в советской системе заключался в том, что невозможно было оста-

ваться просто профессионалом, мастером своего дела, не участвовавшим в играх со властью. Если интеллеktуал не лез во власть и сторонился ее, то он всё равно попадал в ее удушающие объятия – но уже опосредованно, через сложные взаимоотношения внутри самих профессиональных сообществ. Эти сообщества были расколоты, но не по научным позициям и даже не из-за конкуренции школ и группировок, стремившихся стяжать лавры проводников единственно верного мнения – и причитавшиеся таким лаврам привилегии, – а опять-таки по отношению к власти и к ее обслуживанию. Состояния подобной опосредованной зависимости могли быть самими разными. Иногда профессионалы оказывались буквально в тисках – как если бы они перешли на работу во властные структуры. Но как правило, если интеллеktуал оставался в своем профессиональном сообществе, то его несвобода была все-таки несопоставимо слабее, нежели если бы он находился на службе непосредственно во власти. Но самое главное, что в таких оболочечных институциях, обслуживавших власть на том или ином направлении, профессионалы могли отчасти сами определять, в какой мере они настраиваются на частоты властных колебаний, которые напряженно улавливали в их трудовых коллективах. У кого-то получалось ничего особо для себя и не выпрашивать, чтобы не усугублять свою зависимость, но вместе с тем выполнять те заказы власти, которые в наибольшей мере отвечали профессиональным интересам. Это позволяло как бы и не слишком грешить перед научной исти-

ной, каковой она представлялась. Характерный пример данной позиции – тезис историка Милицы Нечкиной о самодержавии как о «наименьшем зле».

Но не все были готовы к тому, чтобы проявлять такую «разборчивость» и демонстрировать «привередливость». Подавляющее большинство интеллектуалов вступали друг с другом в жесткую конкуренцию за право больше прогнуться перед властью, чтобы получить за это преференции в виде карьерного роста, привилегий, льгот или иных знаков внимания «свыше». Но заметной по своему количественному – и главное, качественному – составу была и другая часть профессионального сообщества, которая пыталась найти компромисс с властью, выстроить с ней договорные отношения. Формулу такого компромисса – сохранение своего достоинства и в то же время самого себя и своего дела – очень четко обозначил Аркадий Белинков в книге «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша». Литературовед дотошно выписал эту стратегию поведения, когда интеллигент не рвется во власть, не ищет близости с ней и не пытается навязать ей свои услуги, а с чувством собственного достоинства ищет почву для сотрудничества в тех вопросах, в которых считает себя компетентным и в которых получит возможность не подлаживаться под те заранее известные выводы и суждения, которые от него хочет услышать власть, и при этом еще резервирует за собой право критиковать – разумеется, в разумных и допустимых пределах – своего работодателя. Этот своеобразный алгоритм поведения можно кратко обозначить как «примирение–резервирование».

Примираясь с революцией, интеллигенция сначала резервировала за собой право критически относиться к некоторым ее сторонам – например, к политике власти в отношении интеллигенции. Затем, примираясь с этой политикой, она резервировала за собой право на скептическое отношение к некоторым нравственным нормам, установленным «свыше». Потом, примираясь с этими нормами, интеллигенция резервировала право не принимать, скажем, преобладание вокальной музыки над инструментальной и т. д. В конце концов, объект какого-либо резервирования сводился к нулю, оставалось лишь «право безоговорочно соглашаться».

– Возможность высказывать то, что думаешь всегда была особенно ценной. Конечно, мало кому удавалось получить здесь такой карт-бланш, каким обладал, к примеру, Илья Эренбург, делавший подчас неожиданные и несогласованные заявления и потечески журившийся за них вождем. Критиковать власть – точнее, ее режим – дозволялось косвенно: например, затрагивая какие-либо нравственные или морально-этические темы. Территория критики могла быть и еще более локальной: например, музыка – симфоническая, народная или, что гораздо удобнее и сподручнее, эстрадная. Или же современная литература и публицистика – в позднесоветское время тут разворачивались целые баталии, причем голоса тех, которые впоследствии стали прорабами перестройки

или демократами первой постперестроечной волны, звучали тогда довольно зычно. Чем меньше оказывался участочек, на котором разрешалась критика, тем более смело и решительно можно было ею заниматься.

– Но надо иметь в виду, что власть объективно не могла во всем разбираться и отслеживать, чтобы в каждом вопросе расставлялись правильные акценты. Речь в данном случае даже не о каких-то сложных технических или естественнонаучных проблемах, а хотя бы о тех же лингвистике или музыке Шостаковича. И поэтому профессионалы получали уникальную возможность не только критиковать и спорить, но и в итоге добиваться своего. Так, автор «Толкового словаря русского языка» Сергей Ожегов в ответ на обвинения в том, что он использует и заимствует иностранные слова и аббревиатуры, вступил в переписку с ЦК и сумел убедить «товарищей» в том, что недопустимо искусственно сужать пространство живого и развивающегося языка и никакого низкопоклонства в иностранном словоупотреблении нет. (Скорее, конечно, он не убедил их, а вынудил отстать от него и закрыть глаза – но разве это не победа?)

– То есть компромиссные отношения с властью давали уникальную возможность профессионалу сохранить и собственное дело, и – что немаловажно – свое лицо.

– Кстати, первый массовый призыв большевиками профессионалов во власть произошел еще в годы Граждан-

ской войны. Надо сказать, что сразу после Октябрьской революции начался процесс пока что индивидуального трудоустройства отдельных спецов, прежде обслуживавших царский режим, а затем и Временное правительство, в структуры новой – советской – власти. Но уже сама Гражданская война и иностранная интервенция вынудили большевиков всерьез задуматься именно о массовом, масштабном обращении к опыту старых управленцев. Чтобы выстоять, молодой Советской России требовалось мобилизовать все свои силы. Но для мобилизации только лишь героизма и подвижничества было недостаточно. Нужно было грамотно инвентаризировать все наличные ресурсы и выстроить из них дееспособный контур. Естественно, в первую очередь речь шла о профессиональном управлении экономикой – таком управлении, которое невозможно было организовать, не прибегая к опыту прежних спецов. И тогда Ленин принял принципиальное решение – пойти на сотрудничество с такими спецами, пусть даже, мягко говоря, и не сочувствовавшими большевикам, критиковавшими новую власть за то, что она, сделав ставку на рабочий контроль и фабзавкомы, потворствовала перерастанию частных цеховых интересов в принципы управления экономикой и тем самым отступила от Маркса, отнюдь не считавшего, что социализм должен строиться силами лишь одного пролетариата – без творческого диалога с другими социальными силами. И Ленин, похоже, прислушался к такому мнению. В короткую мирную паузу марта–мая 1918-го, когда одна –

Первая мировая – война закончилась (во всяком случае, для России), а другая – Гражданская – еще не началась, он санкционировал фактически переход к госкапитализму ради передышки и преодоления продовольственного кризиса, идя при этом на серьезные компромиссы и допуская существенные отступления от доктринально стерильного социализма. Именно тогда, весной 1918-го, во власть – точнее, в ее исполнительные структуры типа Наркомпрода и Наркомфина – пришли целые группы спецов, согласившихся работать с большевиками в общем-то на условиях последних.

Однако вскоре – после контрреволюции на Украине и возобновившегося наступления германцев – компромиссы были свернуты. Повсеместно вводилось управление на принципах военного коммунизма: развернулась прекратившаяся было «красногвардейская атака на капитал», продовольственная политика начала строиться на основе очень жесткой хлебной монополии – продовольственной диктатуры. Но уже в конце 1918-го – начале 1919-го это закручивание гаек исчерпало все свои управленческие возможности. От большевиков стали отворачиваться не только крестьяне, но и рабочие, начали переходить на враждебные позиции предприниматели, прежде выражавшие готовность сотрудничать с новым режимом. То есть социальная база большевистской власти недопустимо сокращалась. И вот тут подали свой голос работавшие в наркоматах профессионалы. В Наркомпроде заговорили о том, что продовольственная диктатура не срабатывает,

и при этом не ограничивались голословными заявлениями, а собирали подробную статистику, выпускали бюллетени и предъявляли свои наработки политическому руководству страны. К тому времени и сам Ленин уже подошел к осознанию необходимости отказаться от чересчур радикальных способов управления экономикой, и звучавшее всё громче экспертное мнение профессионалов Наркомпрода оказалось услышанным. Продовольственная диктатура заменилась менее жесткой продовольственной разверсткой.

Однако большевистская идеократия не мыслила себе строительства нового общества на основе компромиссов, пусть даже и временных. И как только в 1919-м советской власти удалось одержать решающие победы на фронтах Гражданской войны, Ленин вдруг начал говорить о необходимости пролонгации продразверстки, искренне полагая, что только на ее основе и можно построить социализм: дескать, никакого рынка не потребуется, всё будет разверстываться и распределяться по устанавливаемым большевиками правилам. Между тем крестьяне согласились на продразверстку лишь как на временную меру во время войны, с их стороны это был компромисс, на который они пошли с большевиками ради установления после нейтрализации внешних угроз совершенно новых договорных отношений с советской властью. Спецы же из Наркомпрода и Наркомфина, видя реальное положение дел в экономике, уже в конце 1919-го предлагали ввести нэп.

Вслед за спецами из наркоматов военный коммунизм начали критиковать уже и отдельные представители самого партийного руководства, например, Леонид Красин – на тот момент нарком торговли и промышленности и одновременно путей сообщения, мастер привлечения инвестиций – «кошелек партии», как его звали. Так, он в открытую заявил, что большевикам удастся контролировать лишь 20 процентов экономики, организованной на принципах военного коммунизма, а остальные 80 процентов – это «Сухаревка», то есть теневая экономика, подпольный рынок, на котором вращаются колоссальные средства, недоступные для власти. Более того, утверждал Красин, на «Сухаревку» работают и некоторые государственные структуры. Данный факт свидетельствовал уже о полной неспособности большевиков навести элементарный порядок в экономике. Сложившуюся ситуацию очень точно характеризовала ходившая тогда поговорка, разрушавшая представление о военном коммунизме как о жесткой, но эффективной диктатуре, державшей руку на пульсе страны: «Пишем по декрету, а живем по секрету». То есть демонстрируем внешнюю лояльность власти, а на самом втихую обдeldываем – кто как может – свои дела.

А ведь на тот момент шел уже 1920-й, когда Гражданская война в основном завершилась и непосредственная внешняя угроза режиму исчезла. И после победоносного окончания этой войны началась новая война – гораздо более страшная: война с собственным народом, устраивавшим мятежи против власти большевиков. И в итоге в

марте 1921-го, под давлением Антоновщины, серии других мятежей, в том числе и наиболее громкого – в Кронштадте, советская власть согласилась ввести нэп.

– Действительно, санкционированная большевиками новая экономическая политика не являлась их идеей. Для них это было вынужденное решение, своего рода компромисс с обстоятельствами, сворачивание с магистрального, по представлениям их лидеров, пути строительства социализма. Но в очередной раз сработал ленинский прагматизм: уловить мейнстрим общественных настроений и выдать его за собственную проработанную позицию. И вождь принял политическое решение по нэпу вопреки многим, в том числе и влиятельным, представителям большевистской верхушки. Но сделанный им шаг объективно вынуждал предпринять целую серию дальнейших действий. Рыночный фундамент нэпа очевиден. А значит, на место административно-командных мозгов, привыкших управлять приказами да маузерами, должны были прийти новые мозги, способные управлять рыночной стихией, принимать решения, исходя из оценки их рентабельности, уметь осуществлять синдицирование и трестирование. И вот тут на первый план вышли люди типа упомянутых вами Базарова, Кондратьева и Чайнова, а также Леонида Юровского из Наркомфина – одного из разработчиков денежной реформы, – то есть именно высоко-

классные профессионалы, с которыми не могли конкурировать управленцы, выдвинувшиеся после Революции 1917 года и в ходе Гражданской войны.

– Нэп – это вообще золотое время для самых разных профессиональных сообществ и ассоциаций. Их в те годы сложилось великое множество. Допущенные властью послабления создавали благоприятные условия для развития этих организаций, их конкуренции друг с другом и выработки форм жизнедеятельности, альтернативных тому строю, который создавался большевиками. Последние же свыклись с необходимостью предпринятого ими «реверса», но тем не менее даже не допускали мысли об оставлении командных высот. На протяжении всего периода нэповского эксперимента он воспринимался советской властью как нечто временное – пусть притом и весьма продолжительное, – поскольку политика рассматривалась ею как сфера неизмеримо более приоритетная, чем экономика. Отсюда, кстати, и многочисленные ошибки, допускаящиеся большевистским руководством, не желавшим во всём следовать рекомендациям профессионалов. Взять, к примеру, очень интересный и исключительно перспективный в реалиях возрождавшейся экономики 1920-х принцип трестирования, когда работа в госсекторе строилась на принципах хозрасчета и экономической самостоятельности, а государству выплачивался фиксированный процент. Власть не дала полностью воплотить в жизнь этот принцип – она не согласилась на оплату труда пропорционально вкладу каждого работника, а настояла на сохранении уравниловки. И выходила несуразица. При пе-

реводе предприятия на хозрасчет новый принцип организации труда и его оплаты доводился до каждого рабочего места, чтобы все работники смогли на себе ощутить, как выгодно хорошо работать. И соответственно – как невыгодно работать плохо. Если работник ленился или халтурил, то это неизбежно должно было бы отражаться на его зарплате. Но этого-то и не происходило: партия не хотела «давать в обиду» рабочего – пусть даже и злоупотреблявшего таким ее доверием. В итоге хозрасчет не доходил до каждого члена трудового коллектива, а «застревал» где-то на уровне цеха или производственного участка и в итоге не срабатывал. Точно так же не получилось наладить отношения на принципах хозрасчета между предприятиями и их отраслевыми наркоматами. Большевики ни в какую не хотели допускать в новую социалистическую индустрию «классово чуждый» принцип материальной заинтересованности: интересы рабочих могла отстаивать только советская власть, а ни в коем случае не сами рабочие. Так нэп постепенно загонялся в «резервацию» мелких кустарей и артельщиков – своего рода производственных маргиналов, не делавших погоды в серьезной экономике. А значит, не создавалось основы для экономического термидора, при котором интересы нэпманов и зажиточных крестьян со временем получили бы и политическое оформление.

– Но развитие никогда не бывает линейным, и если после революции долгое время не происходит термидора, то значит, должен случиться следующий такт

революции. Этот такт и начался в конце 1920-х в виде сталинской революции «сверху», завершившейся утверждением административно-командной системы в качестве экономического и политического монополиста. Однако такое усугубление революции, попытка построить настоящую утопию для каких-то идеальных людей, которых просто не существует в действительности, делали термидор тем более неизбежным – разве что отложенным во времени. Он случился спустя несколько десятилетий – в 1991-м, – когда протест против утопии стал всеобщим.

– Утверждение сталинской модели делало неизбежным перезаключение контракта между властью и профессионалами на гораздо более жестких условиях для последних. Жизнь профессиональных сообществ регламентировалась, не осталось никого, не приписанного к тому или иному профессиональному цеху типа Союза писателей, Союза художников и тому подобных объединений. Пренебрегая полководья организаций, какое наблюдалось в 1920-х, уже не было: Сталин воспринимал спецов как ценный ресурс режима и потому не мог позволить, чтобы кто-то из них оставался недоучтенным или не приписанным соответственно своей потенциальной полезности и готовности к употреблению. Но и при таком резком усилении режимности спецы не утратили профессионального интереса к социалистическому строительству, тем более что на первых порах амбициозные сталинские задумки не могли не восхищать и не будоражить впечатления тех, кому вменя-

лась в обязанность их практическая реализация. К тому же тяга к фундаментальной переделке мира была тогда присуща не только советскому народу, но и населению ведущих капиталистических держав. Аналогичные задачи – разве что с национальной спецификой – ставились тогда и в гитлеровской Германии, и в заокеанской Америке, и в совсем уж неведомой и по-прежнему закрытой от мира Японии. Поэтому потребность в драйве, в мобилизационном рывке для построения нового мира, в каком-то специфическом образном языке для описания подобного творческого состояния – это чувство, которое в 1930-е испытывали интеллектуалы и за пределами СССР. Во всяком случае, в державах, претендовавших на роль пионеров развития и законодателей мод в деле социального конструирования. Старая аристократия – в тех обществах, где она, в отличие от СССР, оставалась, – всюду клонилась к упадку, а профессионалы и – шире – интеллектуалы вообще напротив резко шли в гору. И везде политическая власть играла на этом тренде, решая с помощью такого порыва те проблемы, которые объективно назрели, но одновременно объективно же не могли быть сняты при прежней ритмике социальной жизни. Другое дело, что в либеральных империях Запада – Соединенных Штатах и Великобритании – власть играла с интеллектуалами гораздо более завуалированно и деликатно, чем в тоталитарных режимах Японии, Германии или СССР. Но и там, и там вызовы эпохи открывали для интеллектуалов огромное количество возможностей проявить себя.

Поэтому, возвращаясь к сталинскому СССР, следует сказать, что и со стороны профессионалов, и со стороны власти имелась объективная заинтересованность в перезаключении контракта на взаимное сотрудничество, сокращение же диапазона свободы для спецов не умаляло их стремления обрести свое место на стройках социализма. Тем более что по сравнению с прагматизмом ленинским – прикладным, готовым ради разрешения конкретной проблемы поступиться теми или иными догматическими принципами, но лишь временно и с неизбежным возвращением на оставленные позиции, – прагматизм сталинский был гораздо менее идеологизированным (приоритеты свелись к обеспечению лоялизма и обустройству режима личной власти – власти как таковой, в чистом виде, а потому особо и не нуждавшейся ни в каком догматизме) и демонстрировал готовность вести диалог даже с недавними врагами. Так, стало возможным обращение к державности, к патриотическим ценностям, связывавшим воедино прошлое и настоящее, – и при этом необязательно воспринимавшимся с классовых позиций. Эта метка, посланная «сверху» в общество, была моментально воспринята, и социальная опора режима – в том числе из числа профессионалов, прежде ни в какую не желавших идти в услужение советской власти, так как для этого требовалось демонстрировать приверженность большевистской идеологии, – заметно расширилась.

– Мне кажется, что возымела эффект и другая непохожесть обоих вождей. Ленин сам был интеллек-

туалом, причем не сторонился и совсем уж высоких материй, в эмиграции занимаясь философией и поддерживая отношения с европейскими мыслителями левой ориентации. Поэтому он умел обращаться со спецами и вместе с тем особо с ними не церемонился. Сталин же не считал себя интеллектуалом, и ему явно льстило, что он имел возможность приближать к себе профессионалов. А последние, в свою очередь, также готовы были заигрывать с вождем. Сталинская «внеидеологичность» оказывалась тут как нельзя кстати, о чем свидетельствуют истории взаимоотношений Сталина с Михаилом Булгаковым или Борисом Пастернаком. Вся эта новая стилистика диалога власти и профессионалов отточилась и вместе с тем обрела некие новые черты в годы войны. С одной стороны, рамки официальной идеологии, в 1930-е годы и так заметно раздвинувшиеся, с началом войны были перенесены еще дальше – за те ограничительные линии, которые прежде считались непреодолимыми. Власть фактически в открытую призвала перед лицом врага забыть старые классовые обиды и сплотиться вокруг фигуры вождя. Советская страна – пожалуй, впервые с момента своего рождения в горниле Октябрьской революции и Гражданской войны так четко и осознанно – начала позиционироваться как в основе своей то же самое государство, которое существовало до 1917 года, только обновленное, на новой ступени своего развития, но вместе с тем чтущее героизм и патриотизм предков – хотя бы даже

и из царского прошлого. После почти четвертьвековых репрессий, гонений и забвения была частично «реабилитирована» Русская церковь.

– Однако гораздо важнее обратить внимание на то, что имело место, так сказать, с другой стороны. Перечисленные вами нововведения вполне укладывались в общую патерналистскую схему тотального лоялизма: то, что из тени в свет переводились целые сегменты тех, кого раньше считали классовыми врагами, выглядело как бы царской милостью, традиционным русским замирением в годину испытаний – пусть, правда, и с оттенком покаяния самой власти типа проникновенных обращений «братья и сестры», «к вам обращаюсь я, друзья мои», что тем не менее также было вполне в духе отработанного веками сценария самодержавного плача. А потому не меняло ровным счетом ничего в режиме личной власти. Буквально революционная по своей сути новация подступила с другой стороны: власть отважилась на то, о чем раньше даже и близко не помышляла, – на доверие к своим гражданам. Если прежде доверие, аранжированное восторгами и поклонением, могло подниматься лишь «снизу» «вверх», то теперь оно стало оказываться и в обратном направлении – «сверху» «вниз». Со скрипом, без восторга, вынужденно – но оказываться!

– В советских реалиях это значило очень многое: фактически в переводе с языка нашей политической культуры на язык западной политической культуры

такое властное доверие следовало воспринимать как делегирование сувереном части своих полномочий (в нашем случае – в виде оказываемого доверия и предложения разделить ответственность) гражданскому обществу (опять же в реалиях СССР – сообществу профессионалов). Доверие оказывалось в первую очередь тем из профессионалов, кто был способен самостоятельно – а не послушно – мыслить и принимать ответственные – а не директивно спущенные – решения.

– Среди таких лиц были и ученые-технари – например, Петр Капица, Игорь Курчатов, Лев Ландау, Сергей Королев, – и капитаны промышленности, как Исаак Зальцман, Алексей Шахурин, Иван Лихачев. Эти и другие отмеченные «высочайшим» доверием фигуры транслировали такое доверие ниже – на уровень конструкторских бюро и промышленных объединений, между которыми разворачивалась конкуренция, в ходе которой совершенствовалось качество выпускавшейся продукции, оттачивались практики управления большими предприятиями. И в условиях этой конкуренции уже не имело никакого значения, кто именно добивался лучших показателей – большевик или беспартийный, лицо с безупречным пролетарским происхождением или кто-то из «бывших», человек с незаполненными последними страницами паспорта или уже посидевший в сталинских лагерях. И самое удивительное, что даже в условиях предельного мобилизационного напряжения эти новые управленцы из оборонной науки

и оборонных отраслей промышленности использовали те самые методы стимулирования личной материальной заинтересованности, которые апробировались в годы нэпа, а потом были благополучно забыты. Например, упомянутые Зальцман, Шахурин и Лихачев внедряли у себя принцип хозрасчета. Опыт использования рыночных механизмов в 1941–1945 годах впоследствии проанализирован и изложен Николаем Вознесенским, на тот момент возглавлявшим Государственную плановую комиссию при союзном Совмине, в книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». В ней прямо говорилось о необходимости и в мирное время работать с такими инструментами, как прибыль, цена, рентабельность, хозрасчет, – то есть на повестку дня ставилось то, о чем Косыгин заговорил два десятилетия спустя. Однако для решительных, новаторских по характеру действий и поступков требовалось известное мужество. Неслучайно нарком танковой промышленности Вячеслав Малышев говорил руководителям «Уралмаша» о том, что сейчас и в последующем будет нужна правовая основа для проявления смелости. В условиях налаженного военного хозяйства утвердилась практика «разносов» директоров за нарушение тех или иных прерогатив вышестоящих инстанций, установленных «сверху» лимитов. На многие формы хозяйствования распространялось идеологическое табу, они трактовались как несовместимые с социализмом. Например, критерий прибыли многими руководителями рассматривался как основной в оценке эффективности работы предприятия.

При таком положении каждый управляющий должен был подыскивать людей, которые могли бы приносить наибольшую пользу, и оплачивать их труд не по установленной ставке, а по тому, кто чего стоит. Но в самой постановке вопроса «дать волю каждому», то есть дать возможность самому отвечать за всё, не перекаладывая ответственности на чужие плечи, на вышестоящие инстанции, тут же усматривалась угроза ослабления планового – а значит, централизованного – начала. Противоречила установленным правилам снабжения «по карточкам» мысль директора ЗИСа Лихачева о том, что придет такое время, когда забудем вообще о фондах, что потребитель будет иметь дело с изготовителем. То есть он выступал за такие подлинно плановые начала, которые не предписывают способы движения к общественно важной цели, а создают основу для проявления широкой технической и хозяйственной инициативы. В 1944 году Лихачев решительно отверг предложение лимитировать работу цехов по отдельным элементам затрат и требовал устанавливать задание только по общей себестоимости изделия, не связывая излишней опекой начальников цехов. Весьма перспективные мысли о методах хозяйствования содержались в записке Константина Белова, представленной в том же 1944 году в Наркомат станкостроения. Вернувшись из командировки в США, инженер призвал обратить серьезное внимание на индустриальную социологию, на разрабатываемые ею принципы и способы реализации на производстве теории «человеческих отношений». Белов видел в ней, как и в

системе Тейлора, прежде всего черты, которые могли бы быть использованы в деле дальнейшего развития научной организации труда, создания оптимальных условий для проявления способностей советского рабочего, его изобретательности и инициативы.

Все новые идеи, поиски, прозрения венчала работа неизвестного экономиста Николая Сазонова «Введение в теорию экономической политики». Выходец из крестьян, инженер-энергетик по образованию, член партии с 1920 года, он в 1943 году представил в Институт экономики Академии наук СССР свою докторскую диссертацию. По мнению Сазонова, игнорирование таких законов, как законы денежного и товарного обращения, образования и движения цен, привело к крупным ошибкам, затормозившим развитие страны в 30-е годы. Ликвидация государственной и кооперативной торговли с заменой ее распределением продуктов по карточкам отрицательно отразилась на всём народном хозяйстве. Отсутствие свободной государственной торговли в городе вызвало резкое сокращение предложения сельскохозяйственной продукции со стороны крестьянства. Это осложнило снабжение городов, привело к понижению производительности труда, превратило предприятия в «проходные казармы».

Причину острого кризиса финансовой системы страны Сазонов видел в том, что основная доля доходов принадлежала не отдельным предприятиям, а государству. Проведение большей части доходов и расходов народного хозяйства через государственный бюджет приводило к его

огромному разбуханию, что, в свою очередь, способствовало быстрому росту государственных учреждений. Такой порядок бюрократизировал всё финансовое хозяйство страны и явился одной из серьезнейших причин больших перебоев в хозяйстве в первые месяцы Великой Отечественной войны. Для оздоровления экономики, ее быстрого восстановления после войны Сазонов предлагал «переключить работу хозяйственного оборота на коммерческие рельсы», продавать товары широкого потребления хотя и по карточкам, но по складывавшимся ценам вольного рынка. Он считал необходимым отказаться от планового вмешательства в хозяйственные процессы, отменить централизованную систему фондирования, предоставить руководителям предприятий право свободного маневрирования фондами материалов, рабочей силы, зарплаты и т. д. Плановая работа, по его мнению, должна была сводиться только к регулированию хозяйственных процессов, к учету и предвосхищению их.

Сложная ситуация с обеспечением тыла необходимыми кадрами объяснялась в диссертации тем, что еще до войны в народном хозяйстве из общей численности работавших по найму около 30 миллионов человек около 6–7 миллионов были заняты непроизводительным трудом, выполнением функций или обязанностей, от исполнения которых государство должно отказаться. Так как за время войны никаких существенных изменений в области организации труда и заработной платы, а также в области фондирования зарплаты не было произведено, то резервы

составили весьма значительную величину. Анализ использования трудовых ресурсов, работавших по найму в 1943 году в количестве 15,8 миллионов человек, показал, что из них около 3,5 миллионов заняты непроизводительным трудом в вахтерской, сторожевой и пожарной охране или выполнением функций, тормозивших хозяйственную работу. Этой армии трудящихся государство ежедневно выплачивало 40 миллионов рублей – или 11,5 миллиарда рублей в год – без получения от ее труда какой бы то ни было материальной продукции.

Сазонов подробно обосновал меры по организации широкого привлечения и использования иностранных капиталов в форме акционерных обществ и концессий. Он считал целесообразным создание акционерных обществ с участием Советского государства как пайщика и акционерных обществ чисто социалистических. 80 процентов всей промышленности предлагалось перевести на акционерные начала с сохранением в акционерных обществах 51 процента капиталов за государством. В диссертации содержались предложения об отмене монополии внешней торговли и замене ее «рациональной таможенной системой».

Исследование Сазонова в июне 1944 года по указанию ЦК было обсуждено на совещании экономистов. В выступлениях директора Института экономики члена-корреспондента АН СССР Павла Хромова, академиков Евгения Варги, Константина Островитянова работа была подвергнута разностной критике, оценена как крамольная попытка

опорочить всю довоенную экономическую политику и обосновать необходимость возвращения после войны к капитализму. После такого приговора судьба автора столь необычной для того времени диссертации была пред-
решена.

– И тем не менее война принесла с собой ощущение какого-то удивительного внутреннего раскрепощения, соединенного с ожиданием перемен, которые обязательно будут, которых просто не может не быть. Это ощущение – через разговоры, которые во время войны велись в интеллигентской среде, – талантливо передал Василий Гроссман в «Жизни и судьбе». Люди задумывались о том, какой будет их страна после войны, и они просто не могли себе представить, что после такого страшного испытания могут снова вернуться репрессии, унижение, принудительный труд. Власть как будто услышала, почувствовала это тектоническое брожение в народе и... двинулась навстречу этим чаяниям: вскоре после окончания войны стала разрабатываться новая Программа партии. Однако работа, о которой в общество делались регулярные «сливы» и к которой был привлечен весь цвет советской гуманитарной и общественно-политической мысли, была свернута, едва начавшись. А потом раздалась первые залпы холодной войны, развернулась «борьба с космополитизмом», и по всему стало ясно, что масштабный эксперимент по обновлению совет-

ского строя, который в годы войны стал предприниматься отдельными очагами в разных сферах жизни, в основном завершен, а продолжается только в оборонке – да и то в урезанном виде: с конкуренцией КБ, но без хозрасчета.

– Действительно, власть далеко не всем была довольна и вынашивала замыслы каких-то перемен. Это движение вышло на поверхность не только на самом XIX съезде – в виде целого ряда неожиданных кадровых перестановок, – но и накануне форума, когда в «Новом мире», а затем в «Правде» вышел очерк Валентина Овечкина «Районные будни», в котором был представлен конфликт двух управленцев: человека старого покроя, привыкшего размахивать пистолетом и всюду усматривать козни врагов народа, и представителя нового поколения, который пытается повернуть властную систему – на своем уровне, разумеется, – лицом к людям. 1953 год самым непосредственным образом отразился на контракте между властью и профессиональным сообществом. Можно сказать, что с приходом к власти Хрущева и началом «оттепели» отношения ведущего и ведомого поменялись в этом контракте на прямо противоположные. Если в первые три с половиной десятилетия существования советской власти возможности применения навыков спецов и их положение в обществе целиком и полностью зависели от партийного руководства, то начиная с 1953 года профессионалы стали явочным порядком не только делать погоду в своих непосредственных сферах, но и формировать общенациональную

повестку. Во многом это явилось результатом неуклюжих попыток Хрущева наладить диалог с интеллектуалами. Вести тонкую игру на манер Сталина у него не получалось, да и извечная ролевая пара – царя и находящегося при троне мудреца – уже явно не соответствовала наступившей эпохе. Осознавая, что он проигрывает таким «мудрецам», Хрущев устраивал им разносы, чем только еще больше ослаблял позиции власти как одной из сторон контракта: с каждым из таких разносов репутация профессионалов как влиятельной и – страшно подумать! – самостоятельной силы лишь укреплялась. В сложившейся ситуации власть из полновластного хозяина, на своих условиях нанимавшего профессионалов на работу, всё больше превращалась в какого-то невнятного субподрядчика, которого терпели, поскольку он платил, но не более того.

– Следовательно, положение власти в диалоге со специалистами заметно улучшилось с приходом Брежнева. Вернее, сам Брежнев был тут ни при чем. В том, что власть на какое-то время вернула себе имидж монопольного держателя смыслов стратегического развития, заслуга Косыгина, с которым профессионалы связывали надежды на реформы. Будучи сам продуктом сталинской системы управления экономикой, Косыгин очень хорошо понимал, какие непреодолимые ограничения для НТР и вообще хотя бы для элементарного – пусть незначительного, но стабильного –

прироста экономики создавала административно-командная система.

– И он очень основательно начал готовить серьезную экономическую реформу, опираясь на идеи, которые были обнаружены в статье харьковского профессора Евсея Либермана «План, прибыль, премия», опубликованной в «Правде» в сентябре 1962 года. Поддержку предложениям Либермана высказали экономисты Василий Немчинов, Станислав Струмилин и эксперты Госплана СССР, руководители предприятий. В западной прессе и советологии концепция реформ получила название «либерманизм». Важно заметить, что как альтернатива реформе в среде интеллигенции радикального «технократического» направления рассматривались идеи академика Виктора Глушкова, который в это же время развивал программу тотальной информатизации экономических процессов с применением системы Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС), которая должна была базироваться на создававшейся Единой государственной сети вычислительных центров (ЕГС ВЦ). В каком-то смысле учитывался и опыт реформирования экономики при Хрущеве, в частности, эксперимент с совнархозами. В конце концов, совнархозы тоже ведь были попыткой построить децентрализованную экономику. Эксперимент по внедрению этих «территориальных министерств» не удался – отчасти по причине его недостаточной концептуальной проработки, отчасти из-за нашей извечной беды – возникновения и бурного роста

местничества всякий раз, когда верховная власть «уходит» с территорий, и провоцируемого в результате этого очередного витка противостояния «земли» и «державы». Но как бы там ни было, совнархозы тем не менее явились первой попыткой невертикального управления гигантской экономикой, и их уроки нельзя было игнорировать.

Косыгин начал с самого простого, что можно было решить как раз благодаря административно-командной системе, позволявшей быстро и без проволочек доносить на места директивы и контролировать их исполнение – в части, касавшейся не столько существа дела, сколько бумагооборота. Ему удалось ощутимо уменьшить количество параметров отчетности. Это был первый шаг на пути предоставления предприятиям широкой экономической самостоятельности.

Следующим шагом стало как раз директивное – а как же иначе при административно-командной системе? – введение непосредственно самого принципа хозрасчета. Дело продвигалось непросто: мешало то, что позже – в перестройку – назвали «механизмами торможения». Причем особенно мощными эти «механизмы» были даже не столько в управленческой вертикали, сколько на самом низовом уровне – в трудовых коллективах и на рабочих местах. До того уравниловка как базовый принцип оплаты труда позволяла сглаживать острые углы: передовики и ударники компенсировали лентяев и халтурщиков, и в итоге складывалась более или менее приемлемая картина. Долги же, накапливавшиеся на разных этажах хозяйственной вертикали, рано или поздно – но неиз-

бежно – списывались, поэтому руководство предприятий могло особо и не беспокоиться по поводу сведения баланса. А при хозрасчете устанавливался совсем другой порядок. Предприятие оценивалось по конкретным показателям прибыли и рентабельности. Списание долгов оказывалось в принципе невозможным, поскольку предприятие превращалось во вполне самостоятельную экономическую единицу. У его директора имелась возможность создавать три фонда, в которые разрешалось распределять прибыль после отчисления обязательного процента государству. Один фонд – на развитие производства, другой – на материальное поощрение сотрудников (причем решения о том, какую кому начислять зарплату, принимались непосредственно в самих трудовых коллективах), третий фонд – на социальные нужды работников и их семей. То есть фактор материальной заинтересованности включался на полную мощность. Люди начали зарабатывать реально много – по сравнению со средней зарплатой по отрасли и тем более по стране. На успешных предприятиях прекращалась текучка кадров. Рабочими местами стали дорожить, и трудовая дисциплина повышалась буквально на глазах. В итоге VIII пятилетка, на время которой в основном и выпала косыгинская реформа, по основным показателям оказалась намного успешнее предыдущих.

– Но известно, что по мере того, как реформа набирала силу, в верхних эшелонах управленческого аппарата нарастало недовольство происходившими переменами. Причины подобного настроения понятны:

в результате массового перехода предприятий на хозрасчет административная вертикаль оказалась отключенной от процесса принятия решений, ставших теперь сугубой прерогативой самих трудовых коллективов. Аппаратчики использовали любой повод, чтобы дискредитировать это начинание. Очень кстати оказалась серия громких дел отдельных руководителей низового уровня – прорабов, бригадиров и пр., – уличенных в нецелевых растратах. Свою роль сыграли и другие факторы, непосредственно не относившиеся к экономике, – например, события в Чехословакии или зависть Брежнева к Косыгину: многие доброхоты открывали генсеку глаза на то, что, мол, популярность председателя Совмина росла и уже превысила популярность самого лидера партии. И наконец, главное: Косыгин понимал, что реформа в том виде, в каком она проводилась, исчерпала себя. Да, налицо был подъем экономики, люди стали хорошо зарабатывать и ощутили вкус к новой организации труда и его оплаты. Но теперь требовался следующий шаг – менять отношения собственности, а это было бы уже прямым вызовом политической системе, на что Брежнев и его окружение пойти не могли. Реформа постепенно была свернута, и страна вступила в застой.

– Однако застой политический, управленческий не начал застоя интеллектуальной жизни. Профессионалы, согласившиеся было играть по правилам в видах возмож-

ного реформирования страны «сверху» в результате косыгинской реформы, перестали ощущать себя связанными с властью каким-либо договором. Кто-то – как, например, диссиденты – в явной и вызывающей форме. Кто-то начал просто работать в стол, на перспективу, готовя будущие реформы в отложенном режиме, ожидая для них подходящего момента и в то же время не только явно не конфликтуя с властью, но и сотрудничая с ней. Среди таких были будущие активные идеологи перестройки Татьяна Заславская, Леонид Абалкин, Николай Петраков, Станислав Шаталин. Кто-то, как тот же Георгий Щедровицкий, создавал полуподпольные «секты» своих учеников и соратников, которые «всплыли» уже в постперестроечные времена, да и то не с самого начала. Кто-то, как Александр Зиновьев, уехал. А кто-то – правда, таких были уже единицы, например, Эвальд Ильенков – продолжал работать и верить, что достучаться до самого «верха» получится.

С приходом к власти Андропова отчасти повторилась ситуация второй половины 1960-х: как и тогда вокруг Косыгина, так и теперь в непосредственной близости и под личным контролем нового генсека начала работать группа профессионалов – Евгения Примакова, Федора Бурлацкого, Георгия Арбатова, Александра Бовина, Георгия Шахназарова и др., – которые стали готовить перестройку. Точнее, тот пакет реформ, который стал так называться уже при Горбачеве. Андропов понимал реальное состояние страны – как и то, что тянуть с решительным обновлением нельзя, иначе кризис примет необратимые формы.

– Но вместе с тем и он был готов идти лишь до определенного предела – до тех пор пока преобразования не выльются за пределы того, что называлось социализмом. Однако при Андропове – и в этом его принципиальное отличие от Горбачева – вся эта работа велась в закрытом режиме. Ни о каком политическом обновлении «широкого употребления», «для всех» речи не шло. Генсек считал, что общество в массе своей не готово к тому, чтобы его посвятили в вынашивавшиеся планы. Во всяком случае, и в таком ключе тоже правомерно понимать крылатую андроповскую фразу: «Мы не знаем общества, в котором живем». Оглядываясь сейчас на эпоху Горбачева, можно признать, что Андропов в своем осторожничанье с обществом – да и не только с ним, но и с узким кругом интеллектуалов – был во многом прав. Когда в перестройку политические реформы стали намного обгонять все остальные перемены, профессионалы в массе своей забыли о собственном корпоративном предназначении: в них проснулась извечная тяга к власти, к попаданию в нее. Подвернулся и удобный способ массовой кооптации во власть – на волне масштабной реформы законодательной власти и процедуры выборов в нее. Но для этого профессионалы должны были идти на поводу у масс, подыгрывать общественным настроениям, которые становились всё более и более радикальными. А значит, должны были изменять своему предназначению – формиро-

вать массовые настроения, а не быть игрушкой в руках этой стихии. А дальше – больше. Как позже признавался Гавриил Попов, радикальные демократы союзного и республиканского съездов нардепов были готовы к тому, чтобы установить новый строй явочным порядком – чрезвычайным способом, – если Горбачев и далее проявлял бы нерешительность и метался между «революционерами» и «консерваторами». Если бы ГКЧП не совершил попытку переворота в августе, то радикалы-нардепы, по словам Попова, сделали бы то же самое в октябре. Собственно, это и произошло, только позже – в декабре – и мягким способом, когда Советский Союз был объявлен несуществующим. То есть вкусив сладость власти, профессионалы были готовы действовать теми же самыми способами, которыми эти власть традиционно управляла страной. Но опора на государственный переворот как на средство для учреждения новой страны закладывает мины, которые взрываются позже и в тот момент, когда этого никто не ждет. И эпоха Ельцина сполна это подтвердила. Ставка на творцов ваучерного способа приватизации и залоговых аукционов отредила всё население от свободного доступа к ресурсам России, заложила экономические, социальные и политические основания нового самовластия.

– Похоже, что гражданское общество у нас до сих пор так и не сложилось и по-прежнему замещается своим эрзацем – сообществом профессионалов. А потому совет-

ский опыт выстраивания взаимоотношений между этим сообществом и властью до сих пор актуален, несмотря на то что нынешняя Российская Федерация – это уже совершенно другая страна, разительно отличающаяся от Советского Союза. Конечно, очень хотелось бы, чтобы наши интеллектуалы перестали рваться во власть, а взяли пример хотя бы с тех же французских интеллектуалов, о которых говорилось выше, и превратились бы в зеркало власти, в ее критика и судью, держались бы от нее на расстоянии. Но рассчитывать на такое – пустое резонерство, маниловщина. Национальные поведенческие стереотипы не меняются по мановению волшебной палочки – на это уходят столетия. Чтобы перерождение стало заметным, ему должны подвергнуться многие поколения. Поэтому гораздо правильнее не ставить недостижимых целей, а ограничиться прагматичными паллиативами. И если властолюбия интеллектуалов никак не обуздать, то его необходимо соответствующим образом организовать. Один из наиболее наглядных уроков советской эпохи заключается в том, что контракт между властью и сообществом спецов должен работать. Пусть худо-бедно, но работать, что выражается в том, что власть делает заказы, профессионалы их исполняют, получают за это материальное вознаграждение, статусный рост и... новые заказы. А чтобы это колесо вращалось, перво-наперво необходима действенная кадровая политика – регулярная ротация и бесперебойная работа социальных лифтов. Профессионал должен знать, что сделать карьеру реально, что всё зависит только от

него самого. Безусловно, вряд ли сегодня имеет смысл говорить о возрождении той системы воспроизводства руководящих кадров, какая была в советское время. Важно преодолеть хотя бы наиболее вопиющие извращения кадровой политики. Например, горизонтальную ротацию кадров, когда управленец, заваливший работу на одном участке, перемещается на эквивалентную должность на другом участке – и заваливает дело уже там.

– Вместе с тем и советский опыт выстраивания кадровой политики не следует чересчур идеализировать. Его надо воспринимать, скорее, как интенцию, намерение, некое мнение о том, как должно было быть – а не как было на самом деле. Да, в советское время профессионал мог продвигаться по служебной лестнице независимо от своего происхождения, начального уровня материального обеспечения: образование, служба в армии или стаж партийной работы исправляли неудачные анкетные данные и даже придавали карьерному росту такой мощный импульс, какого не было у других. Однако должностное повышение было небесконечным. С определенного уровня начинали всё ошутимее включаться факторы блата, nepoтизма, клановости. Во многом на этом и сломался советский контракт власти и спецов. Понятно, что чем выше, тем объективно уже становится горлышко возможностей. Но важно, чтобы перспектива продвижения ясно представлялась, была по

возможности прозрачной, предсказуемой, планируемой и реально осуществимой.

– Власти действительно надлежит активнее оказывать профессионалам знаки внимания разного рода, тем более что ей это ничего не стоит, и она при этом ничем не рискует. Взять хотя бы такой частный и, казалось бы, несущественный формат диалога со спецами, как их участие в коллегиях министерств. В советское время подобная работа не была профанацией. Там реально бурлила жизнь, конкурировали представители разных научных школ. И пусть коллегии в силу своего совещательного статуса не оказывали решающего воздействия на принятие решений, но к ним всё равно прислушивались, а состоявшие в коллегиях спецы обретали искомое ощущение близости к власти. Имеет смысл примерить к дню сегодняшнему и такой советский принцип работы с кадрами, как квотирование, когда всюду выделялся определенный обязательный процент для молодых специалистов, национальных кадров, женщин и общностей, составленных по иным принципам. В такой сложной, многосоставной и вместе с тем не обладающей развитыми гражданскими институтами стране, как наша, без квотирования кадровых назначений не обойтись. Это – весьма действенный способ нейтрализации возможных напряжений. А в наше время – особенно напряжений на этноконфессиональной почве. Нельзя в то же время забывать, что есть вещи, которые профессионалы совершали и будут совершать независимо от любого режима власти, потому что накопленные преж-

де знания позволяют осуществить прорыв, выводящий осмысление и понимание проблем на качественно иной уровень. Но есть достижения (в военно-промышленном комплексе, ракетостроении, атомной и космической отраслях), которые были бы невозможны без организационно-управленческих решений власти, обеспечивших высокий уровень мобилизации ресурсов для реализации проектов. Любопытны в связи с этим модели, подобные наукоградам – «высокотехнологичным монастырям», в которых те или иные задачи решались не привычными (планово-распределительными) мерами, а своеобразной альтернативной, конкурентной организацией всего пространства человеческого бытия. Наконец, не стоит пренебрегать и своего рода инверсивной, изнаночной тягой профессионалов к власти – их потребностью в ее критике и даже, если называть вещи своими именами, щипании. Это, безусловно, сублимация – но такую сублимацию можно сделать объективно полезной. К примеру, деятельность ОНФ как кнута, которым власть – правда, на местах, но хотя бы так – понукается, вынуждается быть более эффективной и прозрачной, может стать одним из направлений, на котором нынешним интеллектуалам стоит сосредоточить свои усилия, поскольку у новой структуры нет политической стратегии, нет решения вопроса о собственности и доступа к ресурсам страны.

– Представленный нами опыт сотрудничества власти и профессионалов выглядит насквозь проблем-

ным, сложным, запутанным, трудно поддающимся пониманию с точки зрения каких-то простых, одномерных объяснительных схем. Но именно поэтому, во многом в силу своей такой противоречивости этот опыт создавал уникальное пространство возможностей – причем возможностей не столько актуальных, сколько отложенных, намеченных – но законсервированных до какого-то более благоприятного времени. Думается, что сейчас это время и наступило. Нет непробиваемых идеологических «заглушек», имеется реальная возможность выбора. Да, административный диктат сменился диктатом бюрократическим – но всё равно настоящие условия не идут ни в какое сравнение с советской эпохой: пространство внутренней – личностной и корпоративной, если говорить об интеллектуалах, – свободы, пусть со всеми оговорками, но реально существует. И в этом – очевидное преимущество настоящего времени. Поэтому не пора ли стряхнуть архивную пыль с некоторых из рассмотренных выше практик и не попытаться ли примерить их к сегодняшней повестке дня?

Революция и российское пространство власти

Интервью
главному редактору журнала
«Наука и религия»
Сергею Антоненко
(1974–2021)*



– Вы относитесь к числу учёных, обладающих исследовательской саморефлексией, занимаетесь не только изучением определённых периодов прошлого, но и разработкой теоретических проблем науки. Поэтому давайте начнём нашу беседу с теоретического – но при этом весьма актуального – вопроса. Историческое познание – одна из древнейших форм культурной деятельности (видимо, оно старше цивилизации и является «ровесником» самой культуры). Но история как наука постоянно развивается, обновляя свои стратегии и инструментарий. Что изменилось в принципах работы историков за последние 20–30 лет? Какие наиболее важные сдвиги в методологии исторического познания (в российском и международном контексте) вы бы отметили? Какие из этих инноваций находят своё применение в деятельности руково-

* Наука и религия. 2017. № 3.

димой вами Ассоциации исследователей российского общества?

– Для начала нелишне напомнить вашим читателям о тех перегрузках, которые переживала российская историческая наука последние два-три десятилетия. Эти перегрузки были связаны с глубокой переоценкой основополагающих формул советской историографии, восходящих ещё к сталинскому «Краткому курсу», интеграцией в мировую науку, вызовами постмодернизма, освоением результатов так называемого культурного поворота в историографии, наконец, с кризисом профессиональной идентичности историка. Поначалу заметной тенденцией являлось «отталкивание» от всего советского, повышенное внимание к русской эмиграции, к русским антикоммунистическим движениям в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, в послевоенное время. Затем главными трендами становятся несколько устойчивых научных направлений, стягивающих самую разнообразную проблематику и подразумевающих, что новые книги пишутся прежде всего для читателей-современников. Наука принимает актуальный запрос общества на проблематику *идентификации* и *самоидентификации*. Бурное развитие получают национальные истории, включение этнического и конфессионального материала в поле познания прошлого, изучение феномена исторической памяти и коммеморации, то есть практик введения образов прошлого в пласт современной культуры.

Историческая наука, сохраняя интерес к феномену власти, проводимым ею реформам и контрреформам, проблематике соскакивания или обрушения страны в революционные фазы, обращается к схемам чередования мобилизационных и модернизационных режимов, механизмам функционирования политических систем. Свободный от ортодоксии анализ идеологических систем сопровождается быстрорастущим интересом к презентации власти, её символам и ритуалам, рукотворным политическим мифам и стратегиям демифологизации. Новый ренессанс истории экономики обусловлен пережитыми жесточайшим кризисом, дефолтами, денежными реформами.

В изучении роли страны в окружающем мире и описании международных отношений по-прежнему преобладает интерес к конфронтационным событиям, Первой и Второй мировым войнам. Их история подверглась серьёзной политизации, попыткам пересмотра итогов в контексте «войн памяти». Однако политическая история, вопросы цены и ответственности дополняются иным видением войны и мира – осмыслением стратегий поведения людей на фронте и в тылу, механизмов формирования и утилизации образов войны, форм и методов народной дипломатии.

Для постсоветского времени характерна также дискуссия об исторических аспектах встраивания России в атлантическую цивилизацию, путях её вестернизации и о геополитических моделях, в которых новая Россия выступает в качестве полноправного субъекта международных

отношений. Осмысление роли России в мировой политике связано с такими концептами (идейно нагруженными понятиями), как «сильное эффективное государство», «национальные интересы», «национально-государственный суверенитет», «великая энергетическая держава». Коммуникационная и новая культурная революции, интерес к сакральному и духовному, к эзотерике – всё это расширило проблематику истории *повседневности*. Изучение частной жизни, межличностных отношений в семье и разных социальных средах, особенностей менталитета, поведения девиантных групп объединяет сегодня *историческая урбанистика*. Большое значение приобрели и такие направления, как *историческая антропология*, «*новая имперская история*», или «*новая история империй*».

Так или иначе, все эти сюжеты находили отражение в коллективных проектах нашей Ассоциации, которой в следующем году исполнится четверть века, и в индивидуальных исследованиях наших авторов.

В последние десятилетия моим коллегам надо было реагировать и на стирание грани между академической историей и другими формами исторического знания. Сегодня исследователи работают с такими сложными, многомерными категориями, как историческое сознание и историческая политика; обращаются к проблемам травматической памяти и прикладной истории; взаимодействуют с различными типами исторической репрезентации, т. е. представления событий прошлого широкой аудитории (исторический роман, историография, фотография,

художественные фильмы, видеоигры и музейные экспозиции). Добавлю к этому и постоянные заходы на привычную территорию академических историков то филологов и экономистов, то культурологов-постмодернистов и специалистов по *cultural studies*, то приверженцев гендерных исследований и исторической социологии. Естественно, кто-то из моих коллег скептически воспринимает все эти интервенции и предпочитает оставаться в «дисциплинарном гетто», а многие, наоборот, начинают изучать и осваивать новые теории, применять непривычные методы и инструменты анализа.

– Можно ли говорить о том, что в последние четверть века благодаря этим новым стратегиям качественно изменилось наше видение важнейшего исторического события XX века – Русской революции (если иметь в виду не конъюнктурную смену оценок, а понимание сути событий)? Возможно ли вообще – на сегодняшнем этапе или в будущем – формирование объективной, адекватной картины революции?

– Конечно, здесь нет прямой зависимости. Новая теоретическая рефлексия не может сразу же, автоматически раскрыть «тайну» революции. Но она способна приблизить нас к пониманию смысла происходящих событий и стратегий поведения разных групп людей. Столетняя дистанция позволяет нам увидеть всю череду последовавших перемен в России, которые причудливо трансформировали государственные и общественные институты. Напри-

мер, вместо самодержавного абсолютизма устанавливалась диктатура партии с вождём; взамен системы сословных границ утверждалась иерархия классов и прослоек. Заработал на советском пространстве и имперский алгоритм. В наши дни на революцию 1917 года зачастую возлагается ответственность не только за великие прорывы в экономике, социальной и культурной сферах, но и за продолжение действия всех вековых «кодов» российского прошлого, а также за утопические советские эксперименты, которые отбрасывали страну назад. И сегодня есть эксперты, которые возлагают вину за кризисы, отставание, тупиковые ситуации на революцию и её вождей. Они стараются не замечать, как часто правящая партия и её генсеки меняли движение страны в истории и предавали революционные идеалы.

Формирование адекватного взгляда на события 1917-го и последующих лет начнётся только тогда, когда и как только мы перестанем оценивать революцию с позиций дня настоящего, а не исходя из смысла и конкретных обстоятельств её эпохи. И здесь опять-таки важна методология – если история не постигается из неё самой, если смысл прошлого заимствуется в настоящем, то многообразие прошлой реальности сужается до рамок, заданных сегодняшним днем.

– А теперь вопрос, связанный с конкретикой исследовательской работы: какие фрагменты этой картины сегодня Вам представляются наиболее про-

блемными, дискуссионными? Какие направления в исследовании темы революции в последние годы привлекали наибольшее внимание российских и зарубежных историков?

– Ваш вопрос очень объёмный и многомерный, поэтому остановлюсь на тех его аспектах, которые мне близки. Во-первых, до сих пор остаётся актуальной теория «комплекса революций» Жоржа Лефевра. Применительно к Февральской революции это означает, что она победила как соединение революции рабочих и солдат с революцией буржуазии и граждан. Во-вторых, мне близка точка зрения японского профессора Харуки Вады о том, что более позитивными оказывались революции, которые происходили в конце великих войн, чем те, которые возникали, как наша революция, в течение самой войны. Как показала деятельность Временного правительства, невозможно, продолжая войну, сохранять общественный порядок и проводить революционные преобразования. У большевиков стратегия и тактика соответствовали ситуации мировой войны, а вот у левых либералов и умеренных социалистов не было шансов сохранить власть демократическим способом в продолжающейся войне. Быть может, буржуазные революционеры слишком спешили с революцией. И здесь, в-третьих, для меня интересны исследования американского профессора Цуёси Хасегавы, питерских историков Сергея Куликова и покойного Виталия Старцева, рязанского историка Андрея Николаева и других исследователей, которые обращают наше внимание на связь

буржуазных либералов и умеренных социалистов, рождение партии прогрессистов, деятельность Центрального военно-промышленного комитета и Рабочей группы. И, наконец, для меня лично крайне интересна проблема упреждения революции. В своей книге «Ожидаемая революция не придёт никогда» (2012) я как раз рассматриваю запрос на умную политику, своевременные реформы, которые способны не допустить или остановить революцию. Впрочем, есть реформы запоздалые, усугубляющие ситуацию, вызывающие кризис.

– Кстати, считаете ли Вы события Февраля и Октября 1917-го года двумя разными революциями или же двумя стадиями одного процесса (а может быть, настоящая революция была только в Феврале, а в Октябре – «большевистский путч», переворот)?

– Сразу отмечу, что теория «двух революций» победила только в 1930-е годы. История уже писалась победителями, т. е. большевиками. Тогда и возник вопрос о стихийности или организованности революционного процесса. Историки подыгрывали власти, представляя Февраль стихийным, а вот Октябрь – организованным, с чётким планом действий. Теория стихийности февральско-мартовских событий устраивала многих, особенно тех, кто «проспал» революцию. К тому же, и на это обратил внимание новосибирский историк Виктор Козодой в книге об Александре Гучкове, организаторы Февральской революции старались не вспоминать о своей роли. Ведь в эмиграции это

было небезопасно. Напомню, что монархисты нападали на Гучкова 21 раз, на Павла Милюкова – 22, Владимир Набоков был убит.

Итак, на протяжении десятилетий советской эпохи значение Февральской революции умалялось. В течение постсоветской четверти века новая Россия противопоставлялась коммунистическому Советскому Союзу, а значит, большее, пусть и негативное, внимание снова привлекает Октябрь, а не Февраль. Таким образом, единую Революцию 1917 года в России пытаются вновь разорвать. Безусловно, всё могло определиться в феврале, но именно неспособность Временного правительства кардинально решить назревшие ключевые проблемы привело к неоднократным кризисам власти, июльской полу-революции, августовскому мятежу, и, наконец, соскоку в радикалистскую фазу Октября, а затем и Гражданскую войну.

– Российская традиция – видеть историю персонифицировано, «в лицах». Без сомнения, крупнейшей фигурой революции является В.И. Ульянов. В своё время, в конце 1980-х, вы, совместно с В.А. Козловым, вступили в дискуссию с известным писателем Владимиром Солоухиным. В публицистической работе Солоухина «Читая Ленина» увидели тенденцию к демонизации вождя революции. Как вы сегодня оцениваете фигуру В.И. Ленина? Считаете ли по-прежнему его действия исторически обусловленными (и в чём-то – необходимыми для спасения страны)?

– Обусловленность определяется тем, что именно на Ленине и большевиках, возглавляемых им, сфокусировались народные надежды и чаяния. Колоссальная поддержка снизу, прежде всего по вопросам мира и земли, позволила им удержать этот фокус и всего лишь за шесть недель взять власть по всей стране, реализовать шанс на политическое лидерство. А ведь эсеры и анархисты провалились, точно так же, как и либералы с меньшевиками и прочими умеренными социалистами. Феномен Ленина как абсолютно иного лидера, радикально отличавшегося от большинства политиков-современников, привлекает сегодня особое общественное внимание из-за рубежного характера нынешнего времени. Посмотрите, как затяжной кризис мировых элит создаёт потребность в новых лидерах и рождает их. Безусловно, Ленин является одной из самых масштабных и сложнейших фигур XX века, и каждый исторический период вносит свои особенности в осмысление ленинского образа. После смерти Ленина изучение его жизни и деятельности велось в условиях обожествления вождя. В.В. Шульгин в своей книге «Три столицы» (1927-й год) написал, что Владимира Ульянова сделали Далай-Ламой, бесповоротно установив учение о ленинской непогрешимости с такой яркостью, что сам папа мог бы позавидовать. А потом пришло время «упрощения», «выпрямления» и даже развенчания Ленина в угоду меняющимся политическим обстоятельствам. И в этом, и в прошлом году фигура Ленина снова собирает обвинения в «неправильном» происхождении, обмане на-

рода и в работе на врага России. Обо всем этом читайте выходящую в конце марта книгу Елены Котеленец «Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии». Меня, однако, тревожит другое. Некоторые историки воспринимают чуть ли не как директивное одно концептуальное высказывание президента Путина, приуроченное к 21 января 2016 года – дню смерти Ленина. В этот день на заседании президентского Совета по науке и образованию руководитель Курчатовского института Михаил Ковальчук процитировал посвящённые Ленину строчки из поэмы Бориса Пастернака «Высокая болезнь»: «Он управлял течением мыслей и только потому – страной», – и призвал Владимира Путина точно таким же образом руководить наукой – «управлять течением мысли в конкретных направлениях». На это президент незамедлительно парировал: «В конечном итоге эта мысль привела к развалу Советского Союза, вот к чему. Там много было мыслей таких: автономизация и так далее. Заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом. И мировая революция нам не нужна была. Вот такая мысль там тоже была». Несомненно, само ленинское революционное наследие отрицается нынешней властью, хотя отдельные меры большевиков по строительству нового государства, социальной политике и по борьбе с иностранной военной интервенцией могут оцениваться положительно.

– Совместно с коллегой Д.А. Андреевым Вы разрабатываете «пространственный подход» к истории. Не

могли бы Вы кратко изложить суть этого подхода? В частности, что даёт для понимания минувшего и настоящего вводимая вами категория «пространство власти»? Какие изменения принесла революция 1917 года российскому «пространству власти»?

– Пространство власти – своеобразная сфера, где принимаются управленческие решения и осуществляется непосредственное руководство государством. Это специфическая область взаимодействия как отдельных личностей, так и целых корпоративных групп или системных институтов; некий ареал, в пределах которого справедливо утверждение: «Власть вершится здесь». «Пространство власти» более ёмко и содержательно в смысловом отношении, нежели прочно вошедшие в историко-политологический обиход словосочетания «технология власти» или «механизм власти». Последние подразумевают только лишь функционирование определённых институтов. Между тем пространство власти включает в себя характеристику всей разветвлённой инфраструктуры, обеспечивающей тот или иной управленческий режим. В пространстве власти разворачивается многовековое драматическое противостояние двух главных игроков: носителя власти и элиты.

Если говорить о вашем вопросе применительно к 1917 году, то надо иметь в виду, что с началом Первой мировой войны престол более уже не мог обеспечивать свой суверенитет лишь пребыванием «над схваткой» правительственной бюрократии и думской «общественности». Но ресурса,

способного, хотя бы на время войны, консолидировать пространство власти, у самодержавия не было. Вместе с тем Николай II продолжал оставаться центром принятия легитимных управленческих решений. Подобное несоответствие фактического и формального статусов государя неизбежно вело к кризису власти. В данной ситуации трон попытался сгладить это нараставшее несоответствие поддержанием консенсуса между всеми тремя субъектами пространства власти – государем, высшей бюрократией и представительством. Но в условиях усиливавшегося кризиса власти такой вымученный консенсус лишь нагнетал деструктивные тенденции. С конца 1915 года шли постоянные перемены в правительстве. Но «министерская чехарда» не только не заглушила взаимные конфликты внутри пространства власти, но и дискредитировала престол как дееспособный субъект этого пространства. Оказавшись в политической изоляции, самодержавие пало, увлекая за собой в небытие и всю тысячелетнюю монархическую традицию нашей государственности.

Постфевральская система – это торжество модернизации. Вслед за самодержавием в Лету канула и высшая бюрократия. «Общественность» неожиданно обрела монопольное господство в пространстве власти. Радикалы, ощущавшие за собой поддержку всей нецензурной (т. е. «простонародной», рабоче-крестьянской) России, на первых порах попросту отошли в сторону. Сформированное «общественностью» Временное правительство пыталось обеспечивать свой суверенитет через провозглашение как правопреемственности в

отношении прежней власти и её институтов, так и особых санкционированных революцией полномочий. Однако эта амбивалентная легитимация вовсе не гарантировала управленческой эффективности. Двойственные и двусмысленные попытки собственного узаконения в глазах общественности не приводили к желаемому результату.

Очень скоро новая власть столкнулась со старыми межведомственными конфликтами, усугубляемыми ныне ещё и партийными противоречиями. Она не торопилась и с выстраиванием инфраструктуры, относясь к собственной деятельности как к исключительно временным шагам, призванным лишь «дотянуть» Россию до Учредительного собрания. Господствовавшие в сознании либералов стереотипы, прежде всего – мировоззренческий идол модернизации по западному образцу (то есть перехода от традиционного общества к индустриальному), дезориентировали правительство относительно приоритетов его политики. Оно всё более выказывало свою неспособность удержать не только ситуацию в стране, но и собственную власть. «Пробуждавшаяся» нецензурная Россия играючи оттесняла либералов от рычагов управления. Попытки «общественности» сохранить контроль над нецензурным миром путём формирования более «левых» кабинетов и легитимации «двоевластия» оказывались паллиативом, позволявшим лишь на время отсрочить неизбежный крах постфевральской системы.

Сваливший самодержавие режим модернизации столкнулся с грозной и неведомой нецензурной стихией, заин-

тересованной отнюдь не в гражданском обществе и либеральных «свободах», а в элементарном материальном благополучии и весьма специфически понимаемой «воле». Временное правительство оказалось не в состоянии удовлетворить эти требования. Народ ждал силу, которая смогла бы мобилизовать пространство власти на достижение его вождельных целей. Эта сила и пришла в Октябре 1917 года. Режим, начавший утверждаться после этого, разительно контрастировал не только с постфевральским безвластием, но и со всей предшествовавшей многовековой управленческой традицией. Впервые становление нового носителя власти и новой элиты протекало не просто синхронно, но разворачивалось в недрах одного политического субъекта – большевистской партии. Поэтому концентрация суверенитета представляла собой двухуровневый одновременный процесс – утверждение безраздельного господства партии (под вывеской «диктатуры пролетариата») и стремительное обособление её лидеров от всей остальной большевистской массы. Партийные вожди выстраивали жёсткую иерархическую пирамиду, в которой дистанция между ними и остальным ЦК (и тем более – рядовыми членами партии) постепенно превращалась в непреодолимую пропасть. В формирующемся пространстве Советской власти партия (как и дворянство с приказами в конце XV – первой половине XVI века) оказывалась не только «плотью» государственного аппарата, но и силой, контролирующей элиту и обеспечивающей должную дистанцию между ней и носителем верховной власти.

Точную характеристику возводимой системы дал позднее Сталин. Он указал на необходимость того, чтобы партийная вертикаль облегалась широкой сетью беспартийных массовых аппаратов и организаций, являющихся щупальцами в руках партии, при помощи которых она передаёт свою волю рабочему классу, а рабочий класс из расплывчатой массы превращается в армию партии. По мере выстраивания этой системы большевистские лидеры целенаправленно и последовательно «отжимали» из партии её властный ресурс, накопленный за годы революционного прошлого. Этот ресурс перекачивался ими в их собственный суверенитет. Подобная стратегия реализовывалась путём постепенного сворачивания принципа «коллективного руководства». Технология властвования партийных лидеров становилась всё более непрозрачной не только для массы рядовых большевиков, но даже для самого ЦК. Итак, революционная эпоха породила вождей-трибунов, чья влияние зависела преимущественно от их харизмы. Когда же революция завершилась и перед партийным руководством встала задача возведения новой государственности, оказался востребованным и принципиально новый тип политического лидера, адекватного повседневной рутинной созидательной деятельности.

Как трансформируется память о Большом терроре?

Интервью
главному редактору
Sputnik Молдова
Владимиру Новосадиюку
(1947–2021)*



5 августа 2017 г. исполнилось 80 лет с начала массовых репрессий по утвержденному Политбюро ЦК ВКП (б) 30 июля 1937 г. приказу НКВД № 00447. Однако, как и 10 лет назад, эта трагедия не в центре общественного внимания. Не прозвучал набат по убитым, не объявлена минута молчания.

В патриотической среде можно услышать даже призывы к «новому 37-му году», как эры справедливого и беспощадного суда над элитами. При этом последний опрос ВЦИОМ показал, что большинство людей (90 %) знают, что репрессии были. Меньше всего информированы люди 18–24 лет, 24 % из них о репрессиях не знают. Только 22 % россиян считают, что «рассказы о репрессиях негативно отражаются на имидже нашей страны – о них лучше лишний раз не рассказывать», но 72 % считают, что надо больше об этом рассказывать, чтобы преступления не повторились. На вопрос, как относиться к сталинским

* Агентство Sputnik Молдова. 2017, 12 августа.

репрессиям, 49 % опрошенных ответили, что их ничем нельзя оправдать, но 43 % считают, что репрессии были вынужденной мерой, которая позволила навести порядок в стране. Следовательно, доминирующей моральной оценки сталинских репрессий до сих пор не сложилось.

– Десять лет назад в книге «Вертикаль Большого террора», которую вы написали с немецкими коллегами, были обозначены основные тенденции ее академического изучения после 1991 г. В чем их новизна?

– Для нас было очевидно, что террор – не только применение силы, осуществляемое без разбора, с целью устрашения, а принцип и норма общества сталинистского типа. Капиталистическое окружение, военная угроза и внутренние враги не подходили в качестве ключа для объяснения всей сложности того, что произошло в 1937–1938 годах. Именно к этому времени в идеологии и социальной политике власти «перековка преступников через труд» сменилась суровостью уголовного законодательства. Было признано, что есть группы населения, которые нельзя интегрировать в «правильное» советское общество, т. е. репрессии против них становились инструментом социальной технологии.

– Назовите для наших слушателей эти «неправильные» для общества группы.

Они перечислены в приказе НКВД за № 00447. Кроме традиционных групп «враждебной» системы (бывшие кулаки, антисоветчики, церковники, шпионы и др.) добави-

лась новая категория – «социально чуждые элементы» (нищие, бродяги, бандиты, воры, проститутки и т. д.). То есть произошла политизация обычных преступлений, они стали приравниваться к оппозиции советскому порядку. Еще одно измерение 1937–1938 годов – ликвидация «контрреволюционных национальных контингентов» (по приказам НКВД №№ 00439, 00485, 00593).

– Какую роль играл в этой трансформации террора Сталин?

– Сам Сталин персонально концентрировался на элитах. Что же касается целевых групп, которые я перечислил, его роль ограничивалась политической инициативой и общим контролем. Главные же полномочия были предоставлены партийным комитетам и органам государственной безопасности на местах. Их руководители цинично «торговались» с Москвой вокруг повышения «лимитов» репрессий.

– Но ведь именно со Сталиным многие люди связывали надежду уцелеть в царстве всеобщего страха.

– Еще несколько лет назад я писал о технологии «децимации наоборот»: не уничтожение каждого 10-го, а сохранение жизни каждому 10-му. Может, потому не было сопротивления террору, что каждый считал: я буду тем самым десятым, которого не накажут? Отсюда усиление магнетизма фигуры Сталина: сначала он, подобно Бонапарту, балансировал между классами, теперь – между аппаратом и массой, между разобщенными служащими

государства, между членами первичных ячеек общества, охваченных страхом и надеждой людей. Для кого-то – каждого десятого, оставшегося невредимым после террора, – он навсегда в памяти останется прав.

– Еще один общий вопрос: достигнут ли в научном сообществе историков консенсус в отношении оценки результатов Большого террора.

– Похоже, достигнут. В течение 1937–1938 гг. по политическим обвинениям было арестовано более 1,7 млн человек. Вместе с жертвами депортаций и осужденными «социально вредными элементами» число репрессированных – свыше 2 млн человек. Более 700 тыс. арестованных были казнены. Это количественная сторона. Однако расчистка пути к коммунизму лагерями и казнями не позволила уничтожить пятую колонну, не могла создать «правильное», социально гомогенное общество. Против тезиса об эффективности террора свидетельствовали и саморазоблачения верхушки власти. Подводя 17 ноября 1938 года итоги кампании репрессий, Сталин и Молотов признали, что полная победа над врагами не достигнута. Кто воспрепятствовал? Оказывается, НКВД и прокуратура, совершенные ими «ошибки».

– Для родственников репрессированных открылся доступ к закрытым следственным делам, некоторые из них опубликованы. Что они добавили к пониманию механизмов террора?

– Парадоксально, но анализ этих дел опроверг былое утверждение о том, что доносы были одним из заводных механизмов «террора снизу». Как доказательство вины арестованного они встречаются крайне редко. Материалы следственных дел показали также, что фальсификации и пытки применялись в гораздо меньшей степени, чем это было принято считать раньше. Не выдержало критики и утверждение о том, что в аппарате НКВД не верили всерьез, что аресту подвергаются истинные шпионы и вредители. Откровенные признания работников НКВД показали, что они действовали в полном сознании того, что служат на благо системы.

– А вот здесь поподробнее... Что теперь известно о судебных процессах над оперативными сотрудниками НКВД?

– Эти процессы известны как «чистка чистильщиков». В результате проверки аппарата НКВД из него было уволено 7,372 человека, или 22,9 % оперативного состава. Все это было скрыто от общества и только в 2017 г. усилиями объединившейся еще в 2011 г. группы историков из России, Украины, Молдовы, Грузии и США был завершен проект и в Москве вышел сборник «Чекисты на скамье подсудимых». Авторы ответили на вопросы о том, каковы были критерии в выборе сотрудников НКВД для увольнения и ареста, была ли эта чистка поиском «козлов отпущения», позволившим руководству переложить вину за массовые репрессии на кадры низшего уровня. Участни-

кам международного проекта удалось изучить механизм судебных процессов и их политический смысл. Важно, что удалось раскрыть собственные мотивы сотрудников НКВД, действительно ли они верили в то, что творили, или были карьеристами и функционерами, исполнявшими приказы из страха или бюрократической рутины.

– В последнее время в литературе заметной стала тема возвращения заключенных домой, жизнь после ГУЛАГа. Как повела себя власть по отношению к уцелевшим жертвам трагедии, что сообщила об этом обществу?

– Практически ничего. Использовался старый прием: если в 1938–39 годах во всех преступлениях обвинялся Ежов, теперь – персонально Сталин. Положение же бывших политзаключенных, наоборот, усугубилось. Они почувствовали себя чужими в послесталинском обществе, поскольку их воспоминания вступили в конфликт с официальной версией, транслируемой пропагандистскими каналами. Посмотрите, аресты проводились открыто, а реабилитация – скрытно. Значительная часть общества участвовала в судьбе жертв террора, всячески помогала им, более того, нередко видела в зеках «нечто романтическое», «факелоносцев правды и чистоты», принимала их «как героев». Под влиянием таких людей корректировался проект памяти: Хрущев предложил убрать тело Сталина из Мавзолея, освободить города от памятников Сталину, установить памятник жертвам террора. Власть не могла не учитывать

и идейное брожение среди молодежи. Однако лукавая хрущевская десталинизация предопределила брежневскую стыдлившую ресталинизацию – цензура ужесточалась, материалы о массовом терроре прятались в архив, реабилитация сворачивалась, инициатива по строительству мемориала жертвам сталинского террора забыта. В 1987 году, когда Горбачев резко радикализировал отвергнутый хрущевский антисталинизм, вернул память о терроре, начинается второе возвращение пострадавших, мертвых и живых. Однако новый проект памяти, связанный с 50-летием трагедии, встретил серьезное сопротивление. В академической науке, в среде «послушных» историков были заметны колебания и использование различных уловок, к примеру: был террор, но не заключается ли причина жестокости и репрессий в душевной болезни Сталина?

– В последнее время не раз я сталкивался с заметным желанием бывших советских республик отвести себе роль жертвы Москвы в трагических страницах своей истории. Местные историки, обвиняя Центр в проведении жестоких репрессий, нередко стыдливо замалчивают преступления своих республиканских властей.

– Это происходит во имя национальной консолидации. За акцентом на общенациональных страданиях скрываются факты активного участия местной властной элиты в сталинских преступлениях. Но ведь многие из тех, кто принимал в них активное участие, сами рано или поздно становились жертвами, причем это было характерно как

для Центра, так и для отдельных республик. Известно, что из первых лиц республик террор пережили только Лаврентий Берия и Мир Багиров, но это лишь отсрочило гибель, которая настигла их в 1950-х гг.

– А у вас не складывается впечатление, что память о Большом терроре сейчас все больше сужается?

– Наверное, у вас в республике неизвестен случай молодого философа из Томска Дениса Карагодина. В течение 5 лет в одиночку через запросы в органы ФСБ и работы в архивах он установил имена людей, причастных к казни его деда. Информация об этом быстро разошлась в соцсетях. И уже на следующий день с Денисом Карагодиным связалась внучка одного из участников расстрельной группы, помощника начальника Томской тюрьмы Николая Зырянова. Она попросила у Карагодина прощения и поделилась собственными документами. В письме женщина рассказала, что не знала, чем занимался ее дед. Более того, в те же годы был репрессирован отец ее бабушки. Но как бы ни было больно, она не собиралась открещиваться от истории своей семьи. Мне кажется, что моментом истины для этой женщины, для российской власти и гражданского общества станет открытие в Москве 30 октября 2017 года памятника жертвам массовых репрессий «Стена скорби» работы Георгия Франгуляна. Какие слова будут произнесены, какие оценки сделаны, какие действия предприняты для того, чтобы это больше не повторилось?

Наша история нас объединяет?

Беседа

с политическим обозревателем

«Российской газеты»

*Валерием Выжutowичем**



За последнее время, по опросам «Левада-центра», значительно выросло число респондентов, ставящих историю на первое место в числе феноменов, которые «внушают чувство гордости за Россию». Но именно история является сегодня полем ожесточенных дискуссий. Накануне 100-летия русской революции эти дискуссии стали еще острее. Как оценивать 1917 год и весь дальнейший ход событий? Какие уроки из Октября и опыта советской власти следует извлечь, чтобы не повторять прошлых ошибок? Чем объясняется возрождение памятников Сталину? Что нас больше разобщает – разные точки зрения на события и персонажей истории или стремление установить единственно «правильную» точку зрения на них?

– Приближение 100-летия Октября как-то не ощущается. Кроме заклинаний о вреде всех и всяческих

* Российская газета. 2017, 19 октября.

революций и призывов к примирению всех со всеми, мало что слышно. Как думаете, почему?

– Общество весьма бурно реагирует на этот юбилей. Наша Ассоциация исследователей российского общества (я руковожу ее Международным советом) ведет мониторинг самых разных рефлексий по поводу столетия. Нас интересует не только научная, историографическая рефлексия, но и художественная, и общественная, и интернетовская. Так вот, полемика развернулась очень интересная. Назову, к примеру, некоторые сюжеты. Какая цена была заплачена за великий социальный эксперимент, не был ли он преждевременным? Способна ли модель государственного устройства, созданная после распада СССР, конкурировать с советским проектом, который ряд политиков спешит объявить неполноценным, как ошибку отцов и дедов? Столетие дает нам также возможность не только перепроверить мифы о революции, но и понять, бродит ли призрак революции по современной России, и какая она.

– О наступающей исторической дате говорят, что она должна способствовать примирению в обществе. Но кого с кем примирять?

– Кого с кем – и вправду не очень понятно. Потомков красных с потомками белых? Но никакой вражды между ними как будто бы не наблюдается. Ну, хорошо, вспомнили о жертвах Гражданской войны, о том трагическом времени. Но важнее, на мой взгляд, примирять тех, кто попал под каток расслоения общества. Ведь во имя социальной

справедливости совершаются революции. А столетие Революции-1917 по-прежнему воспринимается в сугубо партийном духе, с полярными оценками. Политики из партии «Единая Россия» не скрывают своего негативного отношения к революции, ее представляют либо как заговор (либералов, масонов, революционеров, немцев, большевиков или вообще марксистов и т. п.), либо как случайное стечение обстоятельств. Для КПРФ революция однозначно благо, открытие новой эры. Двойственность позиции политической элиты является и побочным результатом неспособности сформулировать вдохновляющее видение будущего. Каков социальный идеал современной России? В каком направлении движется страна?

– На ваш взгляд, русская революция – это Февраль или Октябрь?

– Я считаю, что концепция «двух революций», придуманная в конце 20-х – начале 30-х годов Сталиным, уходит в прошлое. Определения «Февраль – плохой», «Октябрь – хороший», «Февраль – буржуазная революция», «Октябрь – социалистическая» сегодня не воспринимаются. Они сужают и упрощают сложный процесс «революции революций» – крестьянской, рабочей, интеллигентской, национальной, политической. Многие историки, и я в их числе, склонны смотреть на Революцию 1917 года как на единый сложный процесс, который в декабре 1922-го завершился образованием новой страны под названием Союз Советских Социалистических Республик.

– Кто, по вашим наблюдениям, сегодня определяет «генеральную линию» в отношении к 1917 году?

– Я не вижу никакой «генеральной линии». Есть свой сценарий у объединения левых сил, у КПРФ, у либералов. С любопытным проектом выступает власть церковная.

– Вы хотите сказать, это хорошо, что нынешняя власть дистанцируется от общественных дискуссий вокруг 1917 года?

– Да, хорошо, что сейчас нет узурпации пространства памяти о Революции-1917. Но обществу, конечно, интересно, что скажет власть, какие акценты расставит. Все-таки 100-летие революции – большая историческая дата. К ней в этом году обращается весь мир.

– Видите ли вы какое-либо сходство сегодняшней российской ситуации с тогдашней, столетней давности?

– Подобная аналогия сегодня популярна в соцсетях. Однако с ней трудно согласиться, и вот почему. Давайте не забывать, в 1917-м страна переживала кризис: изнуряющая война, экономические неурядицы, обвал уровня жизни большинства населения. А что сейчас? Да, есть инфляция, цены растут, с экономикой по-прежнему не все в порядке. Но сравнивать с этой точки зрения обе эпохи, по-моему, некорректно.

– Какие уроки нам следует извлечь из Октября?

– Похоже, сложилось понимание, что одним махом, разом, используя насилие, невозможно решить все проблемы, разделаться с нежелательным старым и быстро, тут же создать новое, включая формирование нового человека. Логике радикализма и максимализма может противостоять только умная политика, своевременность реформ. В то же время сейчас большинство историков признают, что связь между революцией и реформой намного сложнее, чем считалось раньше. Реформы могут как предотвратить революцию, так и спровоцировать ее. Запоздывание с реформами, их половинчатость и неполнота – катализатор революции. Хотя точно таким же катализатором могут выступить и вполне своевременные преобразования – все зависит от конкретной ситуации, от контекста.

– Если кратко, революции случаются, когда власть не откликается на новый общественный запрос?

– Да. И тем самым не упреждает революцию. Но должна откликаться не только власть и ее верховный носитель, но и гражданское общество, которое не конкурент, а партнер, тоже несущий ответственность за попадание страны в критические ситуации. Обновление невозможно обеспечить авторитарно. Участие граждан в принятии политических решений, работа системы «локации» между властью и обществом, местное самоуправление, кадровые ротации способны купировать назревающие революции. Но снова повторю: купировать в данном случае – вовсе не значит совсем снять такую угрозу. Все зависит от качеств

ва, от масштаба назревших перемен. Случается, что как раз снятие остроты противоречий в обществе открывает дорогу революционным потрясениям.

– В какой мере отношение общества к историческим событиям и персонажам вырабатывается самостоятельно, а в какой программируется государственной пропагандой?

– Здесь обоюдный самообман. Обществу кажется, что оно формирует запрос к власти, а власть думает, что этот запрос формирует она и транслирует в общество.

– По опросу «Левада-центра», треть россиян считают, что сейчас жизнь в России лучше, чем когда-либо за последние 100 лет. В этом историческом диапазоне «серебро» досталось эпохе Брежнева (29 процентов), «бронзу» поделили дореволюционная эпоха и эпоха Сталина (по 6 процентов), положительные оценки получили также эпоха перестройки (2 процента) и эпоха Ельцина (1 процент). Такие результаты вас не удивляют?

– Не удивляют! Любая статистика привязана к текущему моменту и субъективна. Вы привели одни цифры, но хорошо известны результаты опросов, где первое место отдается эпохе Сталина. Я бы обратил ваше внимание на некоторые константные показатели. Любые опросы фиксируют низкий рейтинг переходных, транзитных периодов – перестройки, 1990-х годов. Чем это вызвано? Дело

в том, что любые массовые настроения во многом мифологизированы. Так вот, транзит плохо поддается мифологизации. Люди дезориентированы, их жизнь становится крайне неустойчивой. С эпохами условно стабильными – все ровно наоборот. Тут есть свои устойчивые почитатели и хулители, и это нормально. Поэтому, возвращаясь к вашему вопросу о «лучших эпохах», с однозначностью можно сказать лишь то, что современная эпоха воспринимается как устойчивая и стабильная.

– А чем объясняются установка в Орле памятника Ивану Грозному, возрождение памятников Сталину, культивирование «неоднозначного отношения» к политическим репрессиям и вообще к государственной тирании? Эти акции ведут к общественному расколу или, наоборот, цементируют общество, по крайней мере преобладающую часть его?

– Причины этого ищите не в прошлом, не в истории, не в самих государственных деятелях с их разными биографиями. Ищите причины в настоящем. Почему все более популярен Сталин? Потому что когда процветает коррупция, возникает массовый запрос на сильную руку, которая одним махом наведет порядок. Этот запрос часто выражается сакраментальной фразой: «Сталина на вас нет!» Памятник Ивану Грозному возник из этого же запроса. Это, с одной стороны, запрос на сильную руку, способную одновременно решить все проблемы, а с другой – жалоба властям: ну сделайте же, наконец, что-нибудь с ворами,

взяточниками, коррупционерами, избавьте страну от них! Что такое памятник исторической персоне? Это запрос на тот или иной тип политического лидерства. Чем был притягателен Ленин после императора? А чем объясняется популярность Сталина? Общество посылает сигнал, оно ждет.

– Родственники репрессированных все чаще просят убрать их имена из открытого доступа, не публиковать списки пострадавших. Почему, на ваш взгляд? Они боятся чего-то?

– Дело не в боязни. Когда после смерти Сталина люди возвращались из лагерей – а тогда была более страшная ситуация, – те, кто не сидел, считали, что наказание-то сидевшим было заслуженным, справедливым. И вот представьте, как с таким отношением приспособиться к мирной жизни, как вернуться в профессию? Теперь, спустя десятилетия, родственники репрессированных следят за все более откровенными речами об «оправданности» принудительного труда и насилия, об «эффективности» сталинских методов. Они слышат также призывы к «новому 37-му году» как к эре справедливого и беспощадного суда над элитами. И в этом контексте вроде бы неприлично говорить о трагической истории своей семьи. Возможно, моментом истины для российской власти и гражданского общества станет открытие в Москве 30 октября 2017 года памятника жертвам массовых политических репрессий – «Стены скорби» работы Георгия Франгуляна.

– **Возможно ли примирение между сталинистами и антисталинистами?**

– Невозможно. Потому что те и другие по-разному обосновывают свою позицию. У них нет общей площадки для дискуссии. Сталинисты опираются не на биографию Сталина, а на миф. Антисталинисты же оперируют историческими фактами, работают с документами. Возможно, со сменой поколений ситуация изменится.

– **Но есть и молодые сталинисты.**

– Да, к сожалению. Потому что миф о Сталине не только передается из уст в уста, но и транслируется в СМИ. Это миф рукотворный. Миф, создаваемый уже нынешним поколением.

– **На эту продукцию есть социальный заказ?**

– Думаю, что есть. За сериалами о Сталине стоят определенные силы. Одно дело, когда миф рождается в недрах массового сознания, другое – когда вы его создаете своими руками. Хотя я не стал бы приуменьшать и роль вполне рационального, а не конспирологического фактора. Посмотрите, в сегодняшней благополучной и сытой Европе именно молодое поколение начинает снова играть в нацизм, увлекаться символикой Третьего рейха, его эстетикой. Что это? Реакция на засилье мигрантов? В какой-то мере, возможно, да. Но, думаю, этот протест намного глубже. Это протест романтической молодости против рациональности и будничной сытости нынешней жизни.

В этом смысле наша мода на сталинизм – вполне в мировом тренде.

– По опросам «Левада-центра», в 2016 году история впервые обошла «природные богатства России» и заняла у наших граждан первое место в списке предметов гордости. У вас есть объяснение этому?

– В массовом сознании сегодня формируется не запрос на знание истории, а культ прошлого. До этого культивировался образ будущего. В результате в массовом сознании исчезают категории естественного времени, течения жизни. Повседневность становится никому не интересной. Если культ будущего порождает идею всемерного ускорения времени, то культ прошлого – а тем более «правильного» прошлого – неизменно поднимает волну национализма, перерастающую в шовинизм. Мне кажется, обществу надоела «бронзовая», а не подлинная память, надоел пантеон одних и тех же «героев», надоело знание без альтернатив.

– После Второй мировой войны Германия провела денацификацию. Эта процедура объединила страну. Страна пережила стыд за то, что с нею случилось. Если бы Россия после крушения СССР провела декоммунизацию, это консолидировало бы общество или, наоборот, расколело?

– Расколело. Принципиально не могу согласиться с тем, что стыд за прошлое своей страны способен консолидировать нацию. Точнее, консолидировать он, возмож-

но, сумеет, только вот к чему приведет такая консолидация? Любая интеграция, выстраиваемая на негативе, деструктивна, она не содержит в себе созидательного начала. Все хотят играть, как в футболе, в успешной команде. Да и в Германии все гораздо сложнее, чем кому-то кажется. Есть много психологических нестыковок между западными и восточными немцами. Именно вследствие разного восприятия национального стыда. Стоит ли поэтому удивляться странной уязвимости Германии перед массовым наплывом мигрантов. И это несмотря на самые лучшие в Европе показатели экономического роста.

– Что нас больше разобщает – разные точки зрения на события и персонажей истории или стремление установить единственно «правильную» точку зрения на них?

– Я думаю, что разобщает стремление к единообразию. Во-первых, оно тоже недостижимо, и это нужно четко понимать. Какое может быть единообразие в эпоху Интернета и коммуникационной революции? Во-вторых, попытка установить единообразие всегда вызывает сопротивление. А объединить может как раз открытая дискуссия. Не инспирируемая сверху, не конъюнктурная, а реальная и публичная, в которой есть определенные правила, стремление приблизиться к истине.

– Любой спор имеет смысл, если ведёт к достижению взаимопонимания или выявлению ошибочности

одной из сторон. Но к чему ведут наши споры о российской истории и о том, что есть «историческая правда», а что «фальсификация»? Имеются ли здесь перспективы для общественного консенсуса?

– На сегодняшний момент – нет. Дело в том, что директивно или управляемо вы этого не достигнете. Это возникает исподволь, постепенно.

– Какие же выводы мы сделаем из нашей беседы?

– Я думаю, главный вывод таков: история способна консолидировать нацию, но эта консолидация не должна быть искусственной, навязанной сверху. Это должен быть естественный процесс, в который вовлечены действительно разные общественные силы. Здесь самое главное – отказаться от культа прошлого, равно как и от культа будущего. Вернуться к естественному ходу жизни. Вот когда вы повернетесь к реальности, у вас уже не будет искушения искать рецепты в прошлом. Что касается 100-летия революции, то уже сегодня можно с уверенностью сказать, что оно не станет каким-то поворотным моментом на пути нашего постижения прошлого, понимания его, проникновения в него. Но, надеюсь, что каким-то определенным шагом в этом направлении все эти юбилейные воспоминания и попытки их актуализации все же обернутся.

Как вернуть Сталина из памяти в историю?

Беседа
с Валерием Выжutowичем*



Каждая круглая дата рождения Сталина накаляет общественное мнение, сталкивает между собой исследователей и общественных деятелей по поводу политики и истории, модернизации или мобилизации экономики, места Советского Союза / России в мире. По характеру обращения к Сталину можно оценивать состояние общества, его предпочтения и настроения. Как вернуть Сталина из политизированной памяти в историю?

– Применительно к Сталину обычно говорят о «культе личности», понятие это получило распространение после доклада Хрущева на XX съезде КПСС. Почему вы говорите и пишете о культуре юбилеев?

– Напомню, что в российской культуре еще в XIX веке понятие «юбилей» не ассоциировалось только с 50-летием. Чествование современников происходило и по де-

* Российская газета. 2019, 17 декабря.

сятилетиям жизни и заслуг. Не было бы ничего страшного в юбилеях, если бы некоторые из них не приобретали культовый характер, а отдельные фигуры не наделялись качествами социального бессмертия.

– И как же постичь культ юбилеев?

– К примеру, поместить культовое событие или персону в пространства памяти и власти. Историческая наука не «работает» с юбилеями, а память, наоборот, обостряется в эти дни и торжествует. Поэтому пространство памяти используется в целях актуализации прошлого для нужд настоящего. Со сталинскими юбилеями и при его жизни, и после смерти связывалось немало ключевых событий. Сталин участвовал в этом – сначала как вождь и живой человек, а затем как символ и мифический образ. Юбилейная сфера всегда контролировалась государством, чествования удаивался лишь тот, кто вписывался в правильную идеологию. Конкретные решения зависели от взаимодействия корпоративных групп, образующих пространство власти. Окружение Сталина принимало прямое участие в его прославлении и восхождении к власти, что влекло за собой увеличение их собственной власти.

– А потом, когда вождя не стало?

– Зная настроения людей, учитывая обстоятельства времени, генсеки и президенты выстраивали свою позицию к Сталину. Маленков первым выступил против культа, его «уродливости, болезненных форм и размеров». Хрущев, резко обвиняя Сталина, считал его великим че-

ловеком, превозносил как умного и хитрого лидера. Брежнев симпатизировал генералиссимусу и не мог принять его развенчания. Под шквал аплодисментов он упомянул Сталина в докладе по случаю 20-летия Победы. Андропов считал, что придет время, когда имя вождя будет достойно отмечено, но при этом не игнорировал его ошибки. Для Горбачева «Сталин – это преступно и аморально». Ельцин не осуждал, но против реабилитации Сталина выступал твердо. Медведев считал, что Сталин – это человек, «совершавший преступления против своего народа, и это не может быть прощено». Путин на вопрос об отношении к Сталину назвал его «продуктом своей эпохи», привел параллель с Кромвелем, памятники которому стоят в Великобритании, и с Наполеоном, которого чтут во Франции. «Демонизацию» же Сталина Путин воспринял как «атаку на СССР и Россию».

– Как сам Сталин обустроивал свои юбилеи?

– Подлинной датой сталинского рождения, раскрытой в 1990 году историком Леонидом Спириным, является 6 (18) декабря 1878 года. Об этом сделана запись в метрической книге Успенского собора города Гори Тифлисской губернии. Поскольку в то время было принято праздновать не день рождения, а день ангела, люди не всегда помнили дату своего рождения. Сталин колебался между 1878 и 1879 годом, и остановился на условной дате – 9 (21) декабря 1879 года. С 20-летием будущего вождя историки свяжут его изгнание из духовной семинарии, а с 30-летием – вхождение в когорту революционеров. В 40 лет

Сталин – член Политбюро, нарком по делам национальностей. Он напрямую апеллировал к Ленину, зарекомендовал себя как человек, способный быть «пожарным для безнадежных положений». Разумеется, в 1919 году ни о каком проекте памяти не было и речи, но через десять лет юбилеямания – неотъемлемая черта советского праздничного культа. Никто не помешал Сталину режиссировать юбилей по-своему. Ленина не стало, Троцкий был выслан из страны, нэп свернут. В декабре 1929 года Сталин не разрешил устраивать официальное чествование, но в 1939 году в Большом Кремлевском дворце был проведен банкет. Правда, всеобщее празднество не помешало осознавать уязвимость некоторых моментов торжества. Сталина беспокоили внешнеполитические проблемы 1939 года и – как ни странно – культ собственной личности, его восприятие за рубежом.

– Вы имеете в виду знаменитую беседу писателя Лиона Фейхтвангера со Сталиным и затронутую тему восхвалений вождя?

– И ее тоже. В беседе Сталин извинил своих крестьян и рабочих за то, что они «не могли развить в себе хороший вкус». Он также сказал, что есть люди, которые поздно признали большевиков и «теперь доказывают свою преданность с удвоенным усердием», но есть и «умысел вредителей». Сталинские заготовки очевидны, они прикрывают контроль подачи своей личности – отсутствие вкуса, вредители, опоздавшие с признанием власти.

– Не отсюда ли развитие некоторыми историками сюжета борьбы самого Сталина с его же культом?

– Я бы уточнил – не столько с самим культом, сколько с культом дурным и неэффективным. То есть субъекты памяти в 1939 году – это не откровенные враги (с ними-то и так все ясно!), а неумелые, безграмотные (а значит – вредные и опасные) творцы культа. Сталин теперь представлялся как лидер, отличающийся от Ленина, реальные дела и труды которого были превзойдены ведущей ролью Сталина во второй революции, которая началась с пятилеток.

– А что же тогда говорить о юбилее Сталина после победы в Великой Отечественной войне?

– 70-летие генералиссимуса ждали с нетерпением. 21 декабря в Большом театре собрались представители всех слоев общества, цвет коммунистического мира. Юбилейный вечер шел много часов. Но когда речи кончились, все встали, грянула овация. Встал и Сталин, повернулся спиной к залу, чтобы уйти... Все ожидали, вот сейчас он выйдет на трибуну и произнесет речь, скажет хотя бы спасибо за поздравления, но этого не случилось.

– Что стояло за этим поступком? Нездоровье, усталость?

– Да, здоровье вождя ухудшилось, сократилась его работоспособность. Эти обстоятельства, однако, не мешали Сталину реалистично оценивать положение СССР, особенно в связи с образовавшимся в 1949 году блоком НАТО. Готовность к новой схватке подпитывали успеш-

ные испытания атомной бомбы, победа коммунистов Китая в гражданской войне. Сталин собирал силы и энергию для нового рывка, новой «великой чистки» номенклатуры. Создаваемая в течение тридцати лет система должна была обрести окончательный облик – «дорости» до уровня, чтобы перейти к регулированию всех социально-экономических процессов.

– Однако достижение искомого идеала предполагало новые репрессии, которые, как известно, не случились.

– Не случились. Да и сценарий торжества не был нарушен. Сталин получил более 100 тысяч даров со всего мира. Не был отменен и прием в Кремле. Правда, Сталин попросил, чтобы стол ему и ближайшему окружению накрыли в отдельном кабинете. При этом организовали трансляцию, чтобы он мог слушать речи, которые произносят собравшиеся в Георгиевском зале. Семидесятилетие явилось, без преувеличения, символическим торжеством всей сталинской эпохи. Страна выдержала и достойно пережила эту кульминацию. А вот сам виновник торжества, похоже, так и не сумел найти свое место на этом буквально вселенском празднике, ему ощутимо требовался некий новый статус.

– Значит, конспирологические изыскания некоторых авторов, пишущих «апокрифы» о чуть было не состоявшейся в конце 40-х реставрации монархии, не лишены определенной логики?

– Во всяком случае, от вождя ожидался ход именно такого уровня – разом менявший весь политико-идеологический ландшафт советской империи. Понимать-то Сталин это понимал, но вот был ли способен осуществить? Да и позволило бы ему пойти на такое «сумасбродство» его ближайшее окружение? Вряд ли. А потому правильнее было уйти со сцены – в прямом смысле этого слова, дабы остаться главным действующим лицом в переносном смысле.

– А дальше началось испытание памятью о вожде?

– Да, все верно. После смерти Сталина прошло шесть лет. Его имя практически исчезло со страниц газет. Закрытые сводки КГБ за 1959 год, в год 80-летия ушедшего вождя, фиксировали нарастание «нездоровых взглядов» после осуждения культа личности. Реабилитация жертв репрессий быстро прервалась. Лукавая хрущевская десталинизация предопределила и брежневскую стыдлившую ресталинизацию. Она была неуверенная, с оглядками на мировое общественное мнение. А вот подготовка к 90-летию Сталина велась заранее и основательно. Сначала в январе выстрелил журнал «Коммунист», объявивший Сталина «выдающимся полководцем». Как бы в ответ негласно распространялась рукопись «Время не ждет» – программа ленинградской группы, протестовавшей против номенклатуры, ставшей «формой собственности». В сентябре 1969 года журнал «Октябрь» опубликовал роман Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?» – манифест правых, ратовавших за авторитаризм и железный поря-

док. В ответ около 20 академиков, писателей, старых большевиков направили Брежневу письмо с осуждением романа. К разочарованию Кочетова, широкое обсуждение его сочинения было отменено сверху. Также были свернуты и проработки писателей по поводу исключения Солженицына из Союза писателей.

– Возможно, на эти решения повлияли протесты западных интеллектуалов?

– И они тоже. Когда 21 декабря в «Правде» вышла с нетерпением ожидавшаяся редакционная статья «К 90-летию со дня рождения И.В. Сталина», она оставила впечатление двойственности. Репрессии не были отнесены к числу теоретических и политических ошибок Сталина, а культ – нанес вред, но «не изменил природы социалистического общества». Важной задачей документа была трактовка роли генералиссимуса накануне и во время Великой Отечественной войны. Но речь шла не о Сталине как таковом и допущенных им просчетах. Победа в войне виделась ключевым моментом доказательств безальтернативности советской власти. Если для власти и общества война была «нашим всем», то главное действующее лицо войны и победы – Сталин – оказывался и реабилитированной личностью, и персональным воплощением «нашего всего». Брежнев оставил в постановлении ключевую фразу о просчете Сталина, но добавил одно лишь слово «определенный», и этой косметической правкой не только ревизовал достижения «оттепели», но и на два десятиле-

тия директивно канонизировал трактовку войны как звездного часа Советского Союза, а оценку Сталина как главного героя этой войны, хотя и допустившего «определенные просчеты».

– А что же тогда власти приготовили в 1979 году, к 100-летию Сталина?

– Сразу скажу, что традиционная для 21 декабря редакционная статья в «Правде» разочаровала читателей. Столетие вождя выпало на время апогея благополучия – еще не рухнули мировые цены на нефть, до афганской авантюры оставались считанные дни. Советская система нуждалась в Сталине, но в Сталине медийном – из сериала «Освобождение», – не более того. Когда преемник Брежнева Андропов предпримет попытки навести элементарный порядок, недовольными окажутся не только «верхи», но и «низы» – научившиеся жить и вертеться в мутной воде застоя.

– И вот 1989-й, 100-летие Сталина, перестройка, всеобщее стремление провести водораздел между ним и Лениным, вал информации о «белых пятнах» сталинского периода. Судя по опросам, тогда ведь только 12 процентов упоминали Сталина позитивно.

– Да, Горбачев восстанавливал нить, оборванную в боевые годы, – произошел поворот в политике реабилитации. Однако было трудно предвидеть все последствия разоблачения сталинизма. Читательская реакция показывала, что в России по-прежнему не одна правда, а ровно столь-

ко, сколько людей. И тем не менее ученые стали формулировать вопросы о доктринальных корнях сталинизма, о социальных силах, на которые опирался Сталин. В рождении сталинизма участвовали представители всех уровней государства и общества. Причины этого не сводились только к личному страху, а связаны и с амбициями – личными, патриотическими, влиянием идеологической обработки и даже просто с привычкой почитать «начальство». Поэтому в феномене Сталина необходимо отличать то, что являлось специфичным для этой личности, и то, что определялось системой и от Сталина не зависело.

– Почему же тогда через десять лет в общественном сознании вновь возник образ Сталина?

– Россия как новая страна пережила события 1991–1993 годов, дефолт 1998-го. Люди не просто устали от катастрофических перемен, но и фактически лишились ясных смыслов существования. В центр пространства памяти Сталина выдвинулись приватизация для «своих», коррупция и мафиозная преступность, гиперинфляция, выведшая 75 процентов людей за черту бедности, беспризорность детей, нищенство. Незаслуженные богатства заставили взглянуть на сталинские репрессии как на адекватное наказание реальных врагов народа. Кстати, и проект памяти о Сталине 2009-го ничем не отличался от проекта 1999-го. Очередной всплеск телесталинизма ровным счетом ничего не означал. Создавалась лишь рекламная разноголосица, без которой немислимо общество потребления.

– И здесь мы подходим к юбилейному, 2019 году, 140-летию Сталина. До сих пор в обществе активно обсуждаются результаты мартовского опроса «Левада-центра», который зафиксировал рекордный рост симпатий к Сталину. Его роль в истории страны положительно оценили 70 процентов опрошенных, а 51 процент утверждают, что относятся к диктатору с восхищением или уважением. За 20 лет проведения подобных опросов эти цифры стали самыми высокими. У вас есть объяснение этому феномену?

– Причины новой волны популярности сводятся в общем-то к известным аргументам – «Сталин победил в войне», низкий уровень знаний о массовых репрессиях, влияние нынешних обстоятельств жизни. Появились и новые факторы, Крым, Донбасс, Сирия... Подпитку «новому сталинизму» дает установка памятников Сталину в некоторых регионах.

– А что же происходит на альтернативном фронте?

– Например, в феврале этого года в Александринском театре состоялась премьера спектакля Валерия Фокина «Рождение Сталина» о перевоплощении революционера в злодея, его борьба за власть с Богом. В декабре в театре «Ленком» вышел спектакль «Капкан» – своеобразное послание Владимира Сорокина и Марка Захарова о том, что было в советскую эпоху, куда мы идем. Но самое главное – прямое столкновение так называемых сталинистов и анти-сталинистов.

– Вы, вероятно, имеете в виду столкновение Юрия Дудя (с 2022 года – иностранный агент) и писателя Захара Прилепина по поводу двухчасового фильма «Колыма – родина нашего страха», размещенного в сети YouTube?

– Удивление вызвало то, что за две недели фильм получил более 11 миллионов просмотров и более 650 тысяч «лайков», а негативно его оценили только 45 тысяч зрителей. Многие эксперты оценили данные результаты как привычное поколенческое отрицание ценностей отцов. Этим, казалось бы, все могло и завершиться. Однако начался бум разоблачений Дудя...

– И как же преодолеть плен сталинского образа?

– Одиннадцать сталинских юбилеев – достаточная основа, чтобы увидеть и как сам Сталин обустроивал эти праздники, и как власть, потеряв вождя, не могла пройти мимо его круглых дат. Сегодня абсолютно неактуальны разговоры о практическом или теоретическом сталинизмах. Есть биография человека, но есть и образ, неотделимый от легенды. Конкретная биография подлежит изучению и обсуждению. Образ выполняет совершенно иную задачу. Если оказаться в плену у этого образа, начинается обратный процесс – от рационального к иррациональному, от светского к культовому и религиозно-мифическому. У меня порой возникает ощущение, что уже не власть и общество освещают и трактуют фигуру Сталина, а сам образ Сталина, выскочивший из-под контроля,

влияет на конструирование памяти, указывает, как его надлежит трактовать, за что хвалить и за что осуждать.

– Отсюда, видимо, и вырисовываются направления возможного преодоления Сталина.

– Власть должна быть сильной и справедливой, но не в сталинском смысле, не своей сакральностью. Привлекательным должен быть предлагаемый обществом в союзе с властью чертеж будущего. И не дай бог осуществиться словам тех, кто считает, что перекрыть Сталина можно только такой же Великой Победой 1945 года, построением «великой державы». В этом случае Сталин будет, наверное, преодолен, только Россия исчезнет. И это не пустые опасения. В стране должна быть выстроена музейно-мемориальная инфраструктура. Она, как и современные арт-проекты, способны сделать любой миф смешным и абсурдным.

– Хорошо, но пройдет еще десять лет, к 150-летию Сталина страна станет другой, ее движение наполнится новыми смыслами. Поколение молодых людей, проявивших сейчас равнодушие или неравнодушие к Сталину, займет ключевые позиции в обществе. Новые технологии, социальные и информационные коммуникации сделают любой культ смешным и глупым.

– Все верно, но те же нанотехнологии и механизмы soft power откроют такие фантастические возможности про-

мывания мозгов, по сравнению с которыми сталинская идеологическая индустрия покажется детской игрушкой. У меня нет уверенности в том, что обществу не будет навязано какое-то иное ценностно-смысловое размежевание.

– А надо ли преднамеренно стремиться к преодолению культа Сталина?

– Выскажу на первый взгляд еретическое мнение: нет, не надо. Неутихающая полемика спровоцирована не эпохой Сталина, а нашим временем. Культ будет преодолен тогда, когда Сталин и его образ из политизированной памяти вернется в историю, в которой он – наподобие того же Ивана Грозного – займет действительно подобающее ему место, без прикрас и без умалений. Надо набраться терпения в отношении как исступленных апологетов Сталина, так и его неумных критиков. Обратный путь в историю не всегда прямолинеен и прост.

Кому и зачем нужен был культ Ленина

Беседа
с Валерием Выжutowичем*



День рождения Ленина при его жизни почти не отмечался, вождь считал это лишним. После распада СССР чествовать Ильича – привилегия и обязанность членов КПРФ, остальные граждане в большинстве своем уже не держат в памяти 22 апреля и тем более праздником этот день не считают. Но между началом 1920-х годов и началом 1990-х – несколько советских эпох. В каждую из них юбилей Ленина отмечался по-своему, и по характеру празднования можно было судить о политике государства, состоянии общества, возможных переменах в жизни страны. Как создавался и укреплялся в СССР культ Ленина, кому и зачем он был нужен?

– Два года назад, в канун 140-летия Сталина, мы с вами беседовали о том, как вернуть «вождя народов» из памяти в историю. Можно ли так же ставить вопрос о Ленине, чье 150-летие отмечалось в прошлом

* Российская газета. 2021, 22 апреля.

году и чему вы и профессор Елена Котеленец посвятили свою книгу «Ленин: культ и антикульт»? Известно ведь, что в переменчивые времена человечество ищет опору в памяти и в исторических личностях, которыми можно гордиться.

– Да, это так. Но на некоторых из этих исторических личностей нередко взваливается ответственность за все прошлые беды. Отсюда и наши сегодняшние инвективы в адрес Ленина, одну из самых масштабных и сложнейших фигур XX века. Однако во многих странах образ вождя революции 1917 года сейчас, наоборот, теряет теневую окраску, приобретая позитивные черты. Переживаемый кризис идей и ценностей, потеря мечты и утопии сделали Ленина одним из символов левого движения, разрушителя империи и создателя невиданного союза народов.

– Очевидно, что сам Ленин меньше всего думал о памяти о себе в будущем, а вот почему последующие носители верховной власти поступали иначе – создавали культ и опирались на него, тем самым узаконивали свои политические действия?

– Сталин инструментализировал Ленина для своего культа. Хрущев под знаменем Ленина преодолевал Сталина. Брежнев накануне 100-летия Ленина довел его культ до абсурда. Горбачев через переосмысление Ленина надеялся на обновление и реформирование социализма.

– Давайте здесь поподробнее. Молодая советская система помимо воли самого Ленина делала из него

икону, превращала из живого человека в некий эталон, без которого она не могла существовать. Но ведь в предыдущей российской истории не было подобных примеров сотворения посмертного культа в отношении личности, которая не была канонизирована церковью.

– В ранней советской культуре традиция использования религиозных практик для достижения далеких от религии целей была совершенно естественной. Нельзя было не использовать то, что неизбежно сработало бы. В этом и заключалось «мудрое хозяйственное использование» образа Ленина. Для этого и создавалась целая индустрия. И если говорить о взаимосвязи культов Ленина и Сталина, то они оказывались повязанными именно в этом идейном индустриальном пространстве. Девальвация одного культа неизбежно должна была повлечь за собой разрушение другого.

– Но после десталинизации культуру Ленина никто и ничто не мешало, он обрел новое качество, стал гарантией от возможного появления «нового Сталина».

– И что из этого вышло? Столетний юбилей вождя в 1970 году, выдержанный в духе монументальности, запрограммировал имитационную сущность эпохи застоя. Брежневские слова «мы первыми на земле создали развитое социалистическое общество» в 80-е годы большинство людей не воспринимали. Их реальные доходы заметно упали, возник повальный дефицит, в руках деятелей теневой экономики оседали значительные денежные средства,

подпольные миллионеры стали жить открыто, не стесняясь и не боясь. Идеи и цели, вдохновлявшие представителей старших поколений, утрачивали свою значимость. Подходил к концу и ресурс проекта памяти, связанный с образом Ленина как наднационального символа СССР. А навязчивое заполнение им общественного пространства оборачивалось расцветом неподцензурной и фольклорной ленинианы.

– А был ли шанс у «перестроечного» Ленина выстоять – не в качестве монумента, но как важной исторической фигуры? Ведь ключевым для коммунистов-реформаторов стал «нэповский» Ленин, не так ли?

– Ну да, а затем началось его растабуирование, нарастание негативного к нему отношения, вытеснение во второй ряд национального пантеона России. Культ Ленина просто-напросто обрушился, хотя совокупность фактов его жизни принципиально не изменилась. На роль кумира выдвинулся П.А. Столыпин. Довольно скоро распространился антиленинизм – отказ от наследия вождя или пересмотр этого наследия. Ряд политиков, ученых и литераторов пошли еще дальше – стали создавать антикульт Ленина. Кстати, Ельцин, опираясь на антиленинизм, не поддержал антикульту, поскольку взял курс на социальный мир, на общественное согласие, на сосуществование противоположных ритуалов и символов, одним из которых был мавзолей. В первые годы правления Путина такой подход к революционному прошлому и его самому узнаваемому образу еще более укрепился.

– Что-то я не встречал в нашей литературе, в отличие от антиутопий, такого понятия, как антикульт.

– Дело не в понятии, а его наполнении. Как и культ, антикульт навязывается сверху. Культ преодолевается эфемеризмами, резкой критикой наследия, то есть антиленинизмом. Однако общественная полемика обернулась проклятиями и обывательским интересом к частной жизни вождя. Но очевидно же, что не из родословной, любовных треугольников, немецких денег и желания поражения своему правительству складывается антикульт. И кажется, уже всем понятно, что в России важен не культ исторической персоны, а культ должности, статуса – императора, вождя, генсека. Сама должность сакрализована и обожествлена. Но доходило ли в истории дело до антикульта, антибожества?

– И что же должен был компенсировать Ленин в начале 1990-х годов? Какие историко-политические комплексы его образу предписывалось снять?

– Они очевидны – поражение России в Первой мировой войне, террор и Сталин, неудачи перестройки и развал СССР. Однако, как бы кому-то ни хотелось, антикульт не взял верх, демонизация и стигматизация Ленина продолжились недолго. Оказалось, есть обратимость даже у управляемого сверху процесса. Сегодня стратегия власти сводится к замалчиванию Ленина, а с ним – и значимости революции. Обвинения нацелены на предательство и непатриотизм вождя партии, а еще – на подкладывание им бомбы под самую российскую государственность. Но об

этом все еще можно спорить. Правда, напомню, как после 1917 года было принято свысока поглядывать на тех, кто не дорос до понимания важности классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Один из создателей советской исторической науки Михаил Покровский называл историю «политикой, опрокинутой в прошлое». Это одно из немногих его суждений, с которым можно полностью согласиться. Но в таком случае правомерно и обратное заключение: политика – это действие, позиционирующее себя как историю. И в этом смысле непростой диалог с оставшимся в прошлом Лениным – один из способов, с помощью которого политика доказывает, что она тоже история.

– А как, на ваш взгляд, думающие представители молодого поколения воспринимают разные версии исторической личности?

– Принимать на веру они их точно ничего не желают, ищут свои подходы к осмыслению. Приведу пример. Молодой режиссер Александр Плотников написал пьесу и по ней поставил спектакль «Дети о Ленине» в Ульяновском драмтеатре. Но это спектакль не о Ленине, а о реакции людей на него, выборе лидера и веры в него. Режиссера подтолкнула к этой теме книга «Дети дошкольники о Ленине» (1924), в которой взрослые записали реальные тексты – отклики детей о смерти вождя. Это была совершенно аномальная реакция – дети красили черным цветом стены, желали прийти на могилу Ленина, «напоить его лекарствами и убежать вместе» и т. д. И вот, чтобы понять

разницу в восприятии Ленина разными поколениями, режиссер обратился к артистам, родившимся в 60-е годы, и стал выяснять, кем для них был Ленин, верили они или нет в дело партии. Ответы были абсолютно противоположными. Вот это сопоставление и стало материалом для пьесы. В 60-е, к примеру, можно было мять, пачкать пионерский галстук, а дети 20-х годов готовы были убить за этот святой символ. Так режиссер прослеживает рефлексии времени – стыд за прошлое или ностальгию по нему. В этом стремлении молодых художников понять ценности разных эпох, включая смысл политического лидерства, нахождения Ленина в пространстве памяти – уже вне культа и антикульта – и заключается новый смысл юбилейных дат.

– Что же мешает тогда вернуть Ленина в поле истории?

– Тому есть, на мой взгляд, две причины. Во-первых, возвращать не хотят сами историки. Часто вождя революции не исследуют, а разоблачают и судят. В советское время было проще: запретное помещали в спецхран, значит, там и находилась историческая правда. Теперь спецхраны ликвидированы, цензуры нет, в социальных сетях «историками» стали все. Часто побеждает мнение, за которым коммерческая поддержка, тиражи и медийная раскрутка. Во-вторых – и, по-видимому, это главная причина, – возвращения Ленина в историю не хочет само общество. Ему очень удобно воспринимать прошлое так, как ему его преподносят власть: в виде мифа, интересной картинки,

зрелища. Безусловно, рано еще говорить о том, что про-ленинский или антиленинский дискурсы преодолены. Но в год 150-летия выпадов стало меньше. Если раньше на антиленинизме можно было повисить свой политический рейтинг, то сейчас разве что настроить против себя. Выходит, дело Ленина еще не завершено. Исследование Ленина не прекратилось. Продолжается накопление идей и фактов.

– Выходит, и через почти век после своего ухода Ленин продолжает оставаться фигурой не из прошлого, а из самого что ни на есть настоящего – политизированного, клокочущего, экзальтированного. А значит, до того, чтобы поместить его в историю и изучать с академическим равнодушием, еще очень далеко?

– Вы же прекрасно знаете, что даже на Западе герои и злодеи до сих пор вызывают страсти и противоречивые оценки. На этом фоне вряд ли стоит ожидать каких-то подвижек от России, в которой рациональность и здравый смысл традиционно мало что значат для общественного мнения, часто управляемого эмоциями. Пандемия лишь усилила крайний субъективизм, фрагментацию и химеричность массового (а потому и политического в целом) сознания. Поэтому мифологизированный и далекий от исторического подлинника Ленин сегодня как никогда в тренде.

Запад реально схлестнулся в схватке за право управлять памятью о Победе

Интервью
корреспонденту журнала
«Журналист»
Ульяне Галанцевой*



Апелляция к дате 9 мая – чуть ли не последний аргумент в нынешних идейных противостояниях, фактически единственный (если не считать космоса) задел более или менее светлого будущего и вместе с тем реально последняя скрепа, удерживающая основную часть общества в качестве единого целого. А в мире это же самое событие начали преподносить в цензурированном виде – с игнорированием основной роли Советского Союза, чтобы «поставить на место» его правопреемницу.

– Вот уже 7 лет ваша Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI) проводит международные мониторинги знаковых исторических юбилеев – «Победа-70», «Революция-100», «Ленин-150», а в начале этого года были представлены итоги международного исследования «Победа-75: реконструкция

* Журналист. 2021. № 5.

юбилея». До этого ведь никто не пробовал превратить текущий момент в живую историю?

– Благодаря нашим мониторингам можно получать самые современные суждения о прошлом, его оценки и переоценки. Историческое знание как бы вписывается в текущую конъюнктуру и становится точкой пересечения разных практик восприятия и трансляции прошлого для решения тех или иных задач настоящего. Благодаря этому появляется возможность производить замер мировоззренческого и социально-политического состояний широких кругов населения. Такие свойства мониторингов делают их важным инструментом изучения феномена памяти, где история и современность оказываются неразрывно связанными.

– И что зафиксировал ваш последний, пандемический так сказать, мониторинг, какие изменения происходят сегодня в пространстве памяти о войне и Победе, особенно сейчас, когда становится реальной перспектива усугубления конфликтности с возможным перерастанием многих локальных очагов противостояния в новую глобальную бойню – Третью мировую?

– Не секрет, что коммеморация Победы всегда зависела от политической конъюнктуры. Если сразу после распада СССР о Победе как бы забыли, то очень скоро ее снова возвратили в политический арсенал. На протяжении долгого времени Победа рассматривалась как некое объеди-

няющее и примиряющее событие для России и западных союзников СССР. Теперь же, после украинского кризиса, «русской весны» и введения санкций каждая дата Победы для Запада является поводом для конъюнктурных оценок действующей российской власти и проводимой ею политики. В противовес этому со стороны нашей пропаганды идет симметричный ответ, из которого получается, что Великобритания, США, Франция и другие страны зря воевали на стороне Советского Союза, зря создавали антигитлеровскую коалицию. Над пространством памяти устанавливается контроль, а институции и технологии такого контроля используются в качестве оружия как Россией, так и Западом.

– Но разве пандемия, повлияв на масштаб и характер всех праздничных ритуалов, не заставила заново осмыслить историю Второй мировой и Великой Отечественной, не заслоненную громкими речами и пышными торжествами?

– Конечно, заставила. И в то же время изменила способы сопричастности к памяти о войне. Это можно было почувствовать через социальные сети и сайты. К примеру, количество запросов в «Яндексе» на сайт <http://podvig.pagrada.ru> выросло с 600 тысяч до более миллиона. В онлайне в течение двадцати дней мая прошлого года длилось шествие «Бессмертного полка», и оно собрало почти 3 млн человек. Но главное, что День Победы для многих людей снова стал семейным, теплым праздником, без

помпезности и культовых черт. К сожалению, не обходится без курьезных и даже абсурдных случаев, свидетельствующих о профанации отношения к войне и памяти.

– Какие из них Вы считаете вредными, непродуманными, вредящими живым, неформальным практикам?

– Те же, к примеру, ролевые игры типа «Блокадная семья» для учеников 2–5-х классов или «дегустации блокадного хлеба». В некоторых школах устраиваются танцы на батутах, на которых девушки с автоматами Калашникова в руках синхронно прыгают под песню «День Победы». По-прежнему детей наряжают в военную форму, превращая их в маленьких солдат. Хотя психологи объясняют воспитателям и родителям, что романтизация и украшательство самого страшного в жизни – войны – формируют у детей представление, что война – это праздник, потому что потом она оканчивается победой, а не могилами, в которые хоронят в военной форме, ставшей для предков посмертным одеянием. Как видите, «дурного креатива» достаточно. И такие псевдокоммеморации лишь провоцируют разговоры о «победобесии».

– А как смыслообразующее прошлое воспринимается молодым поколением?

– Это восприятие заметно отличается и от канонического советского и от перестроечно-постперестроечного. В частности, опрос студентов в Казани зафиксировал по-

зитивный эмоциональный настрой при недостаточном уровне знаний о Войне и Победе. Любопытно, что больше половины респондентов готовы активно протестовать, если День Победы будет отменен, полагают, что страна в неоплатном долгу перед ветеранами. В последние годы ярко проявились еще две тенденции: невообразимое задействование темы Победы в церковно-религиозных обрядах и неистовая война с памятниками в целом ряде европейских государств. Этот культурный луддизм со всей очевидностью доказал, что научно-технический прогресс и тотальная цифровизация прекрасно уживаются с архаичными формами поведения.

– Подобные сценарии памяти о войне и Победе разворачиваются и в бывших советских республиках?

– Там все заметнее проекты, которые оппозиционны официальному российскому представлению Дня Победы. Причем подобная оппозиционность, как открытая (например, на Украине и – по-своему, но вместе с тем однозначно – в Белоруссии), так и в большей или меньшей степени прикровенной (например, в центральноазиатских странах, откуда посылаются недвусмысленные сигналы Москве о якобы происходящем вытеснении из памяти их вклада в Победу). Еще одна характерная особенность – наличие в названных странах альтернативного, народного сценария, в котором антироссийская составляющая или вовсе отсутствовала, или ощущалась в гораздо меньшей степени, чем в официальных сценариях.

– По моим наблюдениям, в дальнем зарубежье 8 и 9 мая тоже мифологизированы и политизированы, причем в ничуть не меньшей степени, нежели в России. Другое дело, что эта мифологизация выстраивается не вокруг вопроса об отношении к Путину и современной России, а сообразно собственным историко-культурным стереотипам.

– Запад реально схлестнулся с Россией в схватке за право управлять памятью о Победе. Своим сценарием памяти она настолько возбудила геополитических «партнеров», что те заговорили фактически на ее языке – с той лишь разницей, что утверждают противоположное Кремлю. Однако через пандемию человечеству делается напоминание о необходимости помнить уроки войны и преодолеть раздоры перед лицом новых угроз по примеру того, как смогли найти общий язык страны антигитлеровской коалиции. Хотя сегодня аналогичная компромиссность представляется маловероятной. Гораздо более реальной становится перспектива усугубления конфликтности с возможным перерастанием многих локальных очагов противостояния в новую глобальную бойню – Третью мировую. Тем более что она уже идет, пока мемориальная, но с перспективой выхода за пределы ставших уже привычными «войн памяти».

Что врут календари? «Благие даты» в современном публичном пространстве и СМИ

*Интервью журналистке,
писательнице
Надежде Ажгихиной**



– Мы вступили в пору юбилеев, знаменательные даты становятся в сознании современников часто знаком не прошлого, а настоящего. Скажем, полет Гагарина рифмуется у многих с отечественной вакциной «Спутник», юбилеи Победы вообще стоят особняком, определяя едва ли не все направления нашей жизни. Всегда ли было так? Как менялось в нашем обществе восприятие памятных дат? Существуют ли отличия между Россией и другими странами в этом плане?

– «Датская» политика была всегда, и не только в нашей стране. Эта политика отражает как внутреннюю конъюнктуру, так и способы позиционирования государства вовне. «Наследие прошлого» выступает теперь как проект, который определяет настоящее и будущее. И это находится в контексте глубоких перемен, происходящих сейчас в мире. Они повлекли за собой пересмотр истории, резкие

* Журналист. 2021. № 7.

изменения в учебниках и пантеонах национальных героев. К примеру, если говорить о России XX века, то невиданный эксперимент по созданию самого справедливого общества в мире, а затем перестройка, возрождение новой России привлекали внимание всего мира. Однако начиная с 2005 года идеологический маятник неожиданно качнулся в сторону героического прошлого и традиционных духовных ценностей. Ключевым же фактором, обусловившим дальнейший поворот, был кризис вокруг Украины в 2014 году, постепенно переросший в кризис отношений РФ с США и ЕС.

– С чем связано такое повышенное внимание к датам далекого прошлого?

– В своих книгах и лекциях я часто привожу приветствие некоего древнего египтянина в адрес некоего фараона: «Пусть наградит тебя Господь юбилеями без счета!» Чем вызвано такое пожелание, почему одни общественные юбилеи в чести, их ждут, готовятся к ним с радостью, а от других отгораживаются, словно от наваждения? Почему одни круглые даты отмечают каждое десятилетие, а о других вспоминают раз в пятьдесят, а то и сто лет? Я не вижу ничего страшного в памятных датах и юбилеях, если бы некоторые из них не приобретали культовый характер.

Культ, как замечал Шарль Эншлен, привлекает массы, опьяняет их иллюзорной надеждой. Юбилеи связаны с прошлым, с былыми прорывами и победами, но они не

способны прямо или косвенно обеспечивать новые успехи сегодня. Более того, мешают критическому взгляду на современную ситуацию, реальной оценке смыслов будущего. Все попытки встроить День России – 12 июня – в современную память, используя старые механизмы управления ею, пока ничего не дали. То же самое относится и к другим государственным праздникам – 1 мая и 4 ноября. Сегодня в реестре памятных дат и в государственном пантеоне культовых фигур появляются новые лица. На первом месте – князь Владимир Креститель, памятник которому воздвигнут перед парадным въездом в Кремль. И дело не только в имени святого, не только в том, что русская нация идентифицирует себя с православием, – его культ нужен для противопоставления Киеву. Совсем недавно культовое место занял и Иван Грозный. Знаковым событием стала установка памятника этому ложному символу антизападничества в Орле. А вот Иван III – основатель Московского государства, разрешивший литовскую, ордынскую и новгородскую проблемы, – такой чести до сих пор не удостоился. Как бы там ни было, но юбилеямания и сопутствующие ей игры, увы, будут продолжаться. Ведь динамика стереотипов по-прежнему зависит от власти, которая считает себя владычицей над временем и юбилейным его отмериванием. Но будущее непредсказуемо.

– Один из наиболее известных проектов АИРО-XXI – реконструкция юбилейных Дней Победы, его партнером вот уже третий год выступает Союз журналистов Москвы. Чем интересен проект?

– Наша ассоциация еще в 2015 году впервые предприняла попытку своего рода независимого экспертного аудита юбилейной кампании с точки зрения ее эффективности как пропагандистской или контрпропагандистской акции. Нас интересовало отражение истории Великой Отечественной войны и Победы в печатных и электронных СМИ, в пространстве сети, произведениях художественной литературы и кино, в официальных, общественных и оппозиционных публичных акциях, в специальных выставочных и музейных мероприятиях, в научных исследованиях и публикациях. Использовался и зарубежный материал. Столь масштабный комплексный анализ, а мы его повторили и в 2020 году, позволил составить репрезентативное представление о том, насколько эффективными как для власти, так и для ее оппонентов оказались кампании по празднованию 70-летия и 75-летия Победы.

9 мая остается главным праздником России, в то время как все новые даты политического календаря воспринимаются либо как просто дополнительные выходные дни, либо вообще не привлекают к себе внимания – если остаются рабочими. День Победы формирует нашу идентичность, на этой площадке прошлое встречается с настоящим, и они вместе, рука об руку идут в будущее. Именно по причине такой исключительной значимости возникает закономерная тревога по поводу дальнейшей судьбы даты как общенационального интегратора, как буквально сакрального события, ежегодно подтверждающего и вос-

производящего субъектность российской нации. Однако этот праздник уже балансирует на грани, за которой – естественная с полным уходом поколения живых свидетелей 9 мая 1945 года «музеефикация» Великой Отечественной, ее окончательное превращение в прошлое, в нечто наподобие войны 1812 года. Вместе с тем именно от нас – потомков поколения победителей – напрямую зависит, какой окажется хранимая и передаваемая потомкам память о Великой Победе.

– В прошлом году пандемия вынужденно внесла коррективы в сценарий праздника.

– Безусловно. Но помимо вируса на 9 мая воздействовали и рукотворные тенденции, связанные в первую очередь с принятием в Европарламенте резолюции «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» (сентябрь 2019 года). В ней советско-германский пакт 1939 года описывался как причина начала Второй мировой войны. Через несколько месяцев, в январе 2020 года, последовало совместное заявление председателя Европейской комиссии, председателя Европейского совета и председателя Европарламента: «Семьдесят пять лет тому назад войска союзников освободили нацистский концентрационный лагерь Аушвиц-Биркенау (Освенцим). Они остановили, таким образом, самое ужасное преступление в истории Европы – спланированное уничтожение евреев». Нигде в этом тексте не упоминалось, что именно Красная Армия освободила лагерь.

В мае 2020 года правительства США и Великобритании вообще узурпировали победу над фашистской Германией и избавление мира от нацизма, что вызвало соответствующую реакцию МИД РФ. По сути, 75-летие стало самым политизированным юбилеем за все время, прошедшее с окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн. Вместе с тем наш мониторинг показал эмоциональное и душевное реагирование на День Победы большинства российского общества даже в условиях пандемии. Отработанные и сложившиеся прежде формы празднования приспособились к новым условиям, перешли в онлайн и сосредоточились на персональном чувствовании ветеранов в ограниченном публичном пространстве (двор, улица, квартира, дом), праздник вернулся в семьи, снова, пусть и вынужденно, стал домашним. Резкая актуализация памяти о Победе отразилась на тех сферах современной жизни, которые прежде не испытывали на себе столь ощутимого влияния какого-либо события прошлого. Еще несколько лет назад невозможно было представить, что образ Победы и оценки войны могут стать предметом правовых разбирательств, что защита истории от преднамеренно неверных истолкований потребует введения соответствующих конституционных норм.

– Еще один проект Ассоциации – международный мониторинг «Революция-100». Известно, что столетие Российской революции 1917 года отметили на удивление скромно. Что было неожиданным в этом вашем исследовании?

– Давайте вспомним, как в начале 2017 года, то есть четыре года назад, делались безапелляционные прогнозы: «новая революция начнется в октябре 2017 года», «ситуации 1917 и 2017 годов очень схожи» и т. д. Словом, Россию ждут потрясения – социальный бунт или революция.

Однако ничего подобного не произошло. Будоражили общество и разного рода предсказания, что в юбилейном году будет восстановлена монархия. Впрочем, эта идея быстро угасла. Регулярно поднимался вопрос о перезахоронении тела Ленина. Поспешил выступить со своими прогнозами-опасениями и быстро созданный оргкомитет юбилея. Прозвучали заявления: нельзя позволить растащить юбилей революции по «национальным квартирам»! Но, судя по реакции на столетие в постсоветских государствах, это событие было в них просто-напросто проигнорировано или, как на Украине, подтолкнуло к изысканию выгодных для себя дат и событий, не связанных, собственно, с революцией.

Однако во всем мире юбилей Революции 1917 года стал поводом вспомнить о главной человеческой утопии – попытке построения рая на земле, царства всеобщей справедливости, а также вспомнить цену, которую заплатило человечество за этот прыжок в рай. Возможно, под воздействием мировой реакции на юбилей революции Кремль несколько скорректировал свои публичные оценки этого события. Оргкомитет не включил в свой состав представителей политических партий, дабы не создавать «почву для раздора». Однако партийные распри все равно

возникли. Наш мониторинг позволил понять, кто и с какими смыслами пришел в пространство памяти о революции. Власть – а от нее ожидали, как она впишет юбилей в свой официальный нарратив «тысячелетнего великого Российского государства», – предложила объединить Февральскую и Октябрьскую революции в одну. Затем сняла с нее классовые определения и отказала в звании «великой». Воспоминания же о революции отдавались на откуп общественности, которая и должна была наполнить содержанием старо-новую формулу «согласие и примирение».

– Известно, что свою трактовку предложила и Русская православная церковь.

– Да, верно. Однако РПЦ пошла наперекор установке на национальное примирение. Открыто были названы виновные в революционной катастрофе, которые могут снова ввергнуть страну в очередной хаос. Патриарх Кирилл прямо обвинил в провоцировании «мясорубки» и «страшных событий столетней давности» интеллигенцию. Из церковных кругов прозвучало требование похоронить Ленина, убрать кладбище на Красной площади, переименовать улицы и площади, названные «именами пламенных революционеров и палачей по совместительству». Однако при этом любопытно, что в августе 2017 года патриарх на торжествах в Арзамасе, приуроченных к 150-летию со дня рождения патриарха Сергия, опосредованно легитимизировал советскую эпоху – не отказываясь

при этом от ее критической оценки как «безбожной». Сознательный выбор Сергия, пошедшего на сотрудничество с советской властью, привел, по словам нынешнего председателя РПЦ, к некоторому преобращению этой самой власти. Революционный 1917 год стал тем самым попущенным Богом испытанием, которое в конечном счете укрепило людей. Однако, несмотря на разные позиции власти, общественности, церкви, в народе преобладающими оказались конспирологические теории о революционных потрясениях, в которых привычно обвиняли «жидомасонов», иностранные спецслужбы, немецкие или американские деньги.

Столетие показало значительный разброс настроений в обществе. Желание профессиональных историков анализировать 1917 год глубоко и ответственно, как прорыв народа к справедливости – прорыв, многое изменивший в России и мире, – часто натывался на сопротивление в самой среде историков. Несмотря на это, работа по извлечению уроков продолжается. Очевидно, что, беря на вооружение какую-либо великую социальную идею, нельзя доводить ее до абсурда, как это сделали большевики. Эту ошибку могут повторять и либералы, и консерваторы. Ответственность за трагические последствия революции, за «чрезвычайщину» несут не только восставшие, но и власть, доведшая до взрыва, переворота, власть, которая своей непродуманной политикой, запаздывающими реформами рождает протестное движение. Похоже, что в российском обществе укрепляется понимание того, что

одним махом, разом, используя насилие, невозможно решить все проблемы. Логике радикализма и максимализма может противостоять только умная политика со своевременными реформами.

– Возможно ли возвращение дню 7 ноября статуса государственного праздника?

– Любопытный парадокс: во Франции спустя 91 год после революции дата взятия Бастилии – 14 июля 1789 года – из предмета раздора под влиянием поражения в войне с Пруссией превратилась в символ примирения, стала одним из краеугольных камней французской идентичности, главным государственным праздником. У нас же через десять лет – в 1927 году – большевики убрали из календаря празднование Февральской революции (12 марта по новому стилю), а через 75 лет перестал быть праздником и выходным днем 7 ноября. Так мы упустили возможность напомнить миру, что Революция 1917 года изменила его: исчезли империи, распалась колониальная система, коренным образом трансформировалась социальная политика. Столетие не стало поворотным моментом на пути постижения нашего прошлого, не продолжило традиции достойного отношения власти к юбилеям революции по примеру Великобритании, США, Франции, Китая, Мексики, Испании, но определенным шагом в этом направлении юбилейные воспоминания, несомненно, обернутся. Ну а пока, наверное, не стоит удручаться по поводу неудавшегося юбилея. То, что мы вспоминали

события вековой давности, пусть и неказисто, казенно – или, напротив, с наивным пионерским задором и с фантазмагорическими аналогиями и аллюзиями, – это уже хорошо. Мы еще толком не состоялись как народ, как политическая нация, нам трудно прочувствовать собственную историко-культурную идентичность в искусственных – но, увы, теперь уже необратимых – границах РФ.

– Мы приближаемся к 100-летию создания СССР. Ваш новый проект – об этом?

– Ассоциация приступила к анализу восприятия уникального исторического феномена, Советского Союза, в России, на постсоветском пространстве и в мире в целом. При этом уже сегодня очевидно, что сопоставление современности с теми или иными аспектами опыта СССР будет проводиться в контексте проблемы межэтнического и межкультурного сосуществования в рамках одного государства. Эта проблема стала предельно конъюнктурной в условиях нарастающего миграционного кризиса в развитых странах Запада или неожиданных и непримиримых конфликтов «проснувшейся» памяти типа движения Black Lives Matter. Советский опыт – это в том числе и уникальная модель сращивания партии и государства, которая привлекает к себе особое внимание в условиях кризиса классических партийных структур и выстраивания институтов имитационной демократии. Это и не имеющая аналогов в человеческой истории способность больших групп

плодотворно функционировать на пределе человеческих возможностей – что кажется невероятным в нынешнем обществе гедонистического потребления. Это, наконец, и попытка, пусть и (пока) не удавшаяся, выстраивать жизнь целой страны вне системы координат, связанной с собственностью и прибылью. Словом, почти 72 года крайне уплотненного в смысловом и организационно-деятельном отношениях бытования самой большой по территории страны планеты. Поэтому не приходится сомневаться в том, что 100-летие СССР не останется незамеченным и будет так или иначе актуализироваться и сторонниками этой модели, и ее противниками, и разного рода менеджерами текущего момента, которые будут пытаться пере-квалифицироваться в «исторических антикваров» ради извлечения той или иной выгоды из рецептов советских наработок.

– СССР прекратил свое существование 30 лет назад. Едва ли эту дату будут ярко отмечать.

– На фоне практически повальной и – что самое интересное – хотя и усиленно пропагандируемой сверху, но при этом прежде всего идущей снизу ностальгии по советскому прошлому вряд ли станут активно вспоминать августовские дни 1991 года. Вообще накануне осенних думских выборов власть не захочет как-либо пиарить этот юбилей – ни в отрицательном, ни тем более в положительном ключе. Что касается оппозиции, то для нее эта тема тоже невыигрышна. Но думаю, что совсем иная си-

туация будет в начале декабря, когда исполнится 30 лет распаду СССР.

– Что можно сказать о фальсификации, ложном описании исторических дат и событий?

– В принципе сложился классический набор фальсификаций, и он пополняется нечасто. Приведу лишь несколько примеров. Много раньше писалось о «завещании Петра Великого». Эта фальсификация впервые появилась на французском языке в 1812 году. Документ был составлен таким образом, чтобы показать стратегический план действий для преемников Петра на многие века с целью установления Россией мирового господства.

Украинский историк Михаил Грушевский, автор знаменитой фальсификации, которой следует современная украинская историография, отрицал существование единого древнерусского этноса и утверждал параллельную историю двух народностей – «украинско-русской» и «великорусской». Киевская держава – государство «русско-украинской» народности, а Владимиро-Суздальская земля – «великорусской». Однако серьезные украинские историки рассматривают такой подход как попытку облечь политические задачи украинского сепаратизма в историческую форму.

Российские антикоммунисты распространяют фальсифицированный документ, который приписывается большевистскому режиму, а именно – «Указание ВЦИК и Совнаркома» за подписями председателя ВЦИК М.И. Кали-

нина и председателя СНК В.И. Ленина от 1 мая 1919 года за № 13666/2 о «борьбе с попами и религией», адресованное Ф. Дзержинскому. Он должен был как можно быстрее покончить с духовенством, священников надлежало арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. А церкви следовало закрывать. Именно это так называемое указание чаще всего используется в наши дни как доказательство «кровожадности» и «свирепости» большевиков в первые годы советской власти.

В целях выстроить в сознании людей ложный псевдоисторический ряд ссылаются и на другую подделку – так называемое письмо Ленина В.М. Молотову от 19 марта 1922 года о дискредитации Церкви как идеологического противника во время голода в стране. Все эти фальшивки убедительно разоблачены историками РАН и РПЦ. Как подделки воспринимаются сегодня дневники Гитлера и Берии, «План Даллеса по уничтожению СССР (России)». Особняком стоит знаменитая теория Анатолия Фоменко, по которой вся предшествующая история объявляется подложной. Академическая наука воспринимает взгляды Фоменко как псевдонаучные. В частности, заявление, что вся история античности была фальсифицирована в эпоху Возрождения, лишено не только научного, но и здравого смысла. Методология, которая используется в «новой хронологии», взята из другой науки – математики, – и применение ее для анализа истории является некорректным, а навязчивое

стремление Фоменко всех древнерусских правителей объединять с именами монгольских ханов у историков вызывает скептическую реакцию.

– Что могут журналисты почерпнуть из ваших ресурсов для того, чтобы подготовить интересные «благодатные материалы»? Как избежать ошибок, не поддаться власти стереотипов, неверных толкований и просто фейков?

– Вот и вы ждете от историков рецептов, а мы работаем сегодня в кардинально изменившихся условиях. Произошло расставание с иллюзией о том, что история основана на универсальном методе. Это заметно усилило позиции непрофессиональных историков, но пользователей, отстаивающих – особенно в социальных сетях – право говорить и писать об истории. У многих сложилось впечатление, что голоса профессионалов заглушили журналисты, разные литераторы, политологи или толкователи истории при власти, что на переднем плане до сих пор находятся сенсационные открытия и «война памятников», что история власти по-прежнему остается главной, да и пишется под вертикаль власти нынешней. Однако коммуникационные связи делают невозможным любое «присвоение прошлого». И это надо учитывать всем, в том числе и журналистам. СМИ способны препятствовать превращению истории из науки в идеологию. Не участвовать в политизации прошлого, противостоять новой волне ресталинизации или реабилитации ГУЛАГа. Важно привлекать профессио-

нальных историков к более систематическому сотрудничеству в СМИ и на интернет-сайтах.

К сожалению, многие журналисты не видят разницы между «политикой памяти», которая осуществляется «сверху», и публичной или прикладной историей, предполагающей равный диалог власти и общества по поводу прошлого. В разговоре об истории и памятных датах неуместны как академический тоталитаризм, не желающий воспринимать былое как нечто имеющее к нам отношение сегодня, так и тоталитаризм популяризаторский, готовый представлять прошлое таким, каким его хотят видеть потенциальные покупатели.

Переустройство послевоенной Германии в планах антигитлеровской коалиции

*Интервью генеральному директору
журнала «Солдаты России»
Анне Баканач**



– Известно, что все войны завершаются капитуляцией или переговорами. Когда впервые во время Второй мировой войны возник германский вопрос и как определялся статус этого государства в Европе?

– О будущем Германии впервые открыто заговорили в Великобритании. Уже в 1940 году лорд Адмиралтейства Дадли Паунд предложил разделить нацистскую Германию на ряд «малых государств», Берлин разрушить, остальные крупные города оккупировать английскими и французскими войсками сроком на 50 лет. Однако после вступления в войну Советского Союза 22 июня 1941 года в этих планах наметился заметный поворот. Англия не желала потерять свое доминирование в Европе. Поэтому Уинстон Черчилль в беседе с советским послом в декабре 1941 года предложил создать европейский конгломерат, в котором Англия, СССР, Франция, Италия и т. д. существовали как самостоятельные державы, а мелкие государства объеди-

* Солдаты России. 2022. № 2 (105).

нились в федерации (балканская, центрально-европейская, скандинавская и т. д.)». Эти искусственные федерации легче было подчинить, как и «измельченную» Германию. В английских намерениях прочитывался и антисоветский компонент. Как выразился Черчилль в октябре 1943 года, после войны Германию следовало усилить и использовать против России. В то же время в январе 1944 года именно английская сторона предложила союзникам разделить Германию на зоны оккупации по линии, которая потом стала границей между ФРГ и ГДР. Но и тогда это не было окончательным решением, последовал новый поворот. В конце указанного года англичане предложили восстановить после капитуляции центральную административную власть в Германии.

– И как же к этим планам относились в США? Как там проектировался послевоенный мир?

– Там тоже придерживались гегемонистской модели международных отношений. Опуская все детали и подробности, подчеркну главное: на Тегеранской конференции Франклин Рузвельт предложил разделить Германию на пять независимых государств, два «района» (зона Кильского канала и Гамбург), две «области» (Рурская и Саарская), которыми должны были управлять «Объединенные нации или четыре державы». Впрочем, Гарри Трумэн утверждал, что на Потсдамской конференции он выступил за «единую Германию с центральным правительством в Берлине», хотя документы свидетельствуют

все-таки об американских планах расчленения побежденной страны. Кстати, в общественном мнении в её отношении сталкивались сверхжесткий и мягкий варианты. В первом деле доходило даже до «кастрации всех немцев», а во втором – отказ от репараций и разоружения Германии, высылка Гитлера и его сподвижников, руководителей гестапо и СС, в отдаленное место, некое подобие острова святой Елены.

– Но ведь и советская позиция была довольно жесткой. К чему склонялся Сталин?

– Прежде всего напомним слова из известного сталинского приказа от 23 февраля 1942 года. Именно в нём определялась наша позиция и в критическое для страны время, и в дни Победы. Приведу эти слова точно: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается». На Тегеранской конференции в конце 1943 года Сталин не ставил вопроса о расчленении Германии и тем более не выражал предпочтения такому решению ни в варианте Черчилля, ни в варианте Рузвельта. Сталинская тактика сводилась к максимальной оттяжке в решении германского вопроса. Но вот в Ялте Сталин, Рузвельт и Черчилль в коммюнике 13 февраля 1945 года обнародовали вполне рациональную программу – уничтожение германского милитаризма и нацизма, а не германского народа.

Некоторые мои коллеги утверждают, что если бы это прозвучало в Тегеране, то война закончилась бы раньше, и жертв было бы меньше, внутреннее сопротивление фашистскому режиму усилилось бы, а упорство и фанатизм немецких солдат стали бы ослабевать. После капитуляции Германии 9 мая Потсдамская конференция подтвердила ялтинскую установку на демилитаризацию, денацификацию и демократизацию. Однако идея образования центрального германского правительства, а значит, возможность двигаться к германскому единству, осталась лишь на бумаге. Страна была разделена на советскую, американскую, английскую и французскую зоны оккупации, а затем расколота на Западную Германию (ФРГ) и Восточную Германию (ГДР). Однако несмотря на это в первые послевоенные годы и там и там для бывших союзников, уничтоживших Третий рейх, самыми важными были проблемы ликвидации нацизма, устранения нацистской идеологии, отмены законов Третьего рейха, удаления нацистов из судов, школ, университетов. Состоялся Нюрнбергский процесс над главными нацистскими военными преступниками. От имени всего человечества Международный военный трибунал объявил гестапо, СС, СД и руководящий состав нацистской партии преступными организациями.

– Что, на Ваш взгляд, «закрыло» германский вопрос и надолго обеспечило длительный мир в Европе?

– Во-первых, именно разделение Германии, как это ни странно, в то время стало гарантией безопасности для

стран-победительниц. Во-вторых, включение как ФРГ, так и ГДР в противоположные военно-политические союзы – НАТО и ОВД. В-третьих, в объединившейся в 1989–1990 гг. Германии сложилось понимание и признание ответственности и вины за развязанную Вторую мировую войну, её последствий и уроков. Но вот что любопытно, профессор Рурского университета в Бохуме Бернд Бонвеч откровенно признался в том, что внедрение в сознание немцев чувства «совместной ответственности» за преступления Третьего рейха, послевоенная денацификация не привели к перелому сознания ни в западных зонах, ни в советской зоне оккупации. Денацификация сознания произошла лишь со сменой поколений, когда в Германии на политическую сцену пришло поколение 1960-х годов, не связанное с нацистским прошлым.

Идеалисты и реалисты: пять веков русского спора о власти. Дискуссия



*Вопросы редакции журнала
«Новое прошлое / The New Past»**

– В отечественной историографии и политической публицистике укоренилась традиция рассматривать государство в качестве главного действующего лица и даже «моносубъекта» (Ю. Пивоваров, А. Фурсов) российского исторического процесса. Тем не менее, в определенные периоды своей истории Русский Левиафан оказывался не в состоянии противодействовать не внешним, а внутренним вызовам. В эти моменты власть, способная пережить иноплеменные нашествия и создать могущественную империю, по словам Василия Розанова, «линяла за два дня». Так было в феврале 1917 года, так произошло и в декабре года 1991. В чем Вы видите основные причины таких сценариев? Есть ли в них определенная закономерность? И если да, то как и в чем она проявляется.

– Выведение общих закономерностей – устаревший подход, равно как и применение его к сценариям 1917 и 1991 гг. Мы можем лишь приближаться к пониманию при-

* Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2.

чин неспособности власти отвечать на вызовы времени в каждый конкретный момент. Юрий Пивоваров и Андрей Фурсов связывают провалы и упадки с «моносубъектом», так называемым демиургом исторического процесса*.

Но есть и теория цикличности российской истории с реформами и контрреформами, связанными и определяемыми усилением или ослаблением приверженности режима в данный конкретный момент к модернизации на западный манер, то есть не только к обновлению и развитию научно-техническому, промышленному, но и к общественно-политической либерализации. Здесь же можно назвать и различные теории «русской системы», самодовлеющей власти. К примеру, Валерий Соловей** предложил другую фокусировку – определение точек бифуркации истории, периодов её радикальных и всеобъемлющих изменений, то есть продолжительные смуты***. Они вбирают в себя революции, гражданские войны, бунты и волнения. Они, по его мнению, исторически функциональны. В этом контексте 1917 и 1991 гг. – примеры развития через кризис, конфликт, развал, резкий поворот, после чего государство обретает заново свою моносубъектность и сакральность.

В своё время мы с Дмитрием Андреевым предложили рассматривать исторический процесс, анализируя не

* Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система // Рубежи. М., 1995. – № 1. – С. 45–69; № 2. – С. 32–53; № 3. – С. 42–60; № 4. – С. 32–44; № 5. – С. 29–46; № 6. – С. 44–65.

** В 2023 г. признан иноагентом.

*** Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005. С. 191–208.

функционирование власти, а её пространство, то есть всю инфраструктуру, обеспечивающую тот или иной режим*. При таком подходе особое, преимущественное внимание обращается не на механизмы, а на взаимосвязь работы своего рода двигателя с предназначением, целеполаганием всей машины, которую он приводит в действие. В эту инфраструктуру мы включили носителя верховной власти, элиту, домен (личную опору правителя в его противостоянии с элитой) и посмотрели, насколько они были адекватны историческим реалиям, а еще конкретнее – модернизационной или мобилизационной моделям движения в истории. Учитывалось, что в России режим модернизации всегда рассредоточивает власть, дает возможность элите обволакивать правителя, а мобилизация, напротив, максимально концентрирует ресурсы первого лица, подчиняет ему элиту. Существовая в этих обоих режимах, власть по-разному отвечает и на внутренние вызовы. Посмотрим, как эта модель работает применительно к 1917 и 1991 гг.

Осенью 1915 г. определенная часть элиты, ориентировавшаяся на считавшегося как бы теневым премьером министра земледелия Александра Кривошеина и на либеральную (в большей или меньшей степени) часть Государственной думы и Государственного совета, предприняла неудачную попытку навязать императору свой сценарий. Тем не менее престол пытался поддерживать консенсус

* Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс. X–XXI вв. М.: АИРО-XXI, 2004. С. 7–14.

и с правительственной бюрократией, и с «общественностью» обеих палат. Но в условиях усиливавшегося кризиса власти такой консенсус лишь способствовал нагнетанию деструктивных тенденций. «Министерская чехарда», то есть подгонка кадровой политики под Думу, не только не заглушила конфликты, но и дискредитировала царя как дееспособного субъекта в пространстве власти. Оказавшись в политической изоляции, самодержавие пало, увлекая за собой в небытие и всю тысячелетнюю монархическую традицию нашей государственности. То есть в данном случае модернизационный сценарий привел к ликвидации самой политической системы. Но в результате проектировщики и исполнители этого сценария столкнулись с грозной и неведомой нецензурной стихией, заинтересованной не в гражданском обществе, а в элементарном материальном благополучии и весьма специфически понимаемой «воле». Временное правительство оказалось не в состоянии удовлетворить эти требования. Народ ждал силу, которая смогла бы мобилизовать пространство власти на достижение его вождельных целей. После трёх столетий романовской модернизации Россия возвращалась на привычный для неё мобилизационный путь развития, а власть – в традиционное концентрированное состояние.

К 1991 г. элите (номенклатуре) удалось добиться монопольного господства в пространстве власти. Однако она оставалась существенно ограниченной в возможностях личного обогащения. Поэтому, подобно боярству, раскрутившему Смуту в начале XVII в. ради сугубо корпоративных интересов, номенклатура на исходе XX в. принялась

разрушать Советское государство. А при том положении в пространстве власти, каким она обладала, её консолидированная деструктивная сила, разукрашенная адресованной народу демократической риторикой, была обречена на успех. Новая российская государственность предоставила элите возможность легитимным путём конвертировать свою власть в собственность. Эту «номенклатурную приватизацию» обеспечивал и гарантировал сам носитель власти. У Бориса Ельцина были все шансы стать марионеткой в руках его вчерашних номенклатурных подчинённых, преуспевших на ниве приватизации. Однако ему удалось не только отстоять собственный суверенитет, но и обеспечить максимально возможную в этих непростых условиях концентрацию власти. А для элиты, прежде являвшейся официальным субъектом властвования, ситуация стала обратной. Превратившись в легитимного собственника, она сохранила за собой лишь «теневые» возможности воздействия на политику. Именно поэтому она взяла курс на возведение гражданского общества, а точнее – на контроль за властью со стороны элиты, в том числе, пусть во многом и формально, через систему демократических институтов.

– Если русская власть в разные периоды своего существования рушилась под влиянием, прежде всего, внутренних неурядиц, то не логично ли говорить о, как минимум, еще одном субъекте отечественного исторического процесса – о русском обществе как конкуренте государства, его сопернике или даже враге?

Какие черты характерны для этого субъекта на разных этапах развития нашей страны? Можем ли мы говорить о его уникальности по сравнению с европейскими странами?

– Понятно, что общество у нас существовало всегда. Конечно, не гражданское общество – по причине элементарного отсутствия подобной свойственной западной культуре модели социальной связности. Но тем не менее оно было. Оно отлично и от власти, и от народа, хотя в известной степени создается ими и связано с ними. В XIX в. идейное воздействие на власть шло через сословия, через салоны, то есть аристократические круги. Подразумевалось, что они составляют «образованное общество», «культурное общество», часто связанное родственными и семейными отношениями. Но с обществом нередко ассоциировали себя представители военных или бюрократии, которые выступали с критикой власти. То есть общество не было однородным, в том числе по происхождению, материальному положению, образованию, возрасту его членов и даже их количеству. Неоднородность общества усиливалась по мере появления дворянских и земских собраний, литературных групп и союзов с печатными органами, различных идейных течений, прежде всего консерваторов и либералов. Эти процессы ускорились с появлением в начале XX в. политических партий и общественных организаций.

Не будет преувеличением или натяжкой сказать, что такого рода общество как раз и возникло именно вследст-

вие тотального, всеохватного давления власти на все те слои и этажи российского социума, которые властью не являлись. Причем в этом смысле не должно быть никаких иллюзий и в отношении аристократии: если ее представители не были встроены в государственную машину и не занимали значимых должностей, то их политическая субъектность была, конечно, гораздо большей, чем у мелких чиновников и, тем более крестьян, но преувеличивать ее не стоит. Применительно к XIX в. дворянская и даже аристократическая империя – это историографический миф, придуманный даже не в советскую эпоху, а еще на излете старого режима. Империя служебная, бюрократическая – да, несомненно, причем на ключевых постах в ее административной машине со временем появлялось всё больше людей неродовитых. Но и внутри такой служебной империи ситуация была неоднозначной. Тут шла реальная борьба за власть. Но борьба не в обыденном понимании, а, неявная – за близость к суверену, за возможность оказывать на него те самые косвенные влияния, про которые говорит Карл Шмитт в своем мастерски написанном «Разговоре о власти и о доступе к властителю»^{*}.

Со временем такая борьбы за внимание суверена превращается в конкуренцию с сувереном – естественно, на поле консультирования и советничества, а через это – за воздействие на его решения. А потом – и в борьбу с сувереном: с помощью формирования определенного мнения –

^{*} Шмитт К. Разговор о власти и о доступе к властителю // Социологическое обозрение. – 2007. – Т. 6. – № 2. – С. 27–38.

сначала в правящих кругах, а затем и в обществе в целом. Иными словами, воспроизводство общества, оппозиционно настроенного в отношении власти, – это процесс, уходящий своими корнями в далекое историческое прошлое.

Но если оторваться от теоретизирования, то для меня критерием для определения основных черт общества являются степень его влияния на власть, общественную мысль и общественное мнение, а также причины утраты подобного влияния. К примеру, деятельность земств была жестко ограничена властью, попытки земств соседних губерний объединиться – скажем, в борьбе с эпидемиями – пресекались. То есть говорить о соучастии общества в управлении не приходится. Но в условиях кризиса влияние малочисленного общества, находящегося на пересечении различных способов коммуникации людей, резко возрастает.

В СССР после революции старое общество было разрушено и создавалось новое, весьма своеобразное. После нэповской либерализации сталинский режим с конца 1920-х гг. стремился атомизировать общество. С виду всё выглядело прямо противоположным образом: народу непрестанно говорили о коллективизме, убеждали в примате общественных интересов над интересами индивидуальными, в общественном мнении насаждался культ трудовых и иных коллективов – как естественных и наиболее органичных форм бытия. Но на деле такая политика вела именно к атомизации общества, его распылению, так как искусственно и сверху навязываемые формы объе-

динений жестко разрушали иные связи, образовывавшиеся снизу и самостоятельно. В результате личность замыкалась в себе и своей семье, хотя при этом и была вынужденной жить интенсивной социальной жизнью. При Сталине чувство этого специфического одиночества не было массовым, но уже при Хрущёве оно прорвалось в публичный дискурс. Стремление к подлинной, ненадуманной социальности стимулировало оттепель, а оттепель, в свою очередь, создавала благоприятную среду для усиления подобного запроса. С наступлением застоя этот запрос стал только еще более обостренным и присущим еще большему количеству людей.

Ну а если вернуться к Сталину, то атомизация 1930-х гг. вылилась в подчинение всех общественных структур партии, деятелей культуры объединили в послушные власти творческие союзы. Основные черты послевоенного общества определяли Победа, авторитет фронтовиков, увидевших западный мир, взлёт религиозности, особые настрой и представления о мирной жизни. Кинорежиссер Александр Довженко в конце войны фиксирует: «У народа есть какая-то массовая огромная потребность каких-то других, новых формах жизни на земле. Это я слышу всюду. Этого я не слышал и не слышу только среди руководящих лиц»^{*}.

Если говорить о сегодняшнем обществе, то несмотря на массируемую критику со стороны Запада, экономи-

^{*} Бордюгов Г.А. Большевики и национальная хоругвь // Родина. - 1995. - № 5. - С. 73.

ческие санкции и контрсанкции, демонизацию Путина, ухудшение материального положения, интеллектуальную и нравственную атмосферу в стране определяет поколение, испытавшее на себе «лихие» 1990-е гг. Общество противодействует попыткам Запада «поставить Россию на место», но при этом остро полемизирует по вектору и способам дальнейшего движения страны.

Не вдаваясь в полемику об открытом или скрытом противостоянии власти и общества, хочу внести два существенных уточнения. Во-первых, взаимоотношения власти и общества должны описываться гораздо более сложной моделью, нежели просто конфликтом. Имели место и сотрудничество, и взаимные апелляции друг к другу – равно как и своеобразная игра в поддавки, обоюдные заигрывания по собственным, разработанным каждой из сторон для себя сценариям-либо по режиссуре стороны противоположной. Во-вторых, все-таки необходимо разобраться с тем, что собой представляет общество, прежде всего его ключевой сегмент, а именно – сообщество профессионалов, которое во многом брало на себя те самые функции, которые в классических демократиях традиционно выполняет гражданское общество. Причем советская власть вынуждена была не просто мириться с существованием подобного «гражданского общества», но и идти ему на определенные уступки, немислимые применительно к обществу остальному – массовому, находившемуся за пределами этого избранного круга профессионалов. Диапазон таких поблажек был весьма широким – от разного рода

привилегий и спецпайков до того, что сообществу профессионалов дозволялось кроме официальной коммунистической идеологии исповедовать что-то ещё. Скажем, когда после войны потребовалось в кратчайшие сроки создать собственный атомный проект, власть согласилась даже на фактическое «отключение» партийной инфраструктуры от всей атомной отрасли. А в годы «застоя» советское руководство как бы не замечало откровенно диссидентских настроений, ставших в то время чуть ли не господствующими в самых разных группах профессионального сообщества.

– Известный русский мыслитель Петр Струве говорил о двух «противогосударственных началах» в нашей истории – казачестве и интеллигенции. Что объединяет эти два очень разных, на первый взгляд, феномена? И если интеллигенция – не синоним образованного класса или «слоя интеллектуалов», то что она такое в Вашем понимании? Какова ее миссия? И существует ли она вообще в качестве социальной реальности, за рамками интеллектуального конструирования?

– Казачество и интеллигенцию объединяет, на мой взгляд, то, что оба этих слоя действительно являлись альтернативой власти, испытывали на себе политику насилия, насильственного переселения, то есть депортацию, а также чистки, высылку за границу и лишение гражданских прав. Мне, безусловно, ближе вопросы, связанные

с историей интеллигенции. Многие мои коллеги отмечают, что интеллигенция – это социальный креативный слой, для которого первостепенное значение имеет генерирование идей, работа со смыслами и, безусловно, морально-этическое начало. Но дальше начинаются расхождения.

К примеру, уже упомянутый мной Дмитрий Андреев считает, что интеллигенция возникает из несвободы и условием её существования является идеократический режим. Следовательно, интеллигенции сейчас в России нет. Для меня же, учитывая в определении интеллигенции гносеологический, идеологический и особенно политический критерии (наличие инакомыслящих, отделяющих себя от либералов и радикалов, проблема отщепенства – заявление, что это государство я не понимаю, я от него отделяюсь), в отличие от XIX–XX вв., сложились иные основания для её характеристики и понимания её функций. Да, можно не говорить о ней как о социальном слое, как о носителе идеологии. Можно не соглашаться с тем, что она стремится подчинить людей этой идеологии, как это делали большевики со своей утопической целью реформировать народ и создать нового человека. Сейчас иная социальная структура в стране, иной уровень образования, а значит, можно говорить об интеллигентности как о качестве каждого человека. Для меня интеллигенцией являются сегодня те люди, чьё поведение связано с солидарностью. Солидарностью с родителями, спасающими детей от тяжелых болезней, судьями, противостоящими

коррупции в своей среде, журналистами и юристами, которые борются за искоренение пыток заключенных в тюрьмах. Возможно, именно в этом, на мой взгляд, и состоит новая самоидентификация интеллигенции, от этого зависит её расположение в треугольнике «гражданское общество – интеллигенция – власть».

Интеллигенция уже не поводырь для народа, как раньше. Народ знает, куда идти и как жить. Но интеллигенция остается хранителем культуры, она может быть посредником между, например, народом и представителями высокой культуры, между народом и властью. Такие практики реально существуют в обществе, но мы часто не фокусируем на них того внимания, которого они заслуживают. Когда политика стала публичной, каждый интеллигент для себя решает – служить «денежным мешкам» или народу. И здесь вспоминается трагический рецепт из заключительного раздела «Заката Европы» Освальда Шпенглера: «Финальную схватку между деньгами и народом может разрешить появление цезаризма. Появление цезаризма сокрушает диктатуру денег и ее политическое оружие – демократию... Меч одерживает победу над деньгами, воля господствовать снова подчиняет волю к добыче... Силу может ниспровергнуть только другая сила, а не принцип, и перед лицом денег никакой иной силы не существует. Деньги будут преодолены и упразднены только кровью»^{*}. Противостоять этому опять-таки может страте-

^{*} Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. С. 538.

гия солидарности, понимание и отстаивание интеллигенцией социальных прав других людей. К тому же в 1990-е гг. интеллигенция сама пережила испытание бедностью, унижением, когда люди массовых интеллигентных профессий стали «бюджетниками, оказывающими населению услуги».

Если говорить об итогах XIX и XX вв., то следует подчеркнуть, что интеллигенция пережила несколько иллюзий. Например, представление о том, что можно народ, народные культуру и верования перевести на язык науки и оформить в рациональных понятиях. Или любовь к хождению во власть, которая оказалась гораздо более сильной и горячей, чем к хождению в противоположном направлении – в народ. И этой своей страстью наша интеллигенция разительно отличалась от западных интеллектуалов. Те – если, например, говорить о Франции начиная с эпохи Второй империи, а то и раньше – всегда с удовольствием критиковали власть, провоцировали её на реформы, выступали горячим материалом для революций. Но всякий раз, одержав идейные – а значит, и политические – победы над теми или иными режимами от Наполеона III и до де Голля, они отказывались идти во власть и предпочитали сохранять дистанцию между собой и новым режимом, утвердившимся во многом их стараниями, укрепляли институции гражданского общества. У нас же многие представители интеллигенции традиционно вели себя прямо противоположным образом: испуганно боролись с властью, обвиняя её подчас даже в тех

грехах, которые она вовсе и не совершала, но, когда им удавалось эту самую власть свалить, они изо всех сил устремлялись на освободившиеся вакансии. Безусловно, это нарушает равновесие в упоминавшемся треугольнике «гражданское общество – интеллигенция – власть».

– В русском обществе на протяжении веков формировалось представление о власти как о главном вызове и угрозе для свободы. Но продвигалась ли Россия ближе к свободе, когда наступал коллапс власти и хаотизация? Так было и в период «Смуты», выход из которой был зарифмован с укреплением крепостничества. Так стало и в 1917 году, когда праздник свободы завершился победой большевиков? В чем опасность хаоса для свободы? И не стоит ли эту угрозу рассматривать, как опасность бóльшую, чем авторитарная власть?

– Давайте не забывать, что часто именно власть потворствовала, а порой и организовывала хаос и анархию. Вспомним, как в декабре 1905 г. возник Союз русского народа, и Николай II первым надел на себя значок этой организации, на котором под восьмиконечным православным крестом имелась надпись: «За веру, царя и отечество». Император обратился к народу с воззванием, которое, пожалуй, не имеет аналогов в истории: «Объединяйтесь, русские люди. Я рассчитываю на вас. Я верю, что с вашей помощью мне и русскому народу удастся победить врагов России. Возложенное на меня в Кремле Московском бре-

мя власти я буду нести сам и уверен, что русский народ поможет мне. Во власти я дам отчет перед Богом. Поблагодарите всех русских людей, примкнувших к Союзу русского народа. Николай. 23 декабря 1905 года»^{*}.

Безусловно, надо отличать выступления против революции от самосудов, погромов – часто на этнической основе. Поначалу мимолетно воспринимались выходки черносотенцев, появление множества авантюристов – людей без прошлого, с вымышленными биографиями. Но чем дальше, тем больше давали о себе знать «грязная пена» революции и аморальные поступки ее участников. Погромы со стороны «патриотов» прокатились по сотне городов 36 губерний России. В настоящей осаде погромщиков оказались университеты и гимназии.

А в 1917 г. все это повторилось снова. В феврале–марте очевидцы видели и трупы жандармов со вспоротыми животами в Петрограде, и дикую охоту на офицеров в Кронштадте и Гельсингфорсе, и самосуды в Луге и Ельце, и многие другие жестокости. «Родник живого народного творчества» нередко рождал такое, что отнюдь не соответствовало первоначальным ожиданиям революционеров. «Стихийный» социализм угнетенных содержал в себе не только созидательные, но и деструктивные начала. Те, кто столкнулся с ними, готовы были подписаться под сло-

^{*} Избирательная программа (в связи с выборами в Государственную думу), принятая I Всероссийским съездом уполномоченных отделов Союза русского народа и обязательная для всех отделов // Правые партии: документы и материалы, 1905–1917 гг.: в 2 т. М.: РОССПЭН. 1998. Т. 1. Правые партии 1905–1910 гг. С. 190–197.

вами Питирима Сорокина о том, что в революции в человеке «просыпается не только зверь, но и дурак»^{*}. Поражало поведение людей, но еще больше изумляла быстрая девальвация идеи демократии, причем со стороны как верхов, так и низов. В результате выбор совершался не между той или иной формой демократии, а между диктатурами «красной» и «белой».

Представление о хаосе со всеми сопутствующими факторами реанимировали 1991 и 1993 гг. Сейчас трудно уже предположить, как выполнялась бы программа ГКЧП. Однако то, что с тревогой ожидалось в случае победы путчистов, неожиданно проявилось в поведении демороссов, действовавших, по сути, как необольшевики. Такие рецидивы, как погром ЦК КПСС, сам способ захвата и делажа партийного имущества, идеологическая кампания типа «расследования о деньгах КПСС» с целью создания образа врага, чуть было не начавшаяся «охота на ведьм», – всё это мало чем отличалось от большевистских методов. Лидеры «Демократической России», сторонники суверенизации бывшей РСФСР признавали, что с правовой точки зрения идея Беловежских соглашений о прекращении существования СССР ничуть не более законна, чем идея ГКЧП. События сентября–октября 1993 г. подтвердили неслучайность этого. Но уже тогда можно было зафиксировать цепочку фактов перерастания чрезвычайных мер в «чрезвычайщину», использование чрезвычайного положения для получения права на произвол. Это провоциро-

^{*} Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар, 1991. С. 87

валось еще и тем, что ситуация оценивалась как акт гражданской войны между «красно-коричневыми» и «демократами». Но, увы, уже нынешним поколениям невозможно забыть такие рецидивы «чрезвычайщины», как призыв «уничтожить гадину», как объявление чуть ли не трети населения «коммуно-фашистским», как обращение доносить о лицах, проживающих в Москве без прописки, как выдворение из столицы приезжих с Кавказа, как избиения и издевательства, творимые правоохранителями по отношению к задержанным гражданам.

Есть ли выходы из хаоса? Есть. Для этого необходима прежде всего политическая воля. В 1905 г. Комитет министров, передавая полномочия Совету министров, предложил срочно пересмотреть законодательство об усиленной и чрезвычайной охране, введенное еще в августе 1881 г. За это же выступило и Особое совещание. Оно признало, что выросло целое поколение, которое не видело иного порядка поддержания общественного благоустройства, не видело применения нормальных законов и, сталкиваясь с распоряжениями, вытекавшими не из прямого смысла общих законов, а из предоставленных исключительными правилами полномочий, утрачивало сознание их исключительности, теряло чувство законности и в то же время проникалось недовольством к произволу власти.

По-другому поступили революционеры после Февральской революции 1917 г.: полиция и охранка были просто распущены. Большевики, объявившие массовый террор формой управления, начиная с осени 1918 г. стали отказываться от этой политики. Так им удалось удержать

власть на ограниченной территории России. Симптоматичным признаком неожиданного поворота стало появление 13 августа в «Правде» статьи Николая Бухарина «Порядок». В ней он попытался как раз опереться на господствующее чувство по крайней мере городского среднего обывателя. Это был довольно значительный слой. Большевики его потеряли и не особенно привлекали к сотрудничеству. А такое сотрудничество было крайне необходимым, так как от этого слоя зависело налаживание порядка. Представители данного слоя были готовы «голосовать хоть за царя, хоть за самого черта, лишь бы эти силы гарантировали ему, что на улицах не будет стрельбы». Ленину удалось благодаря невероятным усилиям выйти из Гражданской войны в пространство более или менее либерального режима властвования. Сталин же из своей «революции сверху» – свертывания нэпа, сплошной коллективизации и раскрестьянивания – и заданной ею логики действий выйти не смог или не захотел, поскольку в любом движении «назад» видел угрозу своей власти. Более того, он возвел чрезвычайные меры в постоянную систему управления. Таким он видел возврат к государственности, вводившей стихию в берега стабильности. А если говорить о Ельцине, то он, как мы помним, сначала подталкивал страну к хаосу для захвата власти, переделу государственной собственности и освобождению России от Советского Союза, а затем с трудом наводил порядок для возвращения к государственности.

Наследие Советского Союза. Исполняется 100 лет со дня образования СССР

Беседа
с Валерием Выжutowичем*



Важная дата в отечественной истории: 30 декабря исполняется 100 лет со дня основания Союза Советских Социалистических Республик. Государства, возникшего на обломках Российской империи и просуществовавшего почти 70 лет. Страны, которая изменила мир, которую помнят и о которой до сих пор спорят.

– Как бы вы прокомментировали заявление, сделанное в начале декабря: «В Кремле считают образование СССР важной частью истории России, но праздновать столетие этого события не будут»?

– Мне кажется, что в этой позиции заключена квинтэссенция идеологического фундамента нынешней политической системы. С одной стороны, нельзя не заметить того однозначного позитива, который связывается с советским опытом. Он не клеймится, не затапывается, не предается

* Российская газета. 2022, декабря.

анафеме. Ему воздается должное – как важной части единой истории. Но с другой стороны, стоит ли праздновать юбилей возникновения модели, последствия дефектов которой приходится кровью и потом преодолевать на протяжении всей тридцатилетней постсоветской истории? Отсюда и установка: отмечать, но не праздновать. К тому же у России на протяжении последних десяти лет складывается контрпроект СССР – свое пространство памяти о формировании российской государственности с символической датой рождения гражданской нации – 4 ноября. В этом новом пространстве и переплавляется память об СССР.

– В образе Советского Союза много ностальгического. По мнению некоторых политологов, образ «хорошего Советского Союза» постоянно присутствует в подходах современных российских элит к выработке политического курса и в пропаганде.

– Так и есть. Вы, наверное, вспомнили использование для российской вакцины против COVID-19 наименования «Спутник V», которое вызвало ассоциации с первым искусственным спутником Земли, который был запущен СССР в 1957 году. Советская космическая программа до сих пор рассматривается как самая большая технологическая «история успеха» в СССР.

– Однако «наследие прошлого» не может поддерживаться вечно, особенно если предлагаемые «мен-

тальные модели» не разделяются молодым поколением. Правда, это не значит, что у молодежи нет интереса к проекту СССР. Его столетие связано с обратным отсчетом, то есть с возвращением в прошлое, прохождением его болевых точек. Вы готовы ретроспективно пройти по десятилетиям истории СССР?

– Давайте попробуем. 30 декабря 1922 года часто подавалось как праздник в Большом театре, где подписание Союзного договора сопровождалось, по воспоминаниям участников, концертом мастеров из республик и даже выходом на сцену живого верблюда. Так в памяти причудливо трансформировалась лошадь, появлявшаяся в спектакле-балете «Дон Кихот» Минкуса, сцены которого составили второе отделение концерта, прошедшего накануне Первого съезда Советов. Однако за кулисами праздника разворачивалась острая борьба между коммунистами разных республик за принципы объединения.

– И какая же модель новой государственности была избрана? Ведь известно, что ее создатель Ленин поначалу верил, что новое общество лучше строить в рамках унитарного государства.

– Но в ходе Гражданской войны он впервые согласился с тем, что создание национальных государств более предпочтительно. При этом подчеркивалась условность и временность образований такого рода. И когда сформировались самостоятельные независимые советские рес-

публики – Украинская и Белорусская, а после советизации Закавказья появились Азербайджанская, Армянская и Грузинская республика, – все они заключили договорные отношения с Российской Федерацией. Эта непрочная конструкция и служила сплочению народов страны, и усиливала центростремительные тенденции. В 1922–1924 годах была заложена ассиметричная федерация с разным статусом субъектов, особенно когда в союзные республики вошли автономии, то есть когда в системе было закреплено неравноправие.

– И как же снимались противоречия, возникавшие в этой сложной конструкции с неравноправными субъектами, да еще с разным уровнем развития?

– Партией большевиков, ячейки которой пронизывали все органы власти, все общественные организации и СМИ. Поэтому партия превратилась в высшего арбитра, а ее лидеры наделялись культовыми чертами. Ленин, умиравший и парализованный человек, до последнего отстаивал свой проект договорного СССР, уважение прав национальностей и защиты этих прав государством. Сталина в то время больше интересовал не национальный вопрос, а власть и ее характер. Разве можно обеспечивать единство, если независимость республик была для него игрой? Через почти 70 лет именно с ликвидацией руководящей – по Конституции – роли КПСС и схваткой двух экстраординарных политиков, Горбачева и Ельцина, распад СССР стал неизбежным.

– И как же отмечались первые 10 лет СССР? Стало ли 30 декабря выходным днем, какое место заняла эта дата в системе советских праздников?

– Не стало, и заняло место после 7 ноября (Октябрьская революция), 22 апреля и 21 января (дни рождения и смерти Ленина) и 1 мая. А подавалась подлинная история создания СССР как почти стерильная, все возникавшие противоречия загонялись в зону антипамяти. В частности, установление национально-государственного статуса основного этноса РСФСР – русских. Попытки вынести обсуждение этого вопроса на партийные форумы пресекались.

– Да, хорошо известно, что Сталин и его окружение были противниками поиска форм самоопределения русских, считая, что нерусские народы восприняли бы идею русской национально-государственной организации как имперскую. Однако вопрос о русской республике закономерно был связан и с вопросом о русской коммунистической партии. Как решался этот вопрос?

– Отрицательно. Попытки Раковского, Мдивани, Султан-Галиева и других лидеров национальных республик приспособить, адаптировать единую партию и ее идеологию к специфике своих регионов расценивались как национал-уклонизм, причем с классовым подтекстом – буржуазный, а значит, подвергаемый репрессиям. В то же время со свертыванием нэпа, «большим скачком», мобилизационной политикой после прихода Гитлера к власти

в Германии в национальной политике усилился унитаризм, русскому этническому ядру возвращались ведущее положение и роль опоры советской государственности. Именно тогда был ограничен суверенитет союзных и автономных республик, хотя в сталинской Конституции СССР это не нашло своего отражения. В то же время стал распространяться ошибочный тезис о «решённости» национального вопроса в СССР. Идеологически – через навязывание обществу опережавших время концептов «советский народ» и «дружба народов», которые рассматривались как необходимый инструмент построения и сплочения общества нового типа. Однако эти концепты вскоре серьезно подорвал Большой террор с его «национальными операциями» 1937–1938 годов.

– И тем не менее понимание всеми нациями общей судьбы в условиях смертельной опасности ярко проявилось, когда Советскому Союзу в 1942 году исполнилось 20 лет, когда на защиту родины встало первое советское поколение. Неслучайно ведь власть перешла от «Интернационала» к Гимну СССР как единству, интеграции идей социализма и нации. А какие проблемы обнажила война в межнациональных отношениях?

– Ряду народов было отказано в патриотизме, выстраивалась иерархия значимости его проявлений у различных этносов, проживающих в стране. Эта дифференциация патриотизмов служила идеологическим обоснованием

крупномасштабных акций – депортации народов, пресечение ростков национального сознания. За известной приостановкой призыва в армию у ряда народов, к примеру, немцев Поволжья и крымских татар, последовало их принудительное переселение, сопровождавшееся потерей территории и государственности. Однако все, что нарушало восприятие безупречного лика Победы со сталинским профилем, вытеснялось из памяти и подпадало под неусыпный контроль соответствующих органов. В то же время Великая Отечественная война надолго определила глубокий трагический смысл памяти об СССР и о тех испытаниях, которые выпали на долю каждой нации. Победа несла в себе огромный энергетический заряд, компенсировала провалы, просчеты, предательства, ксенофобию и подозрительность. Перенесенные испытания вдохнули в людей оптимизм и веру в то, что всё изменится к лучшему. Росло осознание, что ни одна из союзных республик, кроме Российской, не смогла бы противостоять Гитлеру, но, объединив все свои потенциалы в составе СССР, они смогли сохранить свои существование и государственность.

– А была ли готова партийно-государственная верхушка по итогам войны к однозначной реабилитации имперства и окончательному укоренению русскости в качестве квазиидеологии?

– Крайне важный вопрос. Наступали новые времена и новое движение идеологического маятника. Попытки со-

единить национальное с интернациональным в его великорусско-советском обличье приобретали агрессивные формы борьбы с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом. В этой ситуации власть могла лишь пытаться усидеть на двух стульях – русском державном и интернациональном марксистском. Сталину в силу той сакральной роли, которую он приобрел к концу войны, это пока удавалось. Но в перспективе подобное балансирование неизбежно было обречено на крах.

– Сталин стоял у истоков новой государственности, принял ленинский ее вариант, но затем вложил в него свое понимание, причем без конституционного оформления. Тогда почему же нельзя было перейти к территориальному, а не этническому федерализму?

– Была избрана другая стратегия – выйти на создание советской социалистической нации, которой для перехода к коммунизму будут не нужны границы между классами, границы между территориями, автономия или федерация. Возможно, Сталин собирал силы и энергию, чтобы после наказания «народов-предателей», «судов чести», дел партийных националистов («ленинградское дело», «мингрельское дело») провести новую «великую чистку» для создания правильного, гомогенного общества советских людей. И в этом он мог опираться на успешно апробированные и поддержанные в массовом сознании идеи – опору на русских как «самую лучшую нацию» и сильную централизованную власть.

– А как Хрущев представлял развитие проекта СССР в свете новой партийной программы построения коммунизма?

– По мнению Хрущева, эта программа должна была чуть ли не автоматически привести к новой модели СССР, ускорить процессы сближения и ассимиляции народов. Такая уверенность имела основание – на фоне покорения космоса, проникновения вглубь атомного ядра и превращения Советского Союза в сверхдержаву проблема межнациональных отношений выдвинулась уже полностью решенной и не заслуживающей внимания как источник возможных вызовов в будущем. Новый лидер словно не видел, что оборотной стороной либерализации оказались обострение отношений между этническими элитами, территориальные противоречия. Передача многих функций управления республикам обернулась местничеством и усилением бюрократии, неважно какой национальности. Да, возвращение к «ленинским нормам» внесло изменения в иерархию народов, но не отменило самого факта ее существования. Среди республик – получателей помощи Центра выделась группа привилегированных, в их развитие вкладывались наибольшие средства. Это касалось Украины – не только в силу урона, нанесенного ей войной, но и с целью укрепления позиций советской власти на западе СССР. Благодаря освоению целинных земель одно из ведущих мест среди союзных республик занял Казахстан. В своеобразную зажиточную «витрину социализма» превратились республики Прибалтики. Наконец,

с довоенных времен сохранялось особое положение родины Сталина – Грузии. А в качестве основного донора развития всех республик выступала РСФСР.

– Старшие поколения помнят, с какой помпой отмечалось 50-летие СССР в 1972 году. Трудовые вахты, фестивали, выставки, двухдневное торжественное заседание в Кремлевском дворце съездов, на которое прибыли свыше 100 лидеров зарубежных стран. В центре юбилея находился Брежнев, для которого если и существовали проблемы и конфликты, то они объяснялись националистическими предрассудками. А действительно ли была такая благостная картина в стране?

– К сожалению, правящая партия не реагировала адекватно на этнические столкновения (Ереван-65, Абхазия-67, Ташкент-69, Каунас-72) и на то, как даже коммунисты заряжались националистическими идеями и ксенофобией. Реальный анализ межнациональных отношений был принесен в жертву политической конъюнктуре и надуманному «развитому социализму». Вместе с тем именно в 1970-е годы национальная карта стала эффективным инструментом в борьбе между различными группировками, существовавшими в высшем партийно-государственном руководстве страны: сторонниками консервации существовавшего порядка и их оппонентами, предлагавшими идеологию конвергенции. Понятно, что такое разделение было условным – обе силы наперебой

стремились выставить себя истинными поборниками марксизма. Но было и то, что кардинально их разделяло: если «националы» стремились в той или иной степени продолжить сталинскую линию на аккуратную реабилитацию русского имперства, то «западники» именно этому более всего и препятствовали. Такие колебания расшатывали власть и делали необратимым усиление межнациональных противоречий в СССР. И хотя брежневская Конституция 1977 года сохранила федерализм национально-государственных образований, в ходе обсуждения ее проекта предлагалось отказаться от этнической федеральной структуры и разделения на союзные республики, так как они объективно затрудняли сближение наций и создавало лишние экономические барьеры.

– Не потому ли в поисках путей предупреждения кризисных явлений Андропов и его окружение рассматривали возможные пути реформирования советского государства? Пространство памяти, связанное с 60-летием СССР, казалось, мало чем отличалось от предыдущих десятилетий. Никто в 1982 году не мог предполагать, что эта историческая дата станет последним юбилеем.

– Действительно, несмотря на неизменность юбилейного ритуала, все больше ощущались разрывы и нестыковки в межнациональных отношениях. Участились массовые беспорядки и стихийные протесты на национальной почве, сообщения о которых строго цензурировались (Целино-

град-79, Таллин-80, Орджоникидзе-81). Произошёл перелом в демографической динамике, причем не в пользу русского населения страны. Одной из внутренних угроз стабильности рассматривалось возрождение русского самосознания и русского национального движения, обозначенных как «русизм», который не сводился к национализму, а замахивался на переустройство всего строя. В поисках путей предупреждения кризисных явлений новый генсек Андропов и его окружение серьезно рассматривали возможные пути реформирования государства и отчасти предприняли шаги в этом направлении. Требовались разгрузка центра и перераспределение его полномочий в сторону республик, рассматривались варианты разделения России на федеральные округа, а Советского Союза – на межреспубликанские экономические зоны, создания бюро ЦК КПСС по Прибалтике, Закавказью, Средней Азии для преодоления растущего изоляционизма партийных организаций и восстановления их контроля над разными этажами бюрократии. Все это так и осталось планами.

– 1991 год вошел в историю как год двух заговоров – ГКЧП в августе и беловежского сговора в декабре. Им предшествовала целая полоса преобразований, которые вышли из-под контроля власти и привели к трагическому обострению межнациональных отношений (Алма-Ата-86, Фергана-89, Тбилиси-89, Сумгаит-Баку-89–90 и др.) и распаду СССР. 70-летие стало несо-

стоявшимся юбилеем, к 30 декабря 1992 года пространство памяти о Советском Союзе развалилось, быстро исчезли заповедные зоны антипамяти о нем.

– Однако из всего этого один урок Россией был извлечен – соперничество доктрины договорной федерации и конституционной федерации завершилось принятием новой Конституции 1993 года. Она провозглашала, что носителем суверенитета и единственным источником власти являются не республики, а «многонациональный народ» России. Это исключало советский конфедеративный принцип о «праве наций на самоопределение вплоть до отделения». Правда, как показало 80-летие СССР (2002 год), резкого разрыва с прежним единым государством не произошло, оно оставалось опорой для формирования новых суверенных государств. А уже к 90-летию несуществующего СССР (2012 год) в России стала укрепляться концепция гражданской федерации, и политика ориентировалась на общегражданские приоритеты. Это определяло отношение к Советскому Союзу, к памяти о нем и его опыту.

– И здесь мы подошли к 100-летию, когда бывшее советское пространство сотрясают бои на Украине, военные действия в Нагорном Карабахе, пограничные столкновения в Средней Азии. Всё это – результат исходных принципов создания СССР, которые были законсервированы и не изменялись в соответствии с вызовами времени, или последствия распада СССР?

– Получается парадокс: события 2014–2022 годов были предопределены одновременно и существовавшей моделью союзной государственности, и ее распадом. Но этот парадокс лишь видимый. На самом деле модель СССР, возникшая в 1922 году, на протяжении всего своего существования была амбивалентной – и фатально дефектной, и содержащей в себе колоссальный созидательный потенциал. Все зависело от того, как власть управлялась с этой моделью. К сожалению, бездумностей и легкомысленных шагов оказалось неизмеримо больше, нежели взвешенных и грамотных решений. Отсюда и результаты – 1991 год, а потом, тридцать лет спустя, и 2022 год. В очередной раз в непродолжительной истории России в качестве нового государства.

При большевиках модернизация, пусть и примитивная, все же состоялась

*Беседа с ведущим экспертом
Президентской академии
Аланом Касаевым**



– 30 декабря – сто лет со дня образования Союза Советских Социалистических Республик. В течение всего нынешнего года большой авторский коллектив Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI) под вашим началом работал над проектом, посвящённым вековому юбилею образования СССР. В чём смысл этой работы? Разве за последние десятилетия не все оценки этому явлению – Советскому Союзу – были даны?

– Настоящие оценки впереди, потому что ещё не сложилась необходимая историческая дистанция, с одной стороны, не все последствия разрушения уникальной государственности нам очевидны, что подтвердили события уходящего года. В рамках же проекта «СССР-100», точно также, как это проводилось в аналогичных экспертизах – «Победа-70», «Революция-100», «Победа-75», мы анализи-

* Economy Times. 2022, 30 декабря.

ровали рецепцию определённого исторического феномена (в данном случае – Советского Союза) в России, на постсоветском пространстве и в мире в целом. В прикладном плане новое экспертно-аналитическое исследование включало в себя отражение памяти о Советском Союзе в странах постсоветского пространства, РФ и мире, их печатных и электронных СМИ, пространстве Сети, произведениях художественной литературы и кино, официальных, общественных и оппозиционных публичных акциях, в специальных выставочных и музейных мероприятиях, научных исследованиях, архивно-исторических и документальных публикациях на всем постсоветском пространстве.

– Насколько мне известно, вы взяли на себя анализ того, как каждое десятилетие, начиная с 1932 года, менялся характер государственного образования, какими смыслами и ритуалами обставлялись проходимые им юбилеи.

– Добавлю к этому – как эта память об СССР используется для фокусированной актуализации прошлого ради нужд настоящего, как соотносится с историей, которая «подозрительна к памяти» (Пьер Нора).

– Хотелось бы побеседовать с вами об экономических аспектах советской государственности, которые нечасто затрагиваются в исторических трудах. Ну вот, например, Советский Союз образовался как раз тогда,

когда начался нэп. Это совпадение или в этом есть более глубокий смысл или даже замысел?

– Процесс образования СССР был сложным и противоречивым. После завершения Гражданской войны большевики стали искать новые формы объединения территорий, ранее входивших в состав Российской империи. Но прежде всего необходимо было отказаться от политики «военного коммунизма», преодолеть продовольственный кризис и угрозу голода, вызванного засухой 1921 года. Взаимопомощь, в том числе и международная, позволяла ослабить последствия голода. России нужна была поддержка советских республик, с которыми еще до образования Союза были установлены двусторонние отношения. Для поставок продовольствия необходимо было свободно перемещаться. Единое государство, единая железнодорожная сеть создавали для этого оптимальные условия. Но к осуществлению нэпа повсюду партийные и советские органы пострадавших регионов приступали в разное время, вплоть до 1925 года. Надо также учесть, что при введении нэпа у большевиков были опасения о возможности экономического отпадения окраин от центра. Ряд республик и так называемые независимцы устанавливали сепаратные экономические связи с капиталистическими странами и грезил о собственной валюте. Не секретом было желание, к примеру, украинских коммунистов отвести Москве только роль военной защиты. Грузинские коммунисты дали разрешение на открытие оттоманского банка в Тифлисе, что привело к обесцениванию грузин-

ских и русских денег и распространению в Закавказье турецких лир. Образование СССР, следование ленинскому его варианту сохраняло мировую перспективу революции и уравнивало поворот к нэпу, то есть к государственному капитализму, у которого в партии было много противников.

– А как повлияли кризисы, а затем и свёртывание нэпа, «порождавшего капитализм», на характер новой государственности?

– Прежде всего появился новый экономический стержень СССР, связанный не с нэпом, а с усилением позиций союзного центра в отношении союзных и автономных республик. В 1929 году их бюджеты были включены в единый государственный бюджет, союзно-республиканские наркоматы переводились в общесоюзные, а республиканские отрасли управления – в союзно-республиканские. Промышленные предприятия могли переходить из республиканского в союзное подчинение по решению СНК СССР или Президиума ЦИК СССР. Курс на индустриальный рывок, стремление в предельно сжатые сроки преодолеть технико-экономическую отсталость от западных держав неизбежно расширяли контроль центра над всеми регионами страны и их хозяйственными ресурсами. Посмотрите, что получила страна в результате реализации первого пятилетнего плана с 1928 года, хотя он не был выполнен. К 1932 году, то есть к 10-летию образования СССР, появилась угольно-металлургическая база на Урале

и в Сибири, которая имела важное значение для подъёма отсталых полукучевых районов Казахстана, Средней Азии, Ойротии и Бурят-Монголии. В Татарии и Башкирии создавался «второй Баку». Якутия стала одним из центров добычи драгоценных и редких металлов. Создание указанной базы отнюдь не означало свертывания промышленности на Украине. Факты свидетельствовали об ином: Донбасс давал около 40 млн тонн по сравнению с 30,7 млн в начале пятилетки, строились три новых металлургических гиганта – Запорожсталь, Азовсталь и Криворожсталь, завершалось строительство тракторного и турбинного заводов в Харькове, Луганского завода тяжелых паровозов и др. В Белоруссии были заново созданы машиностроение, радиопромышленность и энергетика, в Туркмении – химическая, текстильная и пищевая промышленность. В Закавказье темпы развития промышленности значительно превысили общесоюзные.

– Как быть с движущей силой индустриализации, давшей человеческие ресурсы для неё – со сплошной коллективизацией 1929–1930 годов, насильственной для большинства многонационального крестьянства?

– Факты, ранее засекреченные, подтверждают ваше замечание. Известно, что в Казахстане множество казахов собрали свой скот и имущество и мигрировали в китайский Туркестан или присоединились к басмаческому сопротивлению. Из Украины десятки тысяч крестьян бежа-

ли в Польшу, украинские и белорусские крестьяне также уходили в Румынию, Эстонию и Латвию. В процентном отношении сильнее пострадали именно представители национальных меньшинств. К примеру, среди западного сельского населения – финнов, эстонцев, латышей, немцев и др. – зажиточных хозяев было значительно больше, чем в среднем по стране, а бедняков было сравнительно немного. Вот почему высылка, в частности, ингерманландских кулаков из Ленинградской области в соседней Финляндии была воспринята как целенаправленное притеснение финнов-ингерманландцев и вызвала первый в межвоенный период дипломатический кризис в отношениях между Финляндией и СССР. Наконец, известное решение политбюро ЦК ВКП(б) 14 декабря 1932 года, в котором причины глубокого кризиса были связаны не с экономическими просчётами самой власти, в частности, сохранением, несмотря на засуху, прежних планов заготовки и экспорта зерна, не с репрессивными военно-коммунистическими мерами для обеспечения хлебозаготовок, а с национальным фактором политики. В секретном решении ЦК и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» провал был возложен прежде всего на украинизацию, которая, цитирую, «проводилась механически, без учета конкретных особенностей каждого района, без тщательного подбора большевистских украинских кадров, что облегчило буржуазно-националистическим элементам, петлюровцам и пр[очим] создание своих легальных прикрытий, своих

контрреволюционных ячеек и организаций». Голод 1932–1933 годов поразил огромную территорию Советского Союза с населением более 50 млн человек – Поволжье, Центрально-Чернозёмную область, Северный Кавказ, Урал, Крым, часть Западной Сибири, Казахстан, Украину и Белоруссию. Сравнение результатов переписей населения 1926 и 1937 годов (данные последней были засекречены) показывает, что в результате голода 1931–1933 годов население сократилось в Казахской ССР – на 30,9 %, в республиках и областях Поволжья – на 23 %, в Украинской ССР – на 20,5 %, в республиках и областях Северного Кавказа – на 20,4 %. На территории РСФСР (без учёта Казахской АССР) от голода погибли 2,5 млн человек. Общая численность погибших от голода составила около 7 млн человек.

– И как же после всего этого, а также массовых репрессий в годы Большого террора, депортаций меньшинств в 1939–1941 годах можно было противостоять гитлеровской Германии?

– Великая Отечественная война особым образом высветила феномен СССР как государства, сохранившего суверенитет и столкнувшегося с угрозой существования. Цели гитлеровской Германии были известны – ликвидировать Советское государство как колосс на глиняных ногах, поработить все народы страны и уничтожить «недочеловеков», в первую очередь евреев, «захвативших власть в России и создавших советскую тюрьму народов». Пропаганда нацистов давала свои результаты, иначе не возникли

бы различные антисоветские националистические отряды. Наибольшую силу представляли русские, украинские и прибалтийские вооружённые формирования. С середины 1942 года главному командованию вермахта удалось создать Русскую освободительную армию во главе с А.А. Власовым, а также учредить четыре националистических легиона – туркестанский, кавказско-магометанский, грузинский и армянский. Однако на войне речь шла о жизни и смерти целых народов, и это помогало большинству подняться выше «классовых обид». Миллионы советских людей разных национальностей уходили на фронт и помогали фронту.

– Вот о помощи фронту, военной экономике я хотел бы узнать немного подробнее. Как это всё работало, как передвигались огромные массы людей разных национальностей, как адаптировались они в новых условиях?

– Это громадный вопрос, на который трудно ответить в сжатом виде. Могу лишь обратить внимание на главные аспекты. Военная экономика связана с резким усилением вмешательства государства, использованием прямых и косвенных средств регулирования для мобилизации рабочей силы, сырья, производственных мощностей, ограничением потребления населения. В летние и осенние месяцы 1941 года было демонтировано и вывезено из прифронтовой зоны в автономные республики и области Урала и Поволжья, в Сибирь, республики Средней Азии

свыше 2,5 тысяч предприятий, в том числе 65 % предприятий военно-промышленного комплекса. Из-за жесткой централизации управления союзные и автономные республики фактически не имели возможности руководить предприятиями, располагавшимися на их территории. Эти предприятия отправляли на фронт танки, артиллерийские установки и снаряды, одежду, обувь, продукты. Кроме того, южные республики принимали и размещали у себя эвакуированных, создавали госпитали для раненых. Решение этих непривычных задач проходило, безусловно, не без трудностей и раскрывало реальную картину межнациональных отношений.

– **Историки по-прежнему избегают говорить о вкладе в военную экономику системы ГУЛАГа?**

– Ну почему же? Назову приводимые в документах и литературе конкретные цифры. Общее количество заключённых к началу войны достигло 2,3 млн человек, в 1941–1944 годах в лагеря поступили ещё 2,5 млн заключённых, а убыли по разным причинам, в основном из-за высокой смертности, 3,4 млн человек, 900 тыс. из них были направлены на фронт в первые два года войны. В системе НКВД за военное время было добыто 315 т золота, 6,5 тыс. т никеля, 8,9 млн т угля. Немалое количество находившихся в заключении учёных, инженеров, конструкторов трудилось в «шарашках» – жаргонное название секретных особых технических и конструкторских бюро, подчинённых НКВД.

– Очевидно, что Великая Отечественная война надолго определила глубокий трагический смысл памяти об СССР и о тех испытаниях, которые выпали на долю каждой нации. Перенесённые испытания вдохнули в людей необыкновенные оптимизм и веру в то, что всё изменится к лучшему. Оправдались ли эти ожидания, как в дальнейшем изменялась структура и управление экономикой Союза?

– Начиная с середины 1950-х годов, впервые после войны и послевоенного восстановления, расширились права союзных республик в руководстве хозяйственным и социально-культурным строительством. С образованием в 1957 году 105 экономических районов (70 – в РСФСР, 11 – в Украинской ССР, в некоторых случаях ими стали республики целиком) расформировывалось 141 министерство центрального, центрально-республиканского и республиканского уровней. Эти органы заменялись территориальными советами народного хозяйства (совнархозами). В крупнейших республиках были образованы республиканские совнархозы и колхозно-совхозные комитеты. Из общесоюзного в республиканское подчинение было передано значительное количество предприятий, организаций и сельских хозяйств. Намерение Н.С. Хрущёва децентрализовать управление экономикой было обоснованным. Первые результаты реформы оказались вполне успешными. Однако постепенно совнархозы в интересах предприятий своих республик стали пренебрегать проблемами межотраслевых связей, показали неспособность руководить

многоотраслевой экономикой в условиях быстрого технологического развития. Всё это порождало не только местничество, когда каждый стремился продвинуть исключительно свои собственные дела, но и становилось основой для возрождения национализма. К примеру, руководитель украинских коммунистов П.Е. Шелест «борьбу за самостоятельную Украину» начал с того, что в середине 1960-х годов направил в президиум ЦК КПСС письмо, в котором предлагал предоставить республике право самостоятельно выступать на внешнем рынке. Заседание президиума сочло это предложение неправильным, а А.И. Микоян назвал его грубейшей политической ошибкой, ставящей под сомнение монополию внешней торговли СССР. *Шелеста тогда не сняли с должности-то ли за заслуги в заговоре против Хрущёва, то ли как нужную опору в борьбе Л.И. Брежнева против группы А.Н. Шелепина. Однако после смещения последнего был убран и Шелест.* Кстати, летом 1962 года началась работа над новой Конституцией СССР и в ходе её обсуждения раздавались мнения об упразднении республик на основе национального принципа, изжившего себя. Вместо этого предлагалось формировать республики по экономическим районам, разделив СССР на 9 таких районов: Дальневосточный, Западносибирский, Уральский, Среднеазиатский, Закавказский, Приволжский, Прибалтийский, Центральный, Северный.

– Но как известно, всё это не получило своего развития, всё это не вписывалось в утверждение Бреж-

нева о решенности национального вопроса, прозвучавшего на празднования 50-летия СССР в 1972 году.

– Хотя уже тогда было понятно, что оформилась такая государственная конструкция, в которой номинальная метрополия ущемлялась в пользу периферии. К примеру, производство на душу населения в РСФСР было в 1,5 раза выше, чем в других республиках (при том, что рост капиталовложений из госбюджета в Кавказ и Среднюю Азию был в 5–6 раз больше, чем в русские регионы), а потребление – в 3–4 раза ниже, чем в Грузии, Армении, Эстонии. Экономисты обращали внимание на несправедливость использования средств, выделяемых государством на ускоренное экономическое и социальное развитие союзных республик. Эти средства складывались преимущественно из налоговых отчислений от доходов всех республик в общесоюзную казну. Однако если в бюджеты среднеазиатских и закавказских республик назад возвращалось до 100 % от этих отчислений, в республики Прибалтики – в среднем 70–80 %, на Украину и в Белоруссию – 50–60 %, то в РСФСР – лишь немногим более 40 %.

– Не потому ли Ю.В. Андропов спустя 10 лет, в условиях нараставшего кризиса признал, что мы не знаем в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. На мой взгляд, это высказывание означало признание того, что объявленный «развитой социализм» был иллюзией.

– Поэтому Андропов искал и обсуждал варианты возможных изменений в политическом устройстве и экономической политике. Безусловно, это затрагивало и будущее национальных республик. А.И. Вольский, помощник генсека по экономике, вспоминал, как однажды его вызвал Юрий Владимирович и сказал, что у нас слишком много субъектов СССР, давайте сведем их все в 15–16 экономических регионов и сделаем их, как штаты в США. Естественно, обсуждение подобных шагов происходило в очень узком кругу и не подлежало гласности. Рассматривались варианты, во-первых, деления России на федеральные округа, а во-вторых, деления Советского Союза на экономические зоны – подобного хрущёвским совнархозам начала 60-х годов. Некоторые из них (Среднеазиатский, Закавказский, Западный, Прибалтийский) охватывали несколько союзных республик, а автономные республики РСФСР входили в 24, а затем и в 10 совнархозов, на которые в 1962 и 1963 годах была разделена территория Российской Федерации. Сразу надо оговориться, что ни один из вариантов, предлагавшихся Вольским, который привлёк к работе академика Е.П. Велихова, не был одобрен Андроповым.

– Как утверждают некоторые управленцы, сейчас сложно сказать, как бы Андропов решал возникшую к началу 1980-х годов проблему приведения в соответствие с возросшим уровнем развития республик форм и методов управления. Однако если вспомнить то,

как он понимал ленинскую теорию национального вопроса, можно предположить, что важным, если не главным, направлением андроповской национальной политики было бы перераспределение полномочий от центра к республикам.

– Всё верно. Об этом свидетельствуют и воспоминания Н.И. Рыжкова и В.И. Воротникова. Как считает Рыжков, команда специалистов по подготовке реформы хозяйственного механизма быстро пришла к выводу, что за союзным центром необходимо оставить только управление базовыми отраслями экономики, её каркасом, а всё, что так или иначе связано с жизнью и бытом людей полностью передать в ведение республиканских центров. Другой «выдвиженец» Андропова Воротников, ставший членом политбюро ЦК, также считал децентрализацию необходимой, так как централизация давила и сдерживала инициативу на местах. Ни Госплан, ни Госснаб, ни Минфин, ни другие экономические ведомства уже не в состоянии были «проворачивать» огромный экономический маховик страны. И конечно, нельзя упустить одно из направлений расчистки площадки для государственного переустройства. КГБ начало расследование «хлопкового дела» – собирательное название серии уголовных дел об экономических и коррупционных злоупотреблениях, выявленных в Узбекской ССР. Когда было собрано достаточно информации, Андропов вызвал к себе Ш.Р. Рашидова и ознакомил его с материалами. Как вспоминал помощник генсека А.М. Александров-Агентов, Рашидов вышел из кабинета «бледный как бумага».

– После распада СССР усилилось желание осмыслить его причины. Не стал исключением и этот год, связанный со 100-летием Союза. Традиционным, к примеру, стало объяснение, указывающее на отсутствие объективных причин исчезновения Союза и возлагающее всю вину исключительно на политиков и депутатов, разных гэкачепистов и беловежских заговорщиков.

– Я сторонник более сложных объяснений. Мне импонирует тезис о «четырёх имперских ловушках», сформулированный писателем и политологом Д.В. Драгунским. Первая состояла в том, что территориальная экспансия превращала страну в организм, ломающийся под собственной тяжестью. В пространство России вошли огромные фрагменты других культур, и всю чересполосицу народов, религий и жизненных укладов объединяла принадлежность к традиционной доиндустриальной цивилизации, между тем как на повестке дня стояли модернизация и реструктурирование империи. При большевиках эта модернизация, пусть примитивная, всё же состоялась. И здесь возникает вторая ловушка. Для модернизации необходимы были национальные кадры, составившие «питательный бульон для национализма». В ходе модернизации северо-запад страны стал индустриальным, а юго-восток остался традиционным. Тут СССР угодил в третью ловушку, в классический капкан «третьего мира». Высокий рост населения, необходимость социальных амортизаторов приводило к тому, что бедные регионы требова-

ли постоянных дотаций. Появилась четвёртая ловушка: эта помощь в основном перехватывалась местными этно-элитами, и происходило их сращивание с коррумпированным центром. В результате недовольными оказались все: и русские как доминирующий этнос, и народы национальных регионов. Единственным выходом стал демонтаж империи.

– А как вы относитесь к аргументации американского профессора Стивена Коэна, книгу которого «“Вопрос вопросов”: почему не стало Советского Союза?» ваша Ассоциация издавала три раза (2007, 2011, 2022)?

– Стивен Коэн сгруппировал шесть разных объяснений конца СССР и серьезно разобрал их. Выделю только некоторые из них. Например, о том, что основание советской системы было подточено неработающей экономикой, что привело к экономическому коллапсу. Однако, как считает Коэн, экономики «со стажем» обычно не терпят внезапный «крах». Кризис 1990–91 годов на самом деле не был кризисом советской экономики, которая демонстрировала рост ещё в 1985–89 годах. Граждане продолжали работать и получать зарплату. Промышленное производство начало резко падать, но сельскохозяйственные показатели оказались одними из самых высоких за десятилетия. Кризису способствовало то, что на руках у граждан оказалось гораздо больше свободных средств, чем когда-либо раньше. Этот товарный дефицит способствовал распро-

странению мифа о тотальном экономическом крахе, но проблема заключалась, прежде всего, в кризисе распределения. В ожидании неминуемого роста государственных цен и потребители, и поставщики припрятавали товары до лучших времён: первые, из страха перед ростом цен, делали запасы дома, а вторые, надеясь впоследствии получить большую прибыль, придерживали товары на складах. Недаром прилавки так быстро вновь заполнились товарами, причём не только импортными, стоило отпустить цены и девальвировать рубль. Как говорят в один голос многие западные и российские экономисты, «СССР убила политика, а не экономика». Экономика стала «заложницей политики».

– Если политики, то речь, как я понимаю, идёт о противоположной, но симбиотически связанной, воле двух экстраординарных политиков – М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина. Но является ли это объяснение исчерпывающим?

– Такой же вопрос задавал и Коэн. Опущу его подробный анализ различных факторов и остановлюсь на решающей версии. Распад Союза был «элитным» деянием, и, значит, объяснение нужно искать в поведении номенклатуры или отдельных её сегментов в конце 1980-х и начале 1990-х гг. На рубеже 1980-х и 1990-х годов небольшой, но занимающий стратегически выгодную позицию сегмент номенклатуры был занят тем, что вовсю «приватизировал» огромные богатства СССР. Представители этого

сегмента «превращали власть в собственность», а значит, потенциально, в ещё большую власть. И хотя официально приватизация была объявлена позже, при Ельцине, уже к концу 1991 года «стихийные» захваты собственности, как их называли, поглотили значительные участки советской экономики стоимостью в миллиарды долларов и грозили вылиться в «подлинную вакханалию перераспределения». Республиканские лидеры, следуя примеру Горбачёва, принялись перемещать центр тяжести своей власти со стремительно теряющей вес компартии в новые национальные парламенты и президентства. Советские элиты инстинктивно понимали, что собственность есть лучший способ обеспечить власть без авторитета и ресурсов партийного аппарата. Но так как под непосредственным контролем республик находилось менее десяти процентов советской экономики, национальные лидеры начали требовать «суверенитета», то есть полного права распоряжаться теми активами Союза, которые располагались на их территории.

30 лет – это все-таки мало

Интервью ведущей
Радио «Маяк»
Евгении Верницкой*



– Сегодня – повод прокрутить плёнку 30-летней истории вашей Ассоциации исследователей российского общества назад, подвести итоги. Но лучше не цифрами, а проектами, изданиями, именами партнеров, коллег и друзей, которые празднуют круглую дату.

– К сожалению, не все, кто внес незаменимый вклад в наше дело, могут сегодня радоваться вместе с нами. Профессор Стивен Коэн – уже два года 25 ноября русские друзья собираются на Коэн-день, а 2 сентября мы приходим на могилу нашего генерального директора Андрея Макарова на Новодевичьем кладбище. Вы предлагаете обратный отсчет... И при этом обратном отсчете выясняется, что мы сделали, сколько сделали – не меньше и не больше, и это уже история. Хотя 30 лет – это все еще поиски смысла, 30 лет – это все-таки мало.

– Известно, что самым трудным бывает начало пути. Как его оценят – неизвестно, как оно пройдет – тоже.

* Радио «Маяк», 2023, 31 марта.

Ассоциация поначалу объединяла представителей различных гуманитарных наук, однако политологи, социологи и другие вскоре разошлись по своим «квартирам». Историки же, отчаявшиеся решать свои научные проблемы в рамках академических и университетских учреждений, не желавшие больше иметь дело со старыми издательствами, в которых прочно застряли их книги, решили развернуть собственный проект издательских программ, прежде всего постоянных серий «Первая монография» и «Первая публикация». Затем мы стали искать выходы на оригинальные научные проекты, которые почему-то оказались не под силу традиционным научным структурам, начали активно взаимодействовать со славистскими центрами ведущих университетов Европы, США, Японии.

– И, конечно, с российскими научными фондами...

– Нет, с ними мы не взаимодействовали. Опыт их существования показал большую вероятность конкурса не идей, а должностей и связей. Слишком корпоративны элитные научные круги, слишком сегрегировано научное и околонаучное сообщество на «своих» и «чужих», слишком не приспособлена система грантов для проведения длительных, серьезных исследований. Конечно, негосударственный путь – независимые центры, ассоциации, временные творческие группы, – путь необычный и рискованный, особенно при отсутствии соответствующих традиций. Именно поэтому многие историки используют одновременно возможности государственных и независи-

мых учреждений. Последние, конечно, дают больше свободы, но они относительно, доступны для использования лишь в тех границах, которые не раздражают руководство заведения, к которому историк «приписан», с которым он по разным причинам не спешит прервать отношения.

– Вы сказали, что негосударственный путь – это риск.

Мы придерживались негласного правила: оптимисты побеждают! Довольно быстро стало очевидно, что избранные нами принципы работают. Это самопомощь и взаимопомощь, когда у государства не хватало сил на науку, а на смену идеологической подневольности пришла меркантильная зацикленность. Это открытость, поддержка свободных отношений с обществом, государством, зарубежными коллегами. Это стремление воспринимать историографический процесс с позиций преемственности и возможность выбирать разный интеллектуальный абсолютизм. Ассоциация помогала исследователям, входившим в те непростые времена в большую науку, элементарно выжить, не уйти в зарабатывание денег, а остаться в профессии. Нам много и многие помогали, были и влиятельные друзья. К сожалению, влиятельные – не значит всемогущие. Нам пришлось пережить и банкротство банка с нашими счетами, и нечестность некоторых коллег, на нас даже писали жалобы. Всякое было... Но всегда рядом были надежные партнеры, с которыми связаны наши самые амбициозные проекты.

– Пожалуйста, назовите наиболее важные из них.

– Прежде всего, серии «Первая монография», в которой опубликовано почти 50 книг молодых историков, и документальная серия «Первая публикация». Большой резонанс имел фундаментальный труд «Исторические исследования в России. Тенденции последних лет» (1996), над которым работали 25 историков. Его авторы исходили из того, что научная историография по-прежнему необходима. Она помогает понять, как и почему происходят изменения в науке, что представляет собой современное историческое сознание, как новые знания обретают новые формы, как проверяются выдвинутые концепции, будет ли история востребована вновь не только как знание, но и как инструмент осмысления происходящего. В 1998–1999 годах был осуществлен уникальный исследовательский проект, результатом которого стала коллективная монография «Национальные истории в советском и постсоветских государствах». Эта проблема впервые после распада СССР объединила историков России, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Молдавии, Таджикистана, Украины. Из этого проекта неизбежно выросал следующий «Мифы и мифология в современной России», поскольку мифы не только возродились и, как в свое время идеология, отвлекают от подлинной истории и действительной реальности, но и образовали странные смешения дореволюционных, советских и постсоветских мифов. Не могу не упомянуть трехтомник «Россия и Германия. XX век», 10-томное собрание сочинений Е.М. Примакова и двух-

томник «Неизвестный Примаков», четырехтомник «История торгово-промышленной палаты РФ», шеститомник «Русский мир в XX веке» и др.

В этой связи с благодарностью хотел бы назвать имена наших партнеров и друзей Стивена Коэна и Катрины ванден Хювел, Карла Аймермахера, Александра Михайловича Рыбакова и Александра Ивановича Шкирандо. В науке не бывает дружественности или недружественности. Поэтому сегодня необходимо вспомнить и других зарубежных историков, которые поддерживали нас на этапе становления и не только: Джон Морисон и Роберт Дэвис, Норман Неймарк и Пол Гобл, Алекс Рабинович и Ларс Ли, Харуки Вада и Такеси Томита, Дьюла Бебеша и Аттила Колонтари, Марк Юнге и Фальк Бомсдорф, Владимир Берелович и Бернд Бонвеч, Андреа Грациози и Эрик Кулавиг.

– А с какими именами российских историков связано каждое десятилетие Ассоциации? К примеру, первое десятилетие?

– В трудные 1990-е с идеями издания новаторских документальных сборников о Польше сталинских времен и советской оккупационной политике в Германии и Австрии пришли профессор МГУ Геннадий Матвеев и профессор МПГУ Анатолий Ложкин, который потом издаст у нас еще три монографии. Усилиями Сергея Щербины был создан образ и дизайн Ассоциации. В 2000-е годы Алан Касаев продвигал наши проекты в «Независимой газете», «Новом журнале», РИА Новости, с ним мы создавали на-

шумевший провидческий сборник «Владимир Путин. Рано подводить итоги», издать который нам очень помог Лев Дзугаев. Алан также являлся соруководителем проекта по изданию шеститомника «Русский мир в XX веке». Владимир Агеносов, профессор литературы, академик – наставник многих из присутствующих здесь своими книгами заметно расширил проблематику наших исследований, прежде всего, связанных с изучением литературы русского зарубежья, второй волны эмиграции. Профессор Борис Соколов – неизменный участник всех наших проектов и рецензент наших книг, а профессор Елена Анатольевна Котеленец – автор изданных у нас трех монографий о Ленине, 5-ти учебников, консультант разных проектов Ассоциации. Татьяна Баева и её брат Алексей выполнили уникальную работу по расшифровке документов и воссозданию биографии выдающегося академика Александра Александровича Баева. И, конечно, я с гордостью называю доктора исторических наук Дмитрия Андреева. Не скрою – моего главного советника и критика, соавтора и друга. Участниками наших конференций, семинаров и дружеских встреч были Сергей Бабурин, Александр Гельман, Екатерина Гениева, Евгений Евтушенко, Владлен Логинов, Федор Лукьянов, Владислав Малькевич, Дмитрий Муратов, Глеб Павловский, Юрий Поляков, Александр Проханов, Виталий Третьяков, Михаил Шатров и др.

– А когда появились ваши знаменитые международные мониторинги по историческим юбилеям?

– С ними на третьем десятилетии у Ассоциации открылось новое дыхание: «Победа-70 и 75», «Революция-100», «Ленин-150», «СССР-100». Результаты этих общественных аудитов были высоко оценены и получили ряд престижных премий. Я рад, что сегодня с нами на празднике самые активные и оригинальные, никогда не подводящие участники этих проектов – профессор Пекинского университета иностранных языков Инна Ли, политолог, публицист и аналитик Владимир Скачко, Ольга Чагадаева и Ольга Голечкова. На протяжении этого десятилетия Ассоциация сотрудничала с ПЭН-Москва во главе с Надеждой Ажгихиной, которая активно продвигала наши общественные аудиты, с историческим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова и филологическим факультетом РУДН, редакциями журнала «Вопросы истории» и «Историческая экспертиза», «Российской газетой» и её обозревателем Валерием Выжutowичем, Музеем им. М.В. Фрунзе и её замечательным директором Любовью Королевой, движением «Доблесть Отечества» и журнала «Солдаты России», руководители которых Анна и Олег Баканачи тоже сегодня с нами. Ассоциация возвращается к сотрудничеству с издательством и типографией «Пробел» – Иваном и Алексеем Плигиными. Теплые отношения связывают нас с «Метрополем» – Екатериной Егоровой.

– Я все-таки не удержусь и в заключение спрошу: а какими цифрами можно измерить деятельность АИРО-XXI?

– За три десятилетия почти 950 российских и зарубежных авторов создали благодаря Ассоциации более 550 книг, реализовали 25 больших научных проектов. В нашем издательском портфеле на ближайший год 10 новых рукописей, в том числе молодых авторов «Первой монографии» – Марии Лаврентьевой, Ирины Петришиной, Марии Афанасьевой. Новое поколение пишет свою историю...

Избранная библиография трудов Г.А. Бордюгова

I. Книги

- История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества / Г.А. Бордюгов, В.А. Козлов. – М.: Политиздат, 1992.
- Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки / Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков, В.Ю. Чураков. – М.: Русский мир, 1998.
- Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс, X–XXI вв. / Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов. – М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
- Чрезвычайный век российской истории: четыре фрагмента / Г.А. Бордюгов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
- Пространство памяти: Великая Победа и власть / Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов. – М.: АИРО, 2005.
- Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447 / Марк Юнге, Геннадий Бордюгов, Рольф Биннер. – М.: Новый Хронограф, 2008.
- Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти / Геннадий Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2010.
- «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Геннадий Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2011.
- Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь / Г.А. Бордюгов, В.М. Бухараев. – М.: АИРО-XXI, 2011.
- Настоящая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века / Геннадий Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2012.
- Русский мир и Россия: формирование нового типа отношений. 1986–2000 гг. / Геннадий Бордюгов, Алан Касаев. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014.

- Торгово-промышленные палаты и биржевые комитеты России в годы Первой мировой войны / Г.А. Бордюгов, А.М. Рыбаков, Б.В. Соколов. – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2014.
- Всесоюзная Торговая палата в годы Второй мировой войны, 1939–1945 гг. / Г.А. Бордюгов, А.М. Рыбаков, Б.В. Соколов. – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2015.
- Пространства российской истории XX–XXI веков / Геннадий Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2019.
- Торгово-промышленная палата СССР в 1946–1991 гг. / Г.А. Бордюгов, А.М. Рыбаков, Б.В. Соколов. – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2019.
- Сталин: культ юбилеев в пространствах памяти и власти / Г.А. Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2019.
- Евгений Максимович Примаков: судьба и эпоха / Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов, А.М. Рыбаков. – М.: Издательство «Российская газета»; АИРО-XXI, 2019.
- Евгений Максимович Примаков: судьба и эпоха / Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов, А.М. Рыбаков (на китайском языке). – Нанкин, 2020.
- Ленин: культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры / Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец / С Приложением С.П. Щербины. – М.: АИРО-XXI, 2020.
- Торгово-промышленная палата Российской Федерации в 1991–2020 гг. / Г.А. Бордюгов, Н.И. Дедков, А.М. Рыбаков. – М.: ТПП РФ; ЦНИ «Актуальная история», 2021.
- СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историях / Г.А. Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2022. – Изд. 2-е, расширенное и дополненное. – М.: Пробел-2000, 2023.

II. Сборники документов, собрания сочинений

- СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949. Сб. документов / Под ред., составл. и коммент. Бернда Бонвеча, Геннадия Бордюгова. Предисл. Нормана Неймарка. – М.: Россия молодая, 1994.

- Moszkvanak Jelentjuk... Titkos dokumentumok 1944–1948 / G. Bordiugov, M. Kun. – Budapest: Szazadveg Kiado, 1994.
- СССР – Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949 гг. Сб. документов / Под ред., предисл., сост. и коммент. Геннадия Бордюгова, Геннадия Матвеева, Адама Косеского, Анджея Пачковского. – М.: АИРО-XX, 1995.
- Polska–ZSRR. Struktury podleglosci. Dokumenty WKP(B) 1944–1949 / Opracowali *Giennadij A. Bordiugow, Aleksander Kochanski, Adam Koseski, Giennadij Matwiejew, Andrzej Paczkowski*. – Warszawa: Institut Studiow Politycznych PAN, 1995.
- Неизвестный Богданов: В 3-х томах / Под общей ред., сост. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 1994–1995.
- Т. 1: А.А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901–1928. 1994.
- Т. 2: А.А. Богданов и группа «Вперёд». 1995.
- Т. 3: А.А. Богданов. Отлучение от марксизма. 1995.
- Тюремные рукописи Н.И. Бухарина / Под общей ред. Г.А. Бордюгова. Предисл. Ст. Козна. – М.: АИРО-XX, 1996.
- Кн. 1: Социализм и его культура.
- Кн. 2: Философские арабески.
- Sowjetische Politik in der SBZ 1945–1949. Dokumente zur Taetigkeit der Propagandaverwaltung (Informationsverwaltung) der SMAD unter Sergej Tjul'panov / Bernd Bonwetsch, Gennadij Bordjugov, *Norman M. Naimark*. – Bonn: *Verlag J.H.W. Dietz* Nachfolger, 1997.
- 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. / Под ред. Г.А. Бордюгова. Введение Л. Майера, сост. Н.С. Антоновой и Л.А. Роговой. – М., 2005.
- Sowjetische Politik in Oesterreich 1945–1955. Dokumente aus russischen Archiven / Gennadij Bordjugov, Wolfgang Mueller, *Norman M. Naimark* und Arnold Suppan. – Wien: Verlag der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005.
- Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сб. документов / Под ред., сост., введ., коммент. Геннадия Бордюгова, Вольфганга Мюллера, Нормана Неймарка, Арнольда Суппана. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
- Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина / Под ред., сост. Г.А. Бордюгова, предисл. Ст. Козна. – М.: АИРО-XXI, РГТУ, 2008.

- Халхин-Гол. 1939–2009. Документ. книга-альбом / Ред., сост., введ. Г.А. Бордюгов. – М.: РИАНовости, 2009.
- Евгений Максимович Примаков. Собрание сочинений в 10-ти томах / Сост., введение, предисловия, комментарии, указатели, библиографические материалы / Г.А. Бордюгов, А.М. Рыбаков, В.Л. Малькевич и др. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016.
- Неизвестный Примаков. Воспоминания / Сост., предисл. Г.А. Бордюгов, В.Л. Малькевич, А.М. Рыбаков и др. – М.: Российская газета; АИРО-XXI, 2016.
- The unknown Primakov. Memoirs / Overall logistics, compilation, introduction G.A. Bordyugov, A.M. Rybakov, V.L. Malkevich and other. – Moscow: Publishing house TPP RF; Publishing house Rossiyskaya gazeta; АИРО-XXI, 2016.
- Неизвестный Примаков. Документы / Сост., введ., коммент. Г.А. Бордюгов, А.М. Рыбаков, В.Л. Малькевич. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета»; АИРО-XXI, 2016.
- Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В 3-х томах / Вступит. статья, коммент., именной и геогр. указатели Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 2-е издание. – М.: АИРО-XXI, 2022.

III. Университетские курсы лекций и учебные пособия

- Образы исторической и современной России. Проблемы конструирования и восприятия в мире. Курс лекций / В. Барабаш, Г. Бордюгов, Е. Котеленец. – М.: РУДН, 2008.
- Russia. A History of the Twentieth Century / G. Bordjygov, S. Devyatov, E. Kotelenets, A. Titkov. – Moscow: Media Press, 2009.
- Образы России в мире. Курс лекций / В.В. Барабаш, Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец. – М.: АИРО-XXI, 2010.
- Государственная пропаганда и информационные войны: учебное пособие / В.В. Барабаш, Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец. – М.: АИРО-XXI, 2015.

- The 20th Century Political History of Russia / G. Boryugov, S. Devyatov, E. Kotelenets. – Москва: Проспект, 2016.
- История для экономистов. Учебный комплекс в двух томах / Н.И. Дедков, Г.А. Бордюгов, Е.И. Щербакова. – М.: 2016–2018.
- History issues of Russian 20th century / V. Barabash, G. Boryugov, S. Devyatov, E. Kotelenets E. – М.: АИРО-XXI, 2021.
- Гибридные и информационные войны. Учебное пособие / В.В. Барабаш, Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец, М.Ю. Лаврентьева. – М.: Пробел 2000, 2024.

IV. Составление и редактирование научных сборников

- Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. Сб. статей / Под ред. и предисл. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 1996.
- Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. и предисл. Карла Аймермахера и Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 1999.
- Мифы и мифология в современной России. Сб. статей / Под ред. и с введением Карла Аймермахера, Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2000.
- Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки / Под ред. и предисл. Геннадия Бордюгова, Норие Исии, Такеси Томита. – М.: АИРО-XX, 2001.
- Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция. Москва, 15 мая 2001 г. / Под ред. и со вступит словами Карла Аймермахера, Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2002.
- Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы. Сб. статей / Под ред. и предисл. Карла Аймермахера и Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2002.

- Культура и власть в условиях коммуникационной революции. Форум немецких и российских исследователей / Под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Инго Грабовского. – М.: АИРО-XX, 2002.
- Образ России и стран Балтии в учебниках истории / Под ред. и закл. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2002.
- Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / Под ред. и предисл. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2003.
- Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения / Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003.
- 60-летие окончания Второй мировой войны и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти / Под ред. и предисл. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2005.
- West-Oestliche Spiegelungen Neue Folge. Wuppertal–Bochumer Project ueber Rusen und Deutsche im 20. Jahrhundert / Herausgegeben von Karl Eimermacher und Astrid Volpert unter Mitarbeit von Gennadij Bordjugov.
- Band 1. Verfuehrungen der Gewalt. Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg. Muenchen, Wilhelm Fink Verlag, 2005.
- Band 2. Stuermische Aufbrueche und enttaeuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit. Muenchen, Wilhelm Fink Verlag, 2006.
- Band 3. Tauwetter, Eiszeit und gelenkte Dialoge. Russen und Deutsche nach 1945. Muenchen, Wilhelm Fink Verlag, 2006.
- Молодежь и политика. Современные очертания и история проблемы, роль государства и гражданского общества, ожидания и прогнозы / Под ред. и предисл. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2006.
- Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный форум, Москва, 28

- сентября 2005 г. Стенограмма / Под ред. и вступит. словами Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2006.
- Владимир Путин. Рано подводить итоги / Под ред., введ. Г.А. Бордюгова, А.Ч. Касаева. – М.: АСТ, 2007.
- Общее прошлое и современность. Материалы польско-российско-немецкого триалога историков и журналистов. 6–9 сентября 2007 г. / Сост. Г. Бордюгов и Ф. Бомсдорф. – М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XXI, 2007.
- Россия без Советского Союза: что потеряли и приобрели, что впереди? Стенограмма Общественного форума 19 декабря 2006 г. и материалы дискуссии / Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2007.
- Стивен Коэн и Советский Союз / Россия / Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов. – М.: АИРО-XXI; РГТЭУ, 2008.
- Харуки Вада – сенсей российской истории / Сост. Г.А. Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2008.
- Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России / Сост. Г.А. Бордюгов, Т.М. Горяева. – М.: АИРО-XXI, 2008.
- Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого коллоквиума. Москва, 12–13 июля 2007 года / Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XXI, 2008.
- Национальные истории на постсоветском пространстве-II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009.
- Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940–1950-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х / Под ред., введ. Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. – М.: РИА Новости, 2009.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт.
- Том 1: Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. – М.: АИРО-XXI, 2010.
- Том 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы. – М.: АИРО-XXI, 2010.

- Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года. – М.: АИРО-XXI, 2010.
- Исторические исследования в России-III. Пятнадцать лет спустя / Под редакцией и предисл. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011.
- Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / Под ред., введ. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011.
- Между каникулами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под редакцией, предисл. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013.
- Две родины Стивена Коэна / Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Добрыхотов. – М.: АИРО-XXI, 2013.
- Русский мир в XX веке. В 6-ти томах / Под ред., введ. Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014.
- Победа-70: реконструкция юбилея / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2015.
- Революция-100: реконструкция юбилея / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2017.
- Примаков Евгений. Я исповедую оптимизм. Сборник стихов и размышлений / Составители Г.А. Бордюгов, А.М. Рыбаков. – М.: ТПП РФ, ЦМТ, АИРО-XXI, 2019.
- Ничто не проходит бесследно. К юбилею Л.Н. Королёвой / Сост.: Геннадий Бордюгов, Анатолий Ложкин, Татьяна Щеглова. – М.: АИРО-XXI, 2020.
- Победа-75: реконструкция юбилея / Под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2020.
- Сохранение памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войнах. Севастополь, 14 – 16 мая 2019 года / Материалы Форума под ред. Геннадия Бордюгова и Валерия Рузина. – М.: Ассамблея народов России; АИРО-XXI; Евразийская академия ТВ и Радио. 2020.
- Сохранение памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войнах. Баку, 1–3 октября 2019 года / Материалы Форума под ред. Геннадия Бордюгова и Валерия Рузина. – М.: Ассамблея народов Евразии; АИРО-XXI; Евразийская академия Телевидения и Радио. 2020.
- СССР-100: реконструкция истории и юбилея / Под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2023.

- Его путь. Вспоминая Стивена Коэна / Сост. Катрина ванден Хювел и Геннадий Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2021.
- His way. Remembering Stephen Cohen / Editors Katrina vanden Heuvel and Gennady Bordyugov. – М.: АИРО-XXI, 2021.
- Русская судьба: Воспоминания, которые я никогда не напишу. Из архива Стивена Коэна / Сост. Катрина ванден Хювел и Геннадий Бордюгов. – М.: Пробел-2000, 2023.
- Russian fate: A memoir that I'll never write. From the archives of *Stephen F. Cohen* / Editors Katrina vanden Heuvel and Gennady Bordyugov. – М.: Probel-2000, 2023.
- Опережающий время: Вячеслав КОНОВАЛОВ / Сост. Геннадий Бордюгов, Александр Бородай. – М.: Пробел-2000, 2024.

IV. Статьи и разделы в сборниках

- Организации художественной интеллигенции в переходный период. (К истории становления творческих союзов СССР) // Социализм и культура / Сб. статей. Отв. ред. Ю.С. Борисов. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1982. С. 136–156.
- Некоторые особенности формирования новой культуры быта в годы довоенных пятилеток // Советская культура: 70 лет развития. Сб. статей к 70-летию академика М.П. Кима. – М.: Наука, 1987. С. 148–158.
- Изучение истории советской культуры / Г.А. Бордюгов, Ю.С. Борисов, В.Т. Ермаков // Изучение отечественной истории в первой половине 80-х годов. – М.: Наука, 1988. С. 312–328.
- Экономика и человек в годы Великой Отечественной войны // Исторический опыт и перестройка: Человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР. – М.: Мысль, 1988. С. 127–169.
- Каждое поколение пишет свою историю // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. Сб. статей. – М.: АИРО-XX, 1996. С. 427–436.
- «Сталинская интеллигенция». О некоторых смыслах и способах ее социального поведения // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. – М.: АИРО-XX, 2001. С. 334–354.

- Смыслы будущего в России XX века. Модели власти и интеллигенции // *De future, или История будущего*. Под ред. Д.А. Андреева, В.Б. Прозорова. – М.: Политический класс, 2008. С. 17–48.
- Вермахт и Красная армия: к вопросу о природе преступлений против гражданского населения / Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах // Под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. С. 951–991.
- Umorientierung der Staatsideologie und Kulturpolitik in den 30er und 40er Jahren / Gabriele Gorzka (Hrsg.) // *Kultur im Stalinismus. Sowjetische Kultur und Kunst der 1930er bis 50er Jahre*. – Bremen: Edition Temmen, 1994. S. 29–39.
- Ist der Stalinismus noch lebendig? Positionen zur aktuellen Situation in Russland / G. Bordiougov, L. Lazarew, Jur. Afanasiew, A. Sinjavskij. – Bremen: Edition Temmen, 1994. S. 247–260.
- The First World War and Social Deviance in Russia / G. Bordyugov // *Facing Armageddon. The First World War Experienced*. – London: Leo Cooper, 1996. P. 549–553.
- Wie autonom ist die russische Geschichtswissenschaft? Alte Vorurteile und neue Ansaetze / G. Bordiougov / Karl Eimermacher und Anne Hartmann (Hrsg.) // *Der gegenwaertige russische Wissenschaftsbetrieb – Innenansichten*. – Bochum, 1996. S. 96–106.
- Das ZK der KpdSU (B), die Sowjetische Militaeradministration in Deutschland und die SED (1945–1951) / G. Bordiougov / Herman Weber, Ulrich Maehlert (Hrsg.) // *Terror: stalinistische Parteisaeberungen 1936–1953*. – Paderborn; Muenchen; Wien; Zuerich: Schoening, 1998. S. 283–350.
- Kueloenleges rendszabalyok es «rendkivueli allapot» / G. Bordiougov // 1917. Es Ami Utana Koevetkezett. Eloeadasok es tanulmanyok az orosz forradalom toerteneteboel. – Budapest: Magyar Ruzsisztikai Egyesuelet, 1998. S. 19–33.
- Terror der Wehrmacht gegenueber der russischen Zivilbevoelkerung / G. Bordiougov / Gabriele Gorzka und Knut Stang (Hg.) // *Der Vernichtungskrieg im Osten – Verbrechen der Wehrmacht in der Sowjetunion aus Sicht russischer Historiker*. – Kassel University Press GmbH, 1999. S. 53–68.

- Die Machtergreifung Hitlers: Dominanten ausenpolitischer Entscheidungen des Stalin-Regimes 1933–1934 / G. Bordiougov / Ludmila Thomas und Viktor Knoll (Hg.) // Zwischen Tradition und Revolution. Determinanten und Strukturen Sowjetischer Aussenpolitik, 1917–1941. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. S. 371–398.
- The Transformation of the Policy of Extraordinary Measures into a Permanent System of Government / G. Bordyugov / Niels E. Rosenfeldt, Bent Ensen and Erik Kulavig (Ed.) // Mechanisms of Power in the Soviet Union. – London – New York: Macmillan Press LTD and St. Martin's Press, Inc., 2000. P. 122–144.
- Die Kosten des bolschewistischen Sprechens: Die Intelligenzija und der Sowjetpatriotismus / G. Bordiougov / Dietrich Beyrau (Hg.) // Im Dschungel der Macht. Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler. – Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2000. S. 300–318.
- Einige probleme bei der Ausbildung der neuen Historikergeneration Ruslands / G. Bordiougov / Anne Hartmann (Hg.) // Kraftproben. Zum russischen Hochschulwesen und Wissenschaftsbetrieb der neunziger Jahre. – Bochum: Proekt verlag, 2000. S. 313–322.
- The Popular Mood in the Unoccupied Soviet Union: Continuity and Change during the War / G. Bordyugov / Robert W. Thurston and Bernd Bonwetsch (Ed.) // The People's War. Responses to World War II in the Soviet Union. – Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 2000. P. 54–70.
- The role of history in promoting tolerance in Russia / G. Bordyugov // The Role of History in Promoting Tolerance in Central, South Eastern and Eastern Europe. Reports of the Promoting Tolerance Workshops in Sinaia. Romania, May 30 – June 2, 2003. P. 86–89.
- Wehrmacht und Rote Armee – Verbrechen gegen die Zivilbevoelkerung. Charakter, Grundlagen, und Bewußtsein von Menschen unter Kriegsbedingungen // Verfuehrungen der Gewalt. Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg / G. Bordiougov / Herausgegeben von Karl Eimermacher un Astrid Volpert unter Mitarbeit von Gennadij Bordjugow. – Muenchen: Wilhelm Fink Verlag, 2005. S. 1213–1260.
- Sowjetische Politik in Oesterreich 1945–1955: Einleitung zu den Dokumenten / Wolfgang Mueller, Norman M. Naimark, Arnold Suppan, Gennadij Bordjugov // Sowjetische Politik in Oesterreich

1945–1955. Dokumente aus russischen Archiven / Wolfgang Mueller, Arnold Suppan, Norman M. Naimark und Gennadij Bordjugov (Hg.). – Wien: Verlag der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005. S. 19–56.

Deutschland und die Deutschen. Ihre Wahrnehmung in der UdSSR und Russland und ihr Einfluss auf die Emigration / G. Bordiougov // Nach Westen. Zuwanderung aus Osteuropa ins Ruhrgebiet. – Essen: Klartext-Verlag, 2012. S. 20–33.

Wehrmacht i Armia Czerwona: istota przestępstw przeciwko ludności cywilne / Giennadij Bordiugow // Pod czerwona gwiazda. Aspekty sowieckiej obecności w Europie Środkowo-Wschodniej w 1945 roku / Pod redakcją Sebastiana Rosenbauma i Dariusza Węgrzyna. – Katowice–Warszawa, 2017. S. 124–147.

Культ прошлого в России // А Ресі Русзісткіка Szolgalataban. – Pecs: PTE BTK TTI Moszt Kutatocsoport, 2018. S. 402–411.

V. Статьи в журналах

Stalin und die SBZ. Ein Besuch der SED-Führung in Moskau vom 30. Januar – 7. Februar 1947 / Bernd Bonwetsch, Gennadi Bordiougov // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1994, 42. Jahrgang, heft 2. S. 279–305.

Die SED und die guten Erfahrungen der Sowjetunion. Pieck und Grotewohl informieren sich in Moskau, 25.3–1.4.1948 / B. Bonwetsch, G. Bordiougov // Deutsche Studien. 1994. XXXI Jahrgang. Heft 121. S. 95–108.

Die Affäre Tjulpanov. Die Propagandaverwaltung der Sowjetischen Militäradministration in Deutschland im Kreuzfeuer der Kritik 1945–1949 / B. Bonwetsch, G. Bordiougov // Deutsche Studien. XXXI. Jahrgang–Dezember 1994. Heft 123/124. S. 247–272.

Большевики и национальная хоругвь / Геннадий Бордюгов // Родина. 1995. № 5. С. 72–77. War and Peace: Stalin's Regime and Russian Nationalism / G. Bordyugov // History Today. Vol. 45(5). May 5, 1995. P. 27–34.

The Policy and Regime of Extraordinary Measures in Russia under Lenin and Stalin / G. Bordyugov // Europe–Asia Studies. Vol. 47. № 4. 1995. P. 615–632.

- Чрезвычайные меры и чрезвычайщина в Советской республике и других государственных образованиях на территории России / G. Bordyugov // *Cahiers du Monde Russe*. Vol. 38(1–2). Janvier–juin 1997. S. 29–44.
- Политика и идеология чрезвычайных мер между сталинской «революцией сверху» и «Большим террором», 1930–1936 гг. / G. Bordyugov // *Cahiers du Monde Russe*. Vol. 39(1–2). Janvier–juin 1998. S. 69–80.
- La Reécriture de l’Histoire Russe et les Debats Methodologiques Dans la Russie d’Aujourd’hui. Round Table // *Cahiers du Monde Russe*, Vol. 39(4). Octobre–decembre 1998. S. 539–545, 547–548, 555–556.
- Гитлер приходит к власти: новые доминанты внешнеполитических решений сталинского руководства. 1933–1934 годы // *Отечественная история*. 1999. № 2. С. 27–47.
- The emergence of national histories in post-Soviet society / G. Bordyugov // *Intellectual news (London)*. № 9: Autumn 2001. P. 35–39.
- Totalitarianism and the War: The German and the Japanese Vectors of the Soviet Leadership’s Foreign Policy DecisionMaking in the 1930s / G. Bordyugov // *Review of Asian and Pacific Studies (Seikei University Center for Asian and Pacific Studies)*. № 21. 2001. P. 35–48.
- Пространство российской власти: в поисках оптимальной формулы / Д. Андреев, Г. Бордюгов // *Свободная мысль-XXI*. 2004. № 3. С. 13–32.
- Lipcowy przewrot bolszewikow w 1917 roku / G. Bordiugow // *Mowia Wiekli. Magazyn historyczny*. 2017. № 3(686). S. 26–30. Wybory i rozpedzenie konstytuanty / G. Bordiugow // *Mowia Wiekli. Magazyn historyczny*. 2017. № 3(686). S. 52–55.

Издания АИРО в 2021–2024 гг.

2021

- «Тихий Дон». Кто автор? Из архива исследователей / под ред. А.Г. Макарова. (Серия «АИРО – Исследования по проблеме авторства “Тихого Дона”»). – М.: Актуальная история, 2021. – 272 с.
- Barabash V., Bordyugov G., Devyatov S., Kotelenets E.* History issues of Russian 20th century / Translation editor M. Kupriyanova. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 336 с.
- HIS WAY. Remembering Stephen Cohen. Editors Katrina vanden Heuvel and Gennady Bordyugov. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 404 с.
- Ажгихина, Надежда.* Девочка с птицами. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 224 с.
- Ажгихина, Надежда.* Письма из Москвы. Устная речь. Междометия. Изд. второе, расширенное. – АИРО-XXI, 2021. – 304 с. : ил.
- Акульшин П.В., Князева И.С.* Парламентская история Центральной России: выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе и Учредительном собрании (1906–1917 гг.) : моногр. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 336 с.
- Бозиев С.Н.* «Тихий Дон» в сравнениях. А.С. Серафимович, Ф.Д. Крюков, М.А. Шолохов... – М.: АИРО-XXI, 2021. – 376 с.
- Владислав Леонидович Малькевич: на службе Отечеству и людям. Воспоминания и свидетельства коллег и близких. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 216 с.
- Войтиков, Сергей.* Ленин, Свердлов и Троцкий. партия, власть и террор. Очерки советской политической истории эпохи Гражданской войны. – М.: АИРО-XXI. 2021 г. – 240 с.
- Гребенкин И.Н., Романика А.С.* Революционная Россия и военный вопрос: от Севастополя до Цусимы. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 288 с. – (Серия «АИРО – монография»).

- Гросул-Войцеховская Н.В.* Архитектор В.А. Войцеховский: замыслы и воплощения. 1909–1977. – М.: ЦНИ «Актуальная история»; АИРО-XXI, 2021. – 96 с.
- ЕГО ПУТЬ. Вспоминая Стивена Коэна / Сост. Катрина ванден Хювел и Геннадий Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 404 с.
- Коротко о важном / Фред Фирсов (составитель). М.: АИРО-XXI, 2021 – 416 с.
- Крюков, Федор.* Накануне. В час предзакатный. Статьи и очерки. М.: АИРО-XXI, 2021. – 368 с.
- Крюков, Федор.* Старое поле. В начале пути. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 320 с.
- Куреньшев А.А.* Жизнь как роман, роман – как жизнь. За что боролся и погиб Б.В. Савинков. Штрихи политического портрета. – М.: ЦНИ «Актуальная история»; АИРО-XXI, 2021. – 230 с.
- Малых Владимир, Носков Евгений.* Пеленг Огненных шаров. Гибель туристов группы Дятлова. – М.: ЦНИ «Актуальная история»; АИРО-XXI, 2021. – 88 с.
- Медведев Рой, Андреев Николай.* Владимир Путин и Си Цзиньпин: личность и лидерство. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 224 с.
- Медведев Р., Андреев Н.* Владимир Путин и Си Цзиньпин: личность и лидерство. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 288 с.
- Мурашкин И.А.* Усть-Медведицкая колыбель «Тихого Дона». (Серия «АИРО – исследования по проблеме авторства “Тихого Дона”») – М.: АИРО-XXI; ЦНИ «Актуальная история». 2021 г. – 240 с.
- Неймарк, Норман.* Геноцид: всемирная история / Перевод Ирины Давидян. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 256 с. – (Серия «АИРО – первая публикация в России»).
- Отлучение от науки. Академик Александр Александрович Баев. Архивно-следственные документы 1937–1954 гг. и многое другое. 2-е изд. перераб. и доп. (Электронная версия). – М.: АИРО-XXI, 2021. – 408 с.

- Томилин В.Н.* Государство и колхозы: 1946–1964 гг. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 448 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Торгово-промышленная палата Российской Федерации в 1991–2020 гг. / Под ред. президента ТПП РФ С.Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; ЦНИ «Актуальная история», 2021. – 464 с. : ил.
- Феномен красной конницы в Гражданской войне / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО-XXI. 2021. – 336 с.
- Фирсов, Фридрих.* Опыт семейной археологии. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 400 с. – (Серия АИРО – первая публикация).
- Черёмушкин П.* Ярузельский: испытание Россией. Изд. 2-е, расшир. и дополн. М.: АИРО-XXI, 2021. – 394 с.
- Черёмушкин, Пётр.* Александр Ведерников, главный дирижер. – М.: АИРО-XXI, 2021, – 184 с.

2022

- Ажгихина Надежда.* Сны. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 222 с.
- Апальков Д.И.* Внутрипартийная борьба в ВКП(б): от «коллективного руководства» к сталинской диктатуре. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 192 с. – (Серия «АИРО – первая монография»).
- Бордюгов Г.А.* СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историях. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 384 с.
- Выжutowич В.В.* Ни слова о болезни: Беседы с доктором Бузиашвили. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 144 с.
- Духовно-нравственное становление человека: беседы с преподавателями и студентами / Под общей ред. Е.П. Белозерцева, Г.В. Заридзе. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 504 с.
- Клименко А.Ю.* Историко-архивный: Из воспоминаний выпускников и преподавателей ИАИ. 1940–1990-е годы. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 336 с. : ил.
- Коэн, Стивен.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Третье издание. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 192 с.

- Крюков, Федор.* На Германской войне. На фронте и в тылу. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 336 с.
- Крюков, Федор.* На Дону. В родных местах. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 384 с.
- Крюков, Федор.* Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 416 с.
- Ложкин, Анатолий.* От вятских увалов до столицы России. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 364 с. – (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Перед лицом своих товарищей...: сборник / Сост. и ред.: Т.В. Трухачева, А.Г. Кирпичник. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 296 с.; Электронное иллюстрированное издание. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 510 с.
- Проблемы новой и новейшей истории России: сборник / сост. В.Я. Гросул. М.: АИРО-XXI, 2022. – 328 с.
- Старикова, Светлана.* Мне хочется мечтать. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 200 с. : ил.
- Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 1. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI; ИП Секачев В.Ю., 2022. – 544 с.
- Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 2. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI; ИП Секачев В.Ю., 2022. – 560 с.
- Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 3. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI; ИП Секачев В.Ю., 2022. – 560 с.

2023

- Афанасьева М.Б.* История Николаевского кавалерийского училища (1823–1917 гг.) – М.: Пробел 2000, 2023. – 272 с. – (Серия «АИРО – первая монография»)

Бордюгов Г.А. СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историях. Изд. 2-е, расширенное и дополненное. – М.: Пробел 2000, 2023. – 412 с.

Коэн Стивен. Война с Россией? – М.: «Пробел 2000», 2023. – 268 с.

Лаврентьева М.Ю. Слово против слова: информационно-психологические войны. XX век. – М.: Пробел-2000; АИРО-XXI, 2023. – 288 с. – (Серия «АИРО – первая монография»).

Петришина И.Д. Крестьянское хозяйство Черноземного центра в годы новой экономической политики: 1921–1929 гг. – 288 с. – (Серия «АИРО – первая монография»).

РУССКАЯ СУДЬБА : Воспоминания, которые я никогда не напишу. Из архива Стивена Коэна / Сост. Катрина ванден Хювел и Геннадий Бордюгов. – М.: Пробел-2000, 2023. – 388 с. : ил. – (Серия «АИРО-XXI – Первая публикация»).

СССР-100: реконструкция истории и юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2023. – 544 с. : ил.

Тартаковский А.Б. Семейный архив / Предисловие С. Смирнова. – М.: Пробел-2000, 2023. – 252 с. – (Серия «АИРО – первая публикация»).

Щербина С.П. Мемология российской истории XX века. Рождение и эволюция исторических образов. – М.: АИРО-XXI, 2023. – 552 с.

2024

Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А., Лаврентьева М.Ю. Гибридные и информационные войны. Учебное пособие. – М.: Пробел-2000, 2024. – 312 с.

Гладков Э.Н., коллектив авторов. Вадим Сидур «Мир без человека мне не интересен». В 2-х частях. Часть I. «В памяти и на фотопленке». Альбом фотографий. Часть II. «Однажды они спустились в подвал». Друзья, почитатели вспоминают...» – М.: АИРО-XXI, 2024. Электронное издание.

Нельская-Сидур Юлия. «Время, когда не пишут дневников и писем...» Хроника одного подвала. Дневники 1968–1973 / Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Владимира Во-

ловникова. Изд. 3-е, исправленное. – М.: АИРО-XXI, 2024. – 1080 с. Электронное издание.

Носков В.Ю. Великая Отечественная: военное детство в советской пропаганде и памяти поколения (на материалах Донбасса). – М.: Пробел 2000, 2024. – 240 с. – (Серия «АИРО – первая монография»).

Опережающий время: Вячеслав КОНОВАЛОВ. – М.: Пробел-2000, 2024. – 200 с.

Четырина Н.А. Реестр записей частных условий и контрактов ратуши Сергиевского посада (1790–1864 гг.). – М.: Пробел-2000, 2024. – 340 с.

С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

Геннадий Аркадьевич Бордюгов

ИСТОРИЯ КАК КОНЪЮНКТУРА

Дизайн и вёрстка – С.П. Щербина.



Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

E-mail: airo@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 15.05.2024
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 16.72
Тираж 500 экз. Зак.

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4
Тел.: (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru